МАЙ 2008
Проверено 1964 г.
МАЙ 2008
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1877

КНИЖКИ ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ.

МАЙ И ІЮНЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (М. Катковъ).
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКИ ПЯТАЯ и ШЕСТАЯ. — МАЙ и ІЮНЬ.

I. — НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ по указамъ Петра Великаго.—**В. Лешкова**..... 5
II. — ОБЫЧАЙ И ЗАКОНЪ, КАК ФОРМЫ ПРАВА.—**Метла**.. 31
III. — КРИТИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ УЧЕНІЙ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ЦЕРКОВІЮ И ГОСУДАРСТВОМЪ.—**Петра Срѣтенскаго**..... 65
IV. — ОЧЕРКИ СЕМЕЙНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКАГО НАРОДА.—**А. Смирнова**..... 92

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

V. — ВЛІЯНІЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННАГО ТАРИФА НА БЛАГОСОСТОЯНІЕ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ.—**И. И. Янжулъ**..... 1
VI. — ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЕЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—**П. Л. Карасевича**..... 12
VII. — КЪ ВОПРОСУ О ПРАВѢ ЗАЛОГА СВОБОДНЫХЪ ЧАСТЕЙ ЦѢННОСТИ ЗАЛОЖЕННАГО ИМѢНІЯ. — **К. Ан—рова**..... 29
VIII. — О ПОНЯТІИ НОЧНАГО ВРЕМЕНИ, какъ увеличивающаго вину обстоятельства.—**А. Вульферта**..... 41
IX. — КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЛАДИМІРСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**Ильи Шрага**..... 51
X. — БИБЛІОГРАФІЯ.—**Графа Леонида Камаровскаго**.... 102

XI. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

а) Духовное завѣщаніе составленное лицомъ состоящимъ подъ опекою, учрежденною по Высочайшему повелѣнію,

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1877

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

МАЙ и ІЮНЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1877

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

МАЙ и ІЮНЬ

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Н. Катковъ и К°).
1877.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ,

ПО УКАЗАМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

„Полиція—душа гражданства."
(Регл. Главн. Магистрата, 1721).
„Не все-ль неволею сдѣлано?"
(Ук. 1723, ноября 5).

Въ этомъ заглавіи, равно какъ въ этихъ эпиграфахъ, лежитъ объясненіе того, почему мы вносимъ вопросъ о просвѣщеніи въ наше Юридическое Общество. Мы ищемъ рѣшенія задачи: пригодна ли полиція, въ области просвѣщенія, мыслима ли сила и неволя въ сферѣ науки, искусства, образованія,—и гдѣ предѣлы для воздѣйствія государства на просвѣщеніе, которыми идея становится положительнымъ правомъ?

Извѣстно, что изъ трехъ главныхъ и высшихъ человѣческихъ обществъ, государство и церковъ немыслимы безъ идеи власти, и что все государственное право страны есть только развитіе идей о государственной власти, подобно тому, какъ право церковное все выводится изъ идеи церковной власти. Наоборотъ земство и земское народное общество не знаетъ такой власти, единой, непрерывной, надъ всѣми дѣйствующей, воплощаемой въ постоянномъ субъектѣ, лицѣ или учрежденіи. Посредствомъ періодическихъ выборовъ,

*) Читано 21 февраля 1877 года въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества.

возобновляемыхъ въ болѣе, или менѣе краткіе сроки, органы земской власти постоянно мѣняются и власть ихъ готова переходить отъ лица къ лицу, давая знать, что она исключительно принадлежитъ земству. Понятно, почему въ дѣлахъ наукъ, искусствъ и промышленности, служащей ихъ осуществленіемъ, мы не видимъ господства власти, столько необходимой въ области политики и вѣры, и въ жизни государства и церкви. Въ области науки, искусства, или промышленности, власть законодательная находится въ самой наукѣ, въ теоріи,—власть судебная—въ критикѣ,—администрація—въ интеллигенціи страны и въ ея общественномъ мнѣніи.

Между тѣмъ мы очень хорошо знаемъ, что и въ этой области знанія и образованія по мѣстамъ дѣйствуютъ элементы принужденія, силы, указныхъ распоряженій. Силою должно было забирать дѣтей въ школы Владиміра Св.,—къ государственной власти обращался епископъ Геннадій, убѣждая учредить по городамъ училища, — сама эта власть, въ лицѣ Грознаго, настаивала на учрежденіи школъ,—ея санкціи требовали приходы, желавшіе учредить у себя училища, равно какъ ея освященію обязана своимъ существованіемъ Греколатино-славянская Академія. Стало-быть есть стороны, въ дѣлѣ просвѣщенія, которыя подлежатъ дѣйствію силы и принужденія; но какія?

Просвѣщеніе страны состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: изъ воспитанія и обученія, совершаемыхъ преимущественно семьею,—изъ образованія, которое доставляется общинами, напр. по городамъ, и собственно просвѣщенія, составляющаго продуктъ всего народнаго общества, съ его наукою, искусствомъ. Способъ, которымъ все это совершается, состоитъ въ вѣчномъ взаимодѣйствіи нисшихъ элементовъ съ высшими, чрезъ что воспитаніе и наученіе дѣлаютъ возможнымъ просвѣщеніе, а образованіе и просвѣщеніе вѣчно содѣйствуютъ возвышенію принциповъ воспитанія и ученія. Природа человѣческаго духа родитъ начала воспитанія, предметы и средства наученія, равно какъ истины и принципы для образованія и просвѣщенія; но также точно при-

рода идей воспитательныхъ, образовательныхъ и просвѣтительныхъ сама установляетъ законъ взаимодѣйствія между различными элементами просвѣщенія. Отъ человѣка и его воли, отъ общества и его разсчета зависитъ учрежденіе тѣхъ средоточій, въ которыхъ осуществляется это взаимодѣйствіе,—средоточій, именуемыхъ училищами, школами, заведеніями. Тутъ же поприще для дѣйствія указовъ, которые могутъ установить порядокъ въ заведеніи учрежденій, начиная съ училищъ и кончая академіями, опредѣлить отношенія между дѣятелями и взаимныя права учителей и учениковъ, наставниковъ и слушателей, ученыхъ и печати, литераторовъ и издателей, литературы и публики. Истина, изящное и разумнополезное не подлежатъ вліянію указовъ, ни прямому, ни косвенному, а потому не подлежатъ указамъ вопросы о томъ, что̀ можетъ и должно быть изучаемо,—кто можетъ или долженъ изучать, или знать то-другое, равно какъ и о томъ, какъ извѣстныя истины могутъ или должны быть сообщаемы. Для уясненія, хоть частію, этихъ общихъ положеній, разскажемъ, какъ дѣло просвѣщенія устроялось въ царствованіе Петра В.?

Довѣримся впечатлѣнію, которое производятъ разсказы о Петрѣ В., и допустимъ, что въ свое время этотъ государь болѣе всѣхъ чувствовалъ, что ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма. Окруженный образованными иноземцами, возбуждаемый всѣмъ, что видѣлъ и испыталъ въ заграничной жизни, убѣждаемый въ пользѣ знанія и умѣнья во всѣхъ дѣлахъ мира и войны и вступавшій въ сношенія съ учеными европейцами, царь Петръ долженъ былъ волноваться заботою о насажденіи просвѣщенія въ Россіи. Но и народъ, но и страна въ лицѣ лучшихъ своихъ дѣятелей и мыслителей не могли оставаться равнодушными къ дѣлу образованія. И вотъ почему.

Окно въ Европу было прорублено, и въ виду предстоявшихъ перемѣнъ, Россія должна была представлять изъ себя сухую почву, напитываемую всякою влагою западной цивилизаціи, или область густаго холоднаго воздуха, куда бурно стремились потоки разрѣженнаго цивилизаціей воздуха Европы всякаго вѣянія и направленія. Появились въ Россіи

не только католики, іезуиты, кальвинисты, лютеране, какъ бывало встарь, когда вѣротерпимость служила правомъ для всякаго лица изъ иноземцевъ и иновѣрцевъ, только бы они не грѣшили противъ господства православія распространеніемъ своихъ догматовъ, — теперь въ Россіи появились не только лица, но ихъ разнообразныя ученія — католическія, іезуитскія, кальвинистскія, лютеранскія, открыто вступившія въ борьбу съ православіемъ. И должно было поднять ученіе православія до извѣстнаго уровня, въ семьѣ, въ обществѣ, въ школѣ и въ государствѣ, если не хотѣли сѣять въ Россіи новыхъ болѣе опасныхъ расколовъ, сектъ и ересей. Между тѣмъ на самой высотѣ православной іерархіи, видимо господствовалъ дуализмъ богословскихъ ученій, воплощаемый въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго,— Яворскаго, блюстителя Патріаршаго престола и автора сочиненія: „Камень вѣры,“ которое написано для защиты православія и было напечатано только по смерти Петра В., тогда какъ при его жизни были переводимы на русскій языкъ и печатаемы на казенный счетъ катехизисы разныхъ исповѣданій, по указу 1723, янв. 16, № 4143, конечно, не для нѣмцевъ, или иностранцевъ, имѣвшихъ эти книги на своемъ діалектѣ. Такимъ же путемъ входили въ Россію, или могли входить разныя политическія ученія запада, съ его разнообразными воззрѣніями на основныя положенія государственнаго права о власти и подданствѣ, отъ революціонныхъ и конституціонныхъ до деспотическихъ и крайне произвольныхъ, стѣснительныхъ, отъ англійскихъ и голландскихъ до французскихъ, датскихъ, польскихъ и шведскихъ. Уже самъ Петръ В. зло подшучивалъ надъ стариннымъ русскимъ государственнымъ строемъ, передавая Ромодановскимъ титулы Кесаря и вице-царя, — другимъ званія стараго оберъ-боярина, князя и дворянина, надъ всѣми бочками оберъ-коменданта,—Зотову т. совѣтнику титулъ князя—папы,—Бутурлину-архіерея,—а Ржевской—князь-игуменьи *). И долж-

*) Бергмана, IV, I и слѣд.

но было поднять уровень политическихъ понятій въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ, для борьбы съ произвольными личными воззрѣніями на столь существенные вопросы, если не хотѣли безплодно и вредно волновать страну и умы народа простымъ преслѣдованіемъ пасквилей, или подметныхъ писемъ, безъ опроверженія кривыхъ, часто злонамѣренныхъ толковъ о разныхъ событіяхъ времени.

Съ другой стороны, коренныя преобразованія въ управленіи на манеръ-ли шведскій, или нѣмецкій, или польскій, но во всякомъ случаѣ съ подчиненіемъ народа иноземному порядку и чужеземному персоналу даже въ судахъ, дѣлали необходимыми соотвѣтственныя перемѣны въ школѣ и въ убѣжденіяхъ общества, если не желали скораго уничтоженія реформъ, только наружно, только силою поддерживаемыхъ въ отечествѣ. И особенно требовала того роковая перемѣна въ относительномъ положеніи сословій,—я разумѣю при этомъ крѣпостное право, которому были подвергнуты милліоны русскихъ людей, записанныхъ въ ревизіи за помѣщиками, содѣлавшимися владѣльцами этихъ людей, какъ своихъ ревизскихъ душъ, на правѣ государственнаго управленія. Сколько нужно было имѣть помѣщикамъ гуманности, чувства законности и долга, чтобы своимъ обращеніемъ не вызывать сначала мѣстныхъ, а потомъ и повсемѣстныхъ возстаній, со стороны ихъ крѣпостныхъ? Не говоря о предметной спеціализаціи управленія по дѣламъ арміи, флота, юстиціи, коммерціи, мануфактуръ, о коллегіяхъ, канцеляріяхъ, о лѣсахъ, рудахъ, каналахъ, почтахъ, даже ассамблеяхъ и полиціи.

Что же для всего этого совершено, или предпринято Петромъ В., или въ его царствованіе? И прежде всего въ какое отношеніе поставило себя правительство къ естественнымъ органамъ просвѣщенія въ Россіи того времени? Эти органы извѣстны, необходимы, повсюду одни и тѣ же въ странахъ цивилизованныхъ, состоя изъ семьи и церкви, для религіозно-моральнаго образованія,—изъ школы, общества и государства—для умственнаго развитія и для успѣха въ наукахъ и въ искусствѣ. Была-ли семья призвана по указамъ Петра В. къ выполненію высокой своей задачи? На этотъ вопросъ

нельзя не отвѣтить отрицательно, зная распоряженія Петровскихъ указовъ касательно отношеній между полами,—между супругами по имуществу,—между родителями и дѣтьми, по аналогіи съ правительственной опекою, которая въ этомъ случаѣ высказывается въ требованіяхъ правительства учить, поучать и научать всему что нужно для цѣлей исключительно служебныхъ. Все это подтверждается извѣстнымъ воззрѣніемъ указовъ Петра В. на семью, равно какъ послѣдующимъ ученіемъ о религіозно моральномъ образованіи народа во времена Петра В. И потому мы переходимъ къ вопросу о церкви и духовенствѣ, какъ дѣятелѣ народнаго образованія, въ разсматриваемую эпоху. Но напередъ отмѣтимъ явленія, изъ которыхъ видно, что Россія того времени не была tabula rasa, въ этомъ отношеніи, и по которымъ можно судить о состояніи народнаго образованія, унаслѣдованномъ отъ древности петровскою эпохою.

Отъ недавней старины петровская Россія наслѣдовала на югѣ братскую школу, или Кіевскую Академію, а на сѣверѣ разныя братства и греко-латино-славянскую или Московскую Академію. Кромѣ того и на югѣ и на сѣверѣ, по мѣстамъ, существовали другія училища. Не должно забывать, что съ половины XVI в. Соборъ Стоглавый повелѣлъ учреждать школы по всѣмъ городамъ русскимъ, равномѣрно не забудемъ того, что въ XVII ст. иные прихожане сами оффиціально заявляли свое желаніе открыть школу, и что по селамъ, какъ въ древности, въ это время должны были встрѣчаться мастера, или учители. Умноженіе раскольниковъ, въ разныхъ пунктахъ Россіи, съ ихъ начетчиками и съ ихъ ревностію сохранить служеніе по старымъ книгамъ,—все это доказываетъ, что въ Россіи того времени, о которомъ говоримъ, были образовательныя средства, изъ числа которыхъ всего ярче выдаются Академіи Кіевская и Московская, да школы при архіерейскихъ домахъ, греческія и латинскія. При такихъ народныхъ средствахъ, правительство могло многое совершить на пользу народнаго просвѣщенія. На бѣду, правительство думало не о народномъ просвѣщеніи, а о подготовкѣ, или, пожалуй, образованіи народа къ службѣ государ-

ству, посредствомъ наученія „подданнической вѣрности“, на что обращалось все вниманіе правительства и всѣ его средства, до пренебреженія къ другимъ сторонамъ духовнаго развитія. Вотъ почему о женскомъ воспитаніи не могло быть тогда и рѣчи, даже по женскимъ монастырямъ, равно какъ тутъ не могло быть и мысли о приходскихъ школахъ для народа, осужденнаго на физическую работу по закону крѣпостнаго права, а наконецъ мало заботились о развитіи духовенства, или даже городскаго населенія. Образованіе стало привилегіею шляхетства для удобнѣйшаго выполненія служилой повинности. Неудивительно послѣ того встрѣтить выраженіе принципа, касательно ученія, въ указѣ о заведеніи мануфактуръ,—принципа, состоявшаго по этому, указу 1723, ноября 5, *) въ принужденіи „народа, яко дѣтей“, которыя „никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ“, и въ обоснованіи такого принципа на современныхъ фактахъ: „не все-ль неволею сдѣлано?“.

Судя по однимъ біографіямъ сподвижниковъ Великаго Петра, не говоря о такихъ писателяхъ, какъ крестьяне Посошковъ и Кириловъ, или о такихъ дѣятеляхъ, какъ Прокоповичъ и Яворскій, должно согласиться, что Петръ В. нашелъ извѣстный запасъ духовныхъ силъ и средствъ въ самой Россіи, съ которыми могъ совершить весьма много для отечества. Такъ говорятъ **), что Головкинъ зналъ латинскій языкъ въ совершенствѣ, что Долгоруковъ былъ отлично образованнымъ человѣкомъ и что Шафировъ владѣлъ множествомъ свѣдѣній не обычныхъ, если дѣйствительно онъ былъ сначала только сидѣльцемъ въ панскомъ ряду, а не литовскимъ евреемъ. Объясненіе такихъ явленій находится въ дѣятельности учрежденій, подобныхъ типографіи, академіямъ Кіевской-братской и Московской-заиконоспасской, равно какъ школъ разнаго наименованія и значенія, какою была школа архіерея Новгородскаго—Іова. Не могъ же безъ всякаго школьнаго

*) № 4345, п. 2.

**) Бергманъ, VI, 151 и слѣд.

ученья крестьянинъ Кириловъ предпринять и составить свое сочиненіе „о цвѣтущемъ состояніи Россіи“, ни крестьянинъ Посошковъ написать свою книгу „о скудости и богатствѣ“, или поученіе сыну,—сочиненія и книги, которыя, по свойству вопросовъ, предваряли политическую экономію запада, ея статистику и даже современный вопросъ о правахъ женщины. Но главное, на что нельзя не обратить вниманія, это общая грамотность и начитанность раскольниковъ, до сихъ поръ, по преданію, господствующая въ ихъ быту, несмотря на всю ихъ враждебность къ остальнымъ нововведеніямъ въ церкви и въ государствѣ, такъ что эта грамотность и эта начитанность, какъ правила жизни, несомнѣнно весьма древняго происхожденія и составляютъ слѣды быта допетровскаго, очевидно, отличавшагося распраненною грамотностію. Но то вѣрно, что все древнее образованіе носило на себѣ печать вліянія церкви. Можетъ быть, это обстоятельство было поводомъ къ тѣмъ указнымъ распоряженіямъ, которыя характеризуютъ, въ этомъ вопросѣ, реформы Петра В., хотя только *поводомъ*; ибо клерикальности тутъ вовсе нѣтъ, какъ напр. въ греко-латино-славянской академіи, къ учрежденію которой побужденіемъ служила мысль поддержать падавшее на востокѣ просвѣщеніе и православіе, такъ что незачѣмъ прибѣгать къ вымыслу о Петровскомъ завѣщаніи, когда есть дѣйствительный актъ, но народный для опредѣленія отношенія Россіи къ христіанамъ Турціи.

А. УМСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

1701, янв. 31, *) царь указалъ: „древнихъ отецъ преданіе бысть, монаху ничто писать безъ повелѣнія начальнаго“, т. е. монаху запрещалось вести съ кѣмъ бы то ни было переписку и вообще заниматься письменностью безъ разрѣшенія, или благословенія начальства. Между тѣмъ изъ этого „преданія“ царь выводитъ общее запрещеніе монахамъ держать

*) № 1834.

„бумагу и перья“ по кельямъ,—запрещеніе, которое своимъ частымъ повтореніемъ доказываетъ, что оно было вызвано не случайнымъ, временнымъ обстоятельствомъ, а особымъ убѣжденіемъ въ необходимости прекратить всякую письменную дѣятельность въ монастыряхъ, снабжавшихъ дотолѣ Россію лѣтописями и разными историческими памятниками. Монастырь осужденъ въ будущемъ на молчаніе. Указъ 1718, авг. 18, *) запрещаетъ монахамъ писать, по кельямъ за исключеніемъ „учителей“, и вѣроятно правителей, настоятелей монастырей, а указъ 1723, янв. 19, **) еще разъ подтверждаетъ общее запрещеніе монахамъ держать бумагу, чернила и перья по кельямъ. Монахи не пишутъ; но они читаютъ, знаютъ и словесно могутъ передавать свои мысли, имѣя подъ руками богатыя, по времени, библіотеки и сокровища письменности, которыя должны были поддерживать ихъ образованіе и побуждать ихъ передавать плоды своихъ ученій, наблюденій, сравненій, сопоставленій, и вотъ идутъ указъ за указомъ, касательно этихъ монастырскихъ сокровищъ письменности. 1720, дек. 20, ***) повелѣно: рукописи курьезныя и историческія присылать изъ монастырей къ губернаторамъ для списыванія и отправленія копій въ Сенатъ, а харатейныя и старопечатныя книги отбирать и никому у себя не держать, а отовсюду отправлять на Печатный дворъ для замѣны новопечатными, какъ гласитъ ук. 1721, мая 17. ****) Затѣмъ по ук. 1722, февр. 16, *****) предписано: изъ всѣхъ епархій высылать въ Синодъ, для списыванія, всѣ древнія рукописи. Ясно, что монастыри, дотолѣ смотрѣвшіе на свои книги и рукописи, какъ на святыню, не спѣшили выполненіемъ указовъ, которые грозили этой святынѣ потерями и неисправностями въ ихъ копированіи со стороны тогдашнихъ приказныхъ, по губернскимъ канцеляріямъ, и правительство принуж-

*) № 3223.
**) № 4146.
***) № 3693.
****) № 3784.
*****) № 3908.

дено было употребить въ дѣло власть Синода, для выполненія своей цѣли: наложить свою печать на всю древнюю русскую письменность, или сообщить государственную оффиціальность всему нашему прошедшему и чрезъ то содѣлать невозможною всякую историческую критику, да частію и самую исторію Россіи.

Наконецъ здѣсь у мѣста припомнить нѣсколько указовъ вообще о бытѣ монашества, о монастыряхъ, монахахъ и монахиняхъ, въ царствованіе Петра В., напр. указъ 1723, янв. 28, *) которымъ повелѣвалось: „переписать всѣхъ монаховъ, и монахинь, и впредь отнюдь не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ". Указъ весьма замѣчательный, потому что характеризуетъ и взглядъ правительства на монастыри, какъ на произвольныя, случайныя учрежденія, въ родѣ пріютовъ для безпріютныхъ, и его воззрѣніе на право и творческую власть допустить и создать, или запретить и уничтожить всякое историческое явленіе народной жизни, безъ различія областей, куда явленіе относится, къ вѣрѣ-ли, къ церкви, къ наукѣ, или къ простой администраціи. Указъ 1723 былъ поясненъ и подтвержденъ 1724, янв. 31, когда повелѣно: въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ и нищихъ, да на счетъ монастырей заводить лазареты и гошпитали, да семинаріи, для образованія *властей*, посылая изъ нихъ желающихъ въ Москву и Петербургъ, постригая ихъ не раньше 30-ти лѣтняго возраста и приготовляя изъ нихъ архіереевъ, архимандритовъ и т. д. Конечно, указы эти въ первой ихъ части были энергично приводимы въ исполненіе, потому что въ теченіе одного года, по разнымъ обителямъ, оказались вопіющія неустройства, отъ смѣшенія половъ и 5 февраля 1724 **) повелѣно, вмѣсто того, чтобы отставныхъ унтеръ-офицеровъ, солдатъ, или нищихъ съ ихъ женами помѣщать въ монастыри мужскіе или женскіе, только продовольствовать ихъ монастырскими порціями. Но такимъ образомъ „убылыя мѣста" указа 1723 ос-

*) № 4151.
**) № 4455.

таются вакантными,—монастыри пустѣютъ и грозятъ не давать даже порцій для отставныхъ военныхъ чиновъ и нищихъ, а потому принимается другая система, относительно монастырей. Для нихъ были составлены штаты, *) и напр. по указамъ 1724, янв. 20, **) марта 28, ***) велѣно, разсмотрѣвъ сколько хлѣба по монастырямъ, и сколько у нихъ денегъ, вычесть оттуда слѣдующее по штатамъ монастырямъ, остальное же распредѣлить по разнымъ частямъ на духовныя училища, на семинаріи, на тогдашнія архіерейскія школы и т. п. По указу тогоже года янв. 31 ****) подробнѣе указаны монастырскіе расходы, вопервыхъ на жалованье монастырскимъ чинамъ,—2, на церковныя потребности, 3, двѣ доли изъ остальнаго на пользу больныхъ, а третья служащимъ монахамъ. Что касается до школъ, тогда невольно приходившихъ на умъ всякому, говорившему о монастыряхъ, то средства для нихъ Синодъ укажетъ, сказано въ этомъ актѣ. Тутъ же прибавлено, что Московскіе монастыри Чудовъ и Вознесенскій должны служить своими средствами на пользу больныхъ, а Новодѣвичій—на пользу сиротъ, о чемъ предписано хлопотать капитану Баскакову. Монастыри, по мысли указовъ, становятся чѣмъ то въ родѣ запасныхъ магазиновъ для народнаго физическаго продовольствія, что между прочимъ вытекаетъ изъ распоряженій 1722, Сент. 11, *****) которымъ предписывалось, „монахинь пріучать къ рукодѣльямъ, именно пряденью, а благородныхъ изъ нихъ шитью, низанью и т. п., приглашая для того особыхъ мастерицъ, конечно, бѣлицъ, не монахинь, которыя обязуются не только воздерживаться отъ смѣха и мірскихъ словъ, но и отъ смѣхотворства, подъ страхомъ жестокаго наказанія.“

Но, можетъ быть, устраняя монашество отъ вліянія на образованіе народа, Петръ В. хотѣлъ сообщить особую силу бѣло-

*) См. Кн. Штатовъ. П. С. З.
**) № 4426.
***) № 4488.
****) № 4516.
*****) № 4089.

му духовенству, такъ непосредственно связанному съ бытомъ народа, по приходамъ? Къ сожалѣнію, въ его указахъ мы не видимъ этого намѣренія; напротивъ они показываютъ, что наше правительство, какъ бы опасалось, по примѣру запада, всякаго клерикальнаго вліянія и дѣлало все возможное для ослабленія русскаго духовенства. Пробѣжимъ въ хронологическомъ порядкѣ содержаніе важнѣйшихъ указовъ, относящихся къ вопросу. 1708, янв. 15 *), велѣно поповыхъ дѣтей учить въ греческихъ и латинскихъ школахъ, безъ чего не посвящать въ санъ и никуда не принимать въ службу, за исключеніемъ военной. Ясно, что поповымъ дѣтямъ, по этому указу, предоставлено сословное, исключительное право вступать въ санъ духовный, или въ государственную службу, только подъ условіемъ прохожденія ученія въ школахъ греческихъ и латинскихъ. Стало, такія школы были. 1711, апр. 25 **), состоялось соборное постановленіе, которымъ повелѣно: „опасно, т. е. строго смотрѣть, справляясь съ писцовыми и переписными книгами, чтобы приходы не были скудны, и въ слушаніи, т. е. въ испытаніи ставленниковъ быть опасну и жестоку, и за всякое неумѣнье весьма отказывать". Вопросъ идетъ объ улучшеніи, или обезпеченіи быта духовенства и поднятіи уровня его образованія. Ничего разумнѣе доселѣ не придумано для вопроса о духовенствѣ. Нельзя однако же не видѣть что улучшеніе быта, по указу 1711, обусловлено сокращеніемъ числа приходовъ, можетъ быть, вопреки желаніямъ прихожанъ, и во всякомъ случаѣ на бѣду весьма многимъ наличнымъ священнослужителямъ, которыхъ церкви будутъ найдены излишними противъ тѣхъ-другихъ древнихъ писцовыхъ книгъ, и, весьма естественно, по движенію населенія. Улучшеніе быта однихъ изъ священнослужителей, безъ особаго ихъ на то права, должно было совершиться разореніемъ другихъ, безъ особой съ ихъ стороны вины. Между тѣмъ, какъ послѣдствіе такого указа было распоряженіе актовъ о ревизіи, включавшихъ въ себя без-

*) № 2186.
**) № 2352.

мѣстныхъ, заштатныхъ священно-служителей. Что касается до мысли о возвышеніи образованія духовенства, то объ этомъ особенно подробно говоритъ Духовный Регламентъ, но въ видѣ проекта, предположеній и обѣщаній въ будущемъ, тогда какъ дѣйствительность представлялась довольно печальною по указу 1722, мая 31 *), гдѣ повелѣвалось дѣтей духовнаго званія отдавать въ школы при архіерейскихъ домахъ, уча ихъ тамъ *пока* чтенію и письму, да грамматикѣ русской и славянской. Гдѣ же греческія и латинскія школы 1708 года, изъ которыхъ иная имѣла напр. до 500 учениковъ, изучавшихъ, какъ при дворѣ Новгородскаго Архіерея грамматику и языки, по свидѣтельству указа 1723, окт. 17? **) И гдѣ желаніе улучшить быть духовенства, когда читаемъ указъ 1722, окт. 29 ***), о томъ, чтобы поповъ, діаконовъ и причтъ помѣщать на тѣхъ „церковныхъ дворахъ, которые должно было еще купить на церковныя деньги, а крестцовыхъ, заштатныхъ, безмѣстныхъ поповъ и діаконовъ опредѣлять въ викаріи къ имѣющимъ штатныя мѣста“, хотя вѣроятно еще не имѣвшимъ ни кола́, ни двора. Весьма также вѣроятно, что указы подобные упомянутымъ не исполнялись даже изъ простаго опасенія самихъ прихожанъ подпасть вліянію расколовъ, при удаленіи на большое разстояніе отъ церкви, духовенства и причта, равно какъ изъ привычнаго для духовенства теченія дѣлъ его и обстоятельствъ. Да и правительство могло на этомъ успокоиться, сдѣлавъ свое дѣло, выразивъ свое недовѣріе къ вліянію духовенства на образованіе народа и намѣреніе взять это образованіе въ свои руки, даже на основаніи упадка образованія въ духовенствѣ. Духовный Регламентъ 1721, янв. 25 ****), мы называемъ, по праву, проектомъ для будущаго устройства духовныхъ училищъ. Въ немъ все хорошо сказано и придумано, но, конечно, для будущаго времени, исключая общихъ раз-

*) № 4021.
**) № 4326.
***) № 4120.
****) № 3718.

сужденій, напр. о томъ что „когда нѣтъ ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію.“ Въ Регламентѣ, стр. 332, предписывается „учить по лучшимъ руководствамъ, да по источникамъ; по собственному вѣденію, а не съ чужихъ сказокъ,“ — требуются библіотеки, правильные курсы, гдѣ бы проходили: грамматику съ географіей и съ исторіей,—ариѳметику съ геометріей,—логику, реторику и пінтику,—физику съ математикой,—краткую политику Пуффендорфа,—богословіе, латинскій и греческій языки, стр. 333, 334. Школамъ быть на веселомъ мѣстѣ, вдали городскаго шума,—важнымъ считать не количество, а качество, учреждать сначала семинаріи, а затѣмъ академіи; содержать школы на сборы съ монастырей по $^1/_{20}$, а съ церквей по $^1/_{30}$ части всѣхъ ихъ доходовъ *).

Просвѣщеніе разсматривалось по указамъ Петра Великаго, какъ привилегія и какъ повинность шляхетства. Къ дворянскому сословію обращены указныя угрозы и ихъ понудительныя мѣры, напр., чтобы ученики имѣли отъ училищъ свидѣтельствованныя письма, по нашему аттестаты, безъ чего, по указу 1714, февр. 28 **), жениться ихъ не допускать и вѣнечныхъ грамотъ имъ не давать. Далѣе запрещалось отцамъ дѣлать завѣщанія въ пользу дѣтей, которыхъ они не отдавали въ ученье, равно какъ неучившимся дѣтямъ получать наслѣдства и т. д. ***). Этому сословію предоставлялось право учить своихъ дѣтей въ Россіи ли, или за границей и только впослѣдствіи повелѣно, „важнымъ особамъ,“ не высылая дѣтей ихъ за границу, отправлять для ученія въ Петербургъ. Все это, конечно, для государственной службы, по дѣламъ посольствъ, морскаго, военнаго, или административнаго вѣдомствъ. Не вѣчно же можно было коллегіямъ пользоваться мѣрами указа 1715, авг. 20 ****), состоявшими

---

*) См. стр. 335—346 по акту П. С. З.

**) № 2778.

***) См. Бергмана, III, 306 и Крузенштерна, Histoire der progrès. стр. 12.

****) № 2928.

въ вызовѣ иноземцевъ, „ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей,“ для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ, при помощи толмачей. И вотъ почему, во времена Петра Великаго, встрѣчаются извѣстія, напр. о десяти школьныхъ ученикахъ, учившихся на счетъ Посольскаго приказа, съ производствомъ содержанія двоимъ изъ нихъ по одной гривнѣ, а остальнымъ по 10 денегъ въ день, — или о четырехъ молодыхъ людяхъ, посланныхъ для ученія за границу съ содержаніемъ каждому по 200 руб. въ годъ, — молодыхъ людяхъ, которыхъ имена уже поэтому стали извѣстны въ нашей исторіи, каковы Зотовъ, Постниковъ, Ларіоновъ и Бестужевъ. Пытались указы провести начало принудительнаго обученія на другіе классы, особенно на купечество, столь важное, по его отношенію къ финансовымъ дѣламъ, но, по случаю жалобъ купечества на стѣснительныя злоупотребленія, допускаемыя администраціею поэтому поводу, и состоявшія въ томъ, что дѣтей напр. каргопольскихъ купцовъ требовали въ Петербургъ, а дѣтей купцовъ калужскихъ—въ Москву, а не могшихъ того исполнить отцовъ сажали въ тюрьму, тогда какъ дѣти купечества учатся дома, сами собою, безъ принужденія,—по случаю такихъ-то основательныхъ жалобъ, указъ 1720, апр. 30 *), освободилъ купечество отъ обязательнаго ученія въ столичныхъ школахъ. Тѣмъ легче и удобнѣе, что около этого времени даже для дворянства ученія оказалось слишкомъ много, такъ что указъ 1723, окт. 17 **), запретилъ держать дѣтей въ школахъ долѣе 15-ти лѣтняго ихъ возраста, хотя бы сами дѣти того желали, и это запрещеніе основалъ на опасеніи, что учащіеся скроются отъ смотровъ и службы. Послѣ этого понятно, что указы, грозившіе неучамъ недозволеніемъ вѣнчаться, или дѣлать завѣщанія, или вступать въ наслѣдство и т. п. остались мертвою буквою и не имѣли и не могли имѣть никакихъ послѣдствій или вліянія на образованіе.

Бо́льшаго результата можно было ожидать отъ учрежденія

*) № 3755.
**) № 4326.

спеціальныхъ школъ и отъ дѣятельности этихъ школъ. Подъ вѣдомствомъ Адмиралтействъ коллегіи состояли въ Петербургѣ „Морская Академія, ариѳметическія, или цыфирныя и геометрическія школы,“ изъ которыхъ Морская Академія, въ 1715 году, получила уставъ съ подробнымъ распредѣленіемъ ежедневныхъ занятій съ 6-ти часовъ утра до ночи и опредѣленіемъ строгихъ наказаній за невыполненіе. Въ указѣ 1719, янв. 11 *), еще разъ говорится о спеціальныхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ Морской Академіи, — 1721, янв. 9 **), о высылкѣ въ ариѳметическія и геометрическія школы дѣтей дьяческихъ и подъяческихъ,—въ школы, которыя мало по малу должны распространяться по Россіи. Но въ какомъ числѣ и съ какимъ успѣхомъ? По указу 1714, янв. 20 ***), велѣно изъ петербургскихъ математическихъ школъ выслать во всѣ губерніи по нѣскольку учениковъ, а именно по двое, какъ объяснилъ указъ 1716, янв. 18, дабы они учили дѣтей дворянъ, чиновниковъ и приказныхъ, конечно, всему, что сами знали, т. е. цыфири и геометріи. Очевидно, что на каждую десятую часть всей русской земли приходилось два такихъ учителя и съ такою спеціальностію. Впрочемъ образованіе подъячихъ спеціально входило въ программу правительственныхъ заботъ о просвѣщеніи, а потому для этой цѣли положено было въ ноябрѣ 1721 ****) учредить особыя школы, съ преподаваніемъ въ нихъ „ариѳметики, формы книгъ, табели, стиля письма, и всего, что доброму подъячему надлежитъ.“ Равномѣрно, городское образованіе поручалось городамъ и магистратамъ, по Регламенту главнаго магистрата, а именно по положенію XXI главы акта, гдѣ предписывалось по всѣмъ городамъ учреждать школы, впрочемъ безъ указнаго опредѣленія фонда для нихъ, а потому и безъ исполненія, такъ что долго еще горо-

*) № 3276.
**) № 3703.
***) Бергманъ, IV, 37—39.
****) № 2762.
†) № 3845.

да довольствовались учрежденіемъ, подобнымъ упомянутому въ указѣ 1706, апр. 15 *), и состоявшимъ въ присутствіи напр. при Ивановской Палатѣ десяти подъячихъ, для веденія дѣлъ отъ и за неграмотныхъ. Стало быть, вообще свѣтскія учебныя заведенія времени были и спеціальны и малочисленны и безплодны, въ сравненіи съ духовными, напр. существовавшими при домахъ архіерейскихъ и другими, а это съ своей стороны доказываетъ возможность воздѣйствія только идей на идеи, напр. религіозныхъ на идеи морали, истины, вкуса, и всю зависимость учрежденій отъ состоянія общества, при независимости вопроса о народномъ просвѣщеніи отъ указовъ, приказовъ, мѣръ и наказаній, которыя ничего не могутъ сдѣлать тамъ, гдѣ семья не возбуждаетъ въ своихъ сочленахъ ни любознательности, ни расположенія къ ученію, и гдѣ община и церковь лишены средствъ удовлетворять такимъ потребностямъ своихъ составныхъ элементовъ — домовъ, дворовъ, семействъ.

Вотъ сторона, или точка зрѣнія съ которой должно обсуждать знаменитое учрежденіе Петра Великаго—Петербургскую Академію Наукъ, задуманную въ такое время, когда стала падать грамотность народа. Удивлялись современники мысли Петра Великаго завести Академію Наукъ, при отсутствіи школъ, о чемъ повѣствуютъ „Дѣянія Петра Великаго“ **), но также удивительнымъ кажется нынѣ этотъ планъ народнаго просвѣщенія, основанный не на фундаментѣ, а на верхушкѣ зданія, или даже на его орнаментѣ. Тѣмъ, кто во времена задуманнаго учрежденія выражали свое удивленіе, Петръ Великій, по свидѣтельству Голикова, разумно отвѣчалъ, что ни образованіе, ни просвѣщеніе въ странѣ невозможны безъ учителей и мастеровъ, придавая своей Академіи особое значеніе и особую задачу. Теперь мы знаемъ, что Академія Петра Великаго основалась не по этому особому значенію и не съ этою особою задачею, а съ прямымъ направленіемъ учрежденія для воздѣланія и развитія науки и наукъ, и наше

*) № 2102.

**) Голиковъ, IX, стр. 57.

удивленіе не разрѣшается даже положеніемъ, по которому почти вездѣ въ исторіи образовательныя учрежденія начинались съ заведеній высшихъ. Образовательныя, но не ученыя. Университеты могли предшествовать на западѣ другимъ учрежденіямъ, какъ и въ Россіи мысль объ университетѣ явилась еще въ концѣ XVI вѣка, и осуществилась въ концѣ XVII вѣка, измѣненная и примѣненная къ быту русскаго народа въ формѣ Греко-латино-славянской Академіи. Но нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Россіи Петра Великаго, дѣло народнаго просвѣщенія не начиналось Академіею Наукъ, которая напротивъ повсюду являлась плодомъ высшаго научнаго развитія. Такъ было во Франціи, которая получила свою Парижскую Академію только съ 1666, послѣ нѣсколькихъ столѣтій успѣшнаго дѣйствія своихъ Университетовъ, и такъ было вездѣ *). О самомъ Петрѣ Великомъ можно однакожъ сказать, что онъ при этомъ увлекался въ разныя стороны,— что онъ не того желалъ, по временамъ, и не такъ понималъ дѣло, а потому въ своихъ указахъ объ Академіи заявлялъ разнообразныя воззрѣнія. 1724, янв. 20 **), Петръ Великій называетъ Академію учрежденіемъ гдѣ бы „языкамъ учились и прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и гдѣ бы переводили книги“ и т. д. „Для переводу книгъ весьма зѣло нужны переводчики, которыхъ должно научить языкамъ и художествамъ.“ Января 23, того же года ***), эти художества вычислены въ такомъ порядкѣ: „математическое, хоть до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ, гидравлика“ и т. д. И уже послѣ того слѣдовалъ актъ самаго учрежденія Академіи, изданный въ томъ же году и мѣсяцѣ, именно 22 января ****), съ указаніемъ фондовъ, для содержанія Академіи Наукъ на счетъ сборовъ таможеннаго и

*) „Академіи старыхъ временъ“ „Русскій Вѣстникъ“ за августъ 1864 г., переводъ статьи: Les academies d'autrefois, par Maury.

**) № 4427.

***) 4438.

****) 4443.

лицентнаго дохода съ городовъ — Нарвы, Дерпта, Пернова, Аренсбурга, всего 24. 912 руб. „Къ расположенію наукъ и художествъ два образа зданія, университетъ и Академія, или соціететъ художествъ и наукъ.“ Какъ ясно для насъ невѣрное положеніе Петра Великаго въ этой области законовъ даже изъ языка указовъ объ Академіи,—языка, столько не русскаго, хотя указы обращены къ русскому народу, напр. въ сравненіи съ чистымъ русскимъ языкомъ указа 1702, обращеннаго къ иноземцамъ, вызываемымъ въ Россію, для ея заселенія и образованія! По § 1 указа объ учрежденіи Академіи, „Университетъ учитъ, Академія расширяетъ науки, а объ ученіи никакого попеченія не имѣетъ.“ Но Россійская Академія должна соединять въ себѣ и то и другое и, нося названіе, подобное Парижской Академіи, должна соединять въ себѣ все, кромѣ школы, и Академію и Университетъ и Коллегіумъ,“ слѣд. должна выполнить не всю ту задачу, которая уже прежде была предписана Греко-латино-славянской Академіи въ актѣ 1682 г., гдѣ полагалось начало и грамотности и классическому образованію, и выражалась мысль о всенародномъ значеніи просвѣщенія *). Далѣе въ учрежденіи новой Академіи излагается ея раздѣленіе на три класса — наукъ математическихъ, физическихъ и гуманіора, исторіи и права. Первый классъ долженъ состоять изъ четырехъ особъ— астронома, географа, профессора навигаціи и профессора механики. II классъ посвящается физикѣ теоретической, анатоміи, химіи, ботаникѣ и т. п., а III элоквенціи, студіуму антиквитатисъ, исторіи и праву натуры и публичному, купно съ политикою и этикою, и полезно бы имѣть экономію.“ Академія должна слѣдить за наукою, „учить молодыхъ Россіянъ, да и чужестраннымъ великая забава, понеже ежегодно въ Академіи три ассамблеи, съ разговоромъ одного члена.“ Ко всему этому, для русскихъ того времени весьма незабавному, по темнотѣ, изложенію, Петръ Великій присоединяетъ требованіе, чтобы въ Академіи находилось нѣсколько изъ славянскаго народа, которые бы удобнѣе русскихъ учили,“ что было такъ давно устроено въ Академіи Греко-латинской.

*) Русскій народъ и государство, стр. 429.

Оставалось открыть Петербургскую Академію Наукъ, что совершила Императрица Екатерина I, указомъ 1725, дек. 7 *), словами: „вызываемые профессоры въ Академію прибыли, мы же президентомъ нашего Лейбмедикуса Лаврентія Блюментроста опредѣлили и велѣли Сенату указомъ объявить, чтобъ „*каждый*“ тщался отдавать въ разныя науки своихъ дѣтей, а „*чему и какъ учить*“, о томъ будетъ изданъ „*особый регламентъ*.“ Что до Петра Великаго, не можемъ не привести здѣсь распоряженій указа 1724, янв. 31 **), явно связанныхъ съ мыслію объ Академіи Наукъ, какъ вѣнцѣ зданія народнаго просвѣщенія, и въ то же время характеризующихъ общій взглядъ императора на дѣло науки. Въ этомъ указѣ предписывается мѣстнымъ властямъ ежегодно дважды доносить Сенату объ учащихся, сколько ихъ, чему они и гдѣ учатся, и о состояніи мануфактуръ. Подъ мѣстными властями должно разумѣть и губернаторовъ и воеводъ и даже камериpовъ, или сборщиковъ податей, которые по указу 1719 ***), производя судъ и расправу, по городамъ, селамъ и деревнямъ, въ то же время обязаны были наблюдать, чтобы „подданые учились страху Божію, также подданнической вѣрности и покорности его царскому величеству.“ Очевидно, что Сенатъ имѣлъ при такихъ доношеніяхъ возможность опредѣлить значеніе и вліяніе Академіи на бытъ Россіи, и въ то же время уяснить себѣ понятіе Петра Великаго на науку, приводимую въ отношеніе съ мануфактрурами. Дѣло шло дѣйствительно не о наукѣ, въ современномъ значеніи слова, а въ смыслѣ выучки, или художествѣ, какъ ремеслѣ, на что указываетъ перечисленіе художествъ, сдѣланное въ приведенномъ указѣ 1724, янв. 23. Просвѣщеніе чистое, собственно просвѣщеніе есть открытіе и развитіе идей истины, добра, красоты, а промышленности предстоитъ низведеніе идеаловъ до житейскихъ явленій—комфорта, удобства. Указы Петра Великаго не столько хлопочутъ объ идеа-

*) № 4807.
**) № 4447.
***) № 3295, п. 20 и 21.

лахъ, сколько о примѣненіи. Это промышленная, реальная цѣль—образованіе офицера, шкипера, секретаря, камерира.

Самое художество, въ смыслѣ искуства, какъ напр. живопись, не совершенно отдѣляется въ указахъ Петра Великаго, отъ ремеслъ, одинаково несвободныхъ, одинаково подчиненныхъ надзору и регламентаціи. И мы сомнѣваемся чтобы можно было толковать о содѣйствіи художественному, или эстетическому образованію въ Россіи, во времена перваго ея императора; напротивъ думаемъ, что это образованіе началось или раньше, или позже петровской эпохи, смотря по различію вѣтвей искусства, но въ это время оставалось въ небреженіи, подобно чистой, отвлеченной наукѣ, прямо и непосредственно не содѣйствовавшей судоходству, вооруженію, или обогащенію страны. Для исправленія иконнаго письма, т. е. иконописи, съ 1707 г. учрежденъ особый надзоръ за живописцами, порученный Ивану Зарудневу, получившему титулъ Суперъ-интендента, и обязанность наблюдать, чтобы мастера живописали со тщаніемъ и искусствомъ,—чтобы рѣзныхъ и отливныхъ иконъ, кромѣ распятій нигдѣ не было и чтобы вообще подчиняться Синоду, какъ то положено по указу 1722, августа 31 *). Въ тоже время Суперъ интендентъ Зарудневъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы портреты государя и государыни писались только искусными живописцами, какъ то гласитъ указъ 1723, января 21 **). Стало быть, все это дѣло, имѣло здѣсь значеніе отрицательное, и Суперъ-интендентство для живописи, или вообще для искусства было только цензурою, предупредительною мѣрою, несодѣйствовавшею развитію искуства, и даже не могшею отвратить разнообразіе въ изображеніи самаго императора,—разнообразіе, частію лишившее насъ возможности найти въ массѣ современныхъ портретовъ Петра Великаго хоть одинъ несомнѣнно похожій на оригиналъ. Таково уже свойство вліянія указовъ и регламентаціи въ области знанія, науки и художества, или искуства.

*) № 4079.
**) № 4148.

Б. РЕЛИГІОЗНО-МОРАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Между тѣмъ указы Петра Великаго не ограничивались и этою областію, гдѣ еще мыслимо хоть въ дѣтскомъ возрастѣ человѣка нѣкоторая доля принужденія, или внѣшняго воздѣйствія. Указы того времени шли далѣе и заходили въ область вѣры и морали, можетъ быть даже, по поводу безуспѣшности своего вліянія въ сферѣ мысли и эстетическаго чувства, такъ сказать, необходимо, принужденно. Въ самомъ дѣлѣ, совершивши такъ мало для умственнаго развитія народа, законодатель долженъ былъ чувствовать себя вынужденнымъ внѣшними принудительными мѣрами поддерживать и развивать въ населеніи и вѣру и мораль, какъ это видимъ во множествѣ петровскихъ указовъ. Для неразвитыхъ умственно все обращается въ пагубное зло, въ соблазнъ, въ порокъ, — и ассамблеи и пиры и система раздѣленія имуществъ мужа и жены и правительственная опека надъ дѣтьми, и власть помѣщиковъ надъ крестьянами, и формально строгая администрація, и пріученіе къ роскоши, къ удобствамъ, или къ богатству, и самая благотворительность въ видѣ шпиталетовъ для пріема незаконнорожденныхъ, и т. д. и т. д. И всякое такое зло вынуждало законодателя къ суровымъ мѣрамъ надзора, предписаній, преслѣдованій, угрозъ и наказаній. Такъ, что касается до надзора за дѣйствіями гражданъ, или свѣтскихъ людей, во времена Петра Великаго, онъ былъ порученъ и губернаторамъ и ландрихтерамъ и камерирамъ и фискаламъ разнаго ранга, подобно тому, какъ надзоръ за поведеніемъ духовенства былъ переданъ его властямъ и особымъ инквизиторамъ, провинціальнымъ инквизиторамъ, или даже Оберъ-инквизиторамъ, по указу 1721 *) и 1722 **). При чемъ предписывалось, чтобы никто не отговаривался незнаніемъ законовъ, въ смыслѣ незнанія указовъ и пра-

*) № 3870.
**) № 4132.

вительственныхъ распоряженій, равно какъ не ссылался на то, что другіе такъ же дѣлаютъ, потому что напр. дозволимое или спускаемое помѣщику, не было ни дозволено, ни спускаемо его крѣпостному и т. д. Для простаго народа, конечно, изданъ былъ указъ 1723, іюля 13 *), грозящій штрафомъ тому, кто долго не бывалъ у исповѣди, равно какъ о томъ, чтобы въ церквахъ, во время службы, не было народнаго говору, также подъ штрафомъ, который шелъ въ кружки, повѣшенныя у церковныхъ дверей на цѣпяхъ, по указу 1723, января 11 **). Сюда же должно отнести указъ 1724, октября 13 ***), о томъ, чтобы, подъ страхомъ наказанія, раскольничихъ книгъ никому у себя не держать, а выдавать начальству, хотя конечно, для отличенія книгъ съ содержаніемъ ученія православнаго отъ книгъ съ ученіемъ раскольниковъ чили еретиковъ требовалось значительное общее и даже богословское образованіе. За симъ слѣдовалъ указъ 1724, апрѣля 19 ****), о проповѣдяхъ, какъ бы для распространенія богословскаго образованія въ народѣ: „понеже ученыхъ проповѣдниковъ мало, повелѣвается сдѣлать поученія—простыя для селянъ, или поселянъ, и покрасивѣе, для сладости слышащихъ горожанъ, да растолковать о вѣрѣ, надеждѣ и любви, потому что у насъ о первой и послѣдней мало знаютъ, а о средней и не слыхивали, полагая надежду на пѣніе церковное, постъ и поклоны“ и т. д. Очевидно, что сочинитель этого указа вовсе не подозрѣвалъ той сладости и силы, ни того величія и вліянія молитвъ нашей церкви, которыя недостижимы для его ученыхъ проповѣдниковъ, равно какъ не соображалъ того послѣдствія отъ постоянно повторяемыхъ даже сначала сладостныхъ его сочиненныхъ разъ навсегда поученій, которыя неминуемо должны оказаться невыносимою скукою для всѣхъ слышащихъ одно и тоже цѣлые годы. Съ другой стороны, сочинитель указа явно имѣлъ въ

*) № 452.
**) № 4140.
***) № 4578.
****) № 4493.

виду поддержать смыслъ о произвольности учрежденія по стовъ, согласно домогательству правительства у константинопольскаго патріарха Іереміи, который еще въ 1716 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ *) разрѣшилъ царю Петру употреблять мясо въ постъ, а послѣ, 1718, марта 8 **) далъ такое же разрѣшеніе и всему русскому православному воинству, въ случаѣ его нахожденія за границей. Какъ будто русское войско до того времени никогда не выходило побѣдоносно за предѣлы отечества покоряя Казань, или Сибирь, или Шведовъ, Ливонцевъ, Ляховъ и т. п. и уничтожая Лжедитрія съ его приверженцами, между прочимъ потому что онъ не соблюдалъ русскихъ обычаевъ, не былъ русскимъ человѣкомъ.

Однимъ словомъ, не обративши всего своего вниманія на умственное образованіе населенія правительству предстояло вести безплодную, нескончаемую борьбу съ явленіями и послѣдствіями необразованія, съ невѣріемъ и суевѣріемъ, съ грубостію нравовъ, съ пороками и преступленіями. И этимъ объясняется то множество указовъ о безвѣріи, отступничествѣ отъ вѣры, о пьянствѣ, развратѣ, мотовствѣ, лихоимствѣ, самоуправствѣ и т. п., которое съ Петра Великаго накоплялось все болѣе и болѣе и образовало цѣлый большой XIV томъ Свода Законовъ, подъ названіемъ законовъ Благочинія, или предупрежденія и пресѣченія преступленій. Все здѣсь говоритъ о наружномъ, внѣшнемъ порядкѣ, который сверхъ того поддерживается силою и властію полиціи, по ея усмотрѣнію. Образцомъ такой механической дѣятельности можетъ служить система мѣръ Петра Великаго противъ раскольниковъ. Преслѣдуя раскольниковъ бранью и насмѣшками, называя ихъ бородачами, подвергая штрафамъ, двойнымъ поборамъ и наказаніямъ, правительство доводило ихъ иногда до отчаянія, вслѣдствіе котораго они обрекали себя на произвольную гибель—самосожженіе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ указъ 1725, января 15 ***), говорящій, что въ одномъ 1722 году, въ

*) № 3020.
**) № 3178.
***) № 4635.

двухъ своихъ пустыняхъ раскольники сожгли сами себя въ числѣ цѣлыхъ сотенъ.

Что же можно сказать о наукѣ и литературѣ петровскаго времени? Считаю полезнымъ повторить здѣсь нѣкоторыя общія положенія извѣстнаго изслѣдователя г. Пекарскаго, заимствованныя изъ его двухтомнаго сочиненія, 1862 г. С. П. Б. На стр. 5 перваго тома, авторъ говоритъ о вліяніи Малороссіи вообще и Кіева въ особенности на письменность въ Россіи,—о вліяніи, которое выразилось во многомъ, начиная съ стихотвореній на тріумфы до трактатовъ о вѣрѣ и до переводовъ съ древнихъ языковъ, тогда какъ при Петрѣ В. въ Россіи являются переводчики съ языковъ новыхъ, да и то лишь по математикѣ, да мореплаванію. На стр. 186, почтенный авторъ говоритъ, что до Петра В. языкознаніе было слабо, конечно, разумѣя тутъ знаніе языковъ новыхъ; буквари и грамматики давно существовали въ Россіи; о грамматикѣ уже говоритъ Максимъ Грекъ; грамматика Смотрицкаго въ 1648 г. была перепечатана въ Москвѣ. Время Петра В. особенно богато календарями, астрологическими изданіями и т. д. Изъ историческихъ сочиненій, по увѣренію автора, стр. 321, особенную роль играетъ исторія шведской войны, написанная Шафировымъ и Прокоповичемъ, съ цѣлію доказать необходимость войны народу, утомленному и изнемогавшему отъ ея тяжести. Далѣе, по документамъ г. Пекарскаго, стр. 18, Тессингъ, какъ авторъ и издатель имѣлъ привилегію отъ нашего правительства, подъ условіемъ прославлять царя и благосостояніе народа, чѣмъ пользовался и Копіевскій издатель разнообразныхъ книгъ. Но главное, на чемъ мы настаиваемъ, это недостатокъ школъ, о которыхъ въ разсматриваемое время мало заботились, и безъ которыхъ никакой успѣхъ въ переводной письменности не могъ имѣть значенія успѣха для народнаго просвѣщенія,—недостатокъ, такъ сильно ощущаемый читателемъ, при слѣдованіи за изложеніемъ Воронова, въ его „Историко-статистическомъ обозрѣніи учебныхъ заведеній С. Петербургскаго Округа“, С. П. Б. I, стр. 4 и слѣд., наконецъ недостатокъ, ведшій къ упадку самую граматность, безъ которой немыслимо говорить о народной литературѣ.

Но просвѣщеніе само въ себѣ есть сила, которая изъ прорубленнаго Петромъ В. въ Европу окна дѣлаетъ въ Россіи сначала ворота, а затѣмъ расширяетъ ихъ до уничтоженія всякаго средостѣнія. Широкою могучею волною стало вливаться къ намъ западное просвѣщеніе, сначала путемъ языкознанія, распространявшагося гувернерами, въ средѣ дворянства, а потомъ развитіемъ учрежденій, особенно съ Московскаго Университета и распространеніемъ знанія, идей. Но это уже дѣло не указовъ, а общества *), въ которомъ, какъ въ природѣ, ничто разумное не теряется, не пропадаетъ, не исчезаетъ, и въ которомъ все прошедшее, но разумное, такъ или иначе, вплетается, входитъ и вростаетъ въ настоящее, съ тѣмъ, чтобы совмѣстно съ нимъ послужить канвою и основою для будущаго. Laissez faire и не мѣшайте,—вотъ принципъ просвѣщенія.

В. Лешковъ.

1877 г. февраля 19 дня.

---

*) „Вѣстникъ Европы", 1876 г., сентябрь, „Русскіе Университеты въ связи съ общественнымъ образованіемъ", стат. Иконникова.

ОБЫЧАЙ И ЗАКОН,

КАК

ФОРМЫ ПРАВА.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

ВВЕДЕНІЕ.

Право, как духовно-нравственная сила, таится внутри личной и народной жизни. Для того, чтобы быть доступным сознанію и чувству людей, оно облекается въ соотвѣтствующія формы. На форму права нужно смотрѣть как на средство появленія права в средѣ внѣшних отношеній людей между собою и как на „тѣлесность“ права среди этих отношеній.

Форм, в каких право представляет себя в дѣйствительности, в средѣ внѣшних отношеній людей между собою, двѣ: *обычай и закон.*

Понятіе формы права находится в тѣсной связи с понятіем источника права. Под источником права мы понимаем корень, от котораго развѣтвляется право; причину, которая появляет право в той или другой формѣ. Словом *источник права,* по нашему мнѣнію, *есть право изводящее начало.*

Небрежность современных ученых юристов ни в чем другом не проявляется так ярко, как в разсужденіях об *источниках* права. Взгляды большинства юристов нашего времени *) до того несостоятельны, что становятся невыносимыми для всякаго серьезнаго дѣятеля мысли.

Пора бы отступиться юристам в разрѣшеніи вопроса об источниках права, от той рутины, которая ведет свое начало от времен еще Савиньи и Пухты. Успѣх науки в наш просвѣщенный вѣк по всѣм ея отраслям стыдит ученых юристов, что они в разрѣшеніи своего *кореннаго* вопроса—откуда и как исходит право стоят на тѣх дряхлых, гнилых началах, которыя положены в науку права еще на зарѣ нашего вѣка, так называемою, *историческою* школою.

Правда, что были нѣкоторыя попытки освободиться от взглядов исторической школы на источники права **), но

---

*) Куда не заглянешь в юридической литературѣ, вездѣ почти видишь выраженія: «источники права, народный духъ, обычай, законъ", (а по нѣкоторым, право юристов). При чем народный дух, народное правосознаніе и т. д. называют *внутренним*, непосредственным источником права, а обычному праву, законодательству придают названіе *внѣшняго* источника права. Для примѣра мы можем указать нѣсколькихъ авторов, признающих народный дух, закон-за источники права. *Wankönig*, Juristische Encyklopädie, 1853, *Mohl*, Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. *Caltenborn*, Kritik des Völkerrechts nach dem jetzigen Standpuncte der Wissenschaft, Leipzig 1847 г. *Bluntschli*, Allgemeines Staatsrecht. и друг. Изъ новѣйшихъ:

Дыдынскій, начала римскаго права. Варшава 1876 г.

**) *Stanislawski*, O pochodzeniu prawa obowięzującego. Czasopismo, poswięcone prawu i Umiéjętnościom politycznym. 1863 г. Krakow. IX—XII

Schwanert, Gesetz und Gewohnheit, Rostock. 1873 г.

Baron, Pandekten, Leipzig. 1876 г.

Adickes, zur Lehre von den Rechtsquellen, 1873 г. и др.

Можно указать на механическую теорію правоисхожденія. Ср. *Harum*, Von der Enstehung des Rechts. Inspruk, 1863 г. H. *Post*, Einleitung in eine Naturwissenschaft des Rechts, Oldenburg, 1872 г.

Его же Der Ursprung des Rechts, Oldenburg, 1876 г. Критическій анализ этой, в послѣднее время охватывающей умы ученых, теоріи, будет составлять содержаніе 2-ой статьи.

всѣ эти теоріи, говорящія об *образованіи* права а не об его происхожденіи, о *формах* права, а не об его источниках, мало уяснили вопрос о правоисхожденіи, а поэтому мало повліяли на ослабленіе взглядов (историческаго закала) юристов наших дней на источник и формы права. Наши учителя раз'яснители права крѣпко впились в безвкусные взгляды исторической школы; они не могут выкинуть их из своей головы и даже сегодня пичкают молодеж и публику юридически дряхлыми взглядами на *источники* права.

Начало XIX в. погребло восьмнадцативѣковые взгляды на источники права в вѣчность и дало на этот предмет умам юристов новый взгляд. Витаніе мысли философов-юристов в сказочных естественных состояніях, какія могла только, при тогдашней слабости философской антропологіи, вывести из себя фантазія человѣка; вѣра в „естественное состояніе", гдѣ царило, так называемое, естественное право, с началом нашего столѣтія разложилось, и современными юристами предназначено к преданію в архив человѣческих заблужденій. Разложила эту вѣру въ естественное состояніе новая умственная среда мыслителей, возникшая в началѣ нашего вѣка, живителями которой были Савиньи и Пухта-корифеи *исторической* школы правовѣденія.

Появленіе исторической школы было противовѣсом безсодержательному взгляду юристов XVIII в. на право и его происхожденіе и, как новая, свѣжая среда, скоро забрала въ свои руки всѣх ученых, и так глубоко вкоренила взгляды свои в правовѣденіи, что и сегодня еще не выбились они из головы большинства юристов-сынов XIX вѣка.

Причину, почему даже и в 1877 году, находятся писатели, которые представляют собою вѣрных служителей исторической школы, мы об'ясняем слѣдующим образом.

Завлекательность исторической картины развитія права, необходимость историческаго элемента в изслѣдованіи источника права, а главным образом, безсиліе писателей и преподавателей удержать в равновѣсіи философскую и историческую сторону изслѣдованія источника права—породили и порождают тот факт, что писатели и ученые в своих изслѣ-

дованіях и изложеніях (университетских лекціях) отличались и отличаются по преимуществу *историческим* направленіем, какое пошло от пресловутых Савиньи и Пухты. Неудивительно, что историческая школа во времена перваго своего существованія полонила умы многих ученых своими взглядами на источники права, потому что она явилась, как насущное удовлетвореніе тогдашней мысли, отягченной голыми метафизическими началами предыдущих философов-юристов в разрѣшеніи вопроса об источниках права. Да к тому же, историческая школа родилась во время преобладанія в Германіи романской поэзіи, когда воспѣвались давно минувшія времена, когда все, скрытое в старинѣ, таинственное было в почитаніи. Тогда, конечно, и воззрѣніе,—что невидимый, таинственный, непонятный для простых смертных, „народный дух“, опять таки, невидимо выдѣляет из себя право—возвѣщенное историческою школою, подходило как раз под вкус тогдашняго настроенія умов.

Идеализація старинных вѣков, в которые, говоря словами Іеринга, право развивалось без труда и работы, как полевое растеніе *), волей-неволей завлекала тогдашніе умы ученых юристов в разсужденіях об источниках права. Сегодня же, когда ум требует ясности и отчетливости, а не таинственности и неопредѣленности в вопросѣ откуда и как происходит право, службу юристов исторической школѣ должно признать и непригодною и вредною для науки права.

Критическій взгляд на воззрѣніе исторической школы в вопросѣ об источниках права будет составлять содержаніе настоящей статьи, а вмѣстѣ с тѣм, и указаніе на тѣ недостатки в современной наукѣ права, которые живут в ней, как питомцы исторической школы.

---

*) См. Jhering, der Kampf. um's Recht. 1874 г. стран. 12.

I.

XIX вѣк открылся в наукѣ права спором германских ученых юристов по поводу разрѣшенія вопроса: гдѣ источник права? Откуда истекает право? Среди этого спора явился Тибо съ своим сочиненіем „Über die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland“ (1814 г.), старавшійся доказать, что положительное право заключается в законах и происходит из них, т.-е. источник права заключается в положительно выраженных предписаніях и запрещеніях закона. Но едва сочиненіе Тибо появилось в свѣтѣ, как ему противопоставил Савиньи свое изслѣдованіе „Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (1814 г.), гдѣ онъ положил совершенно другой взгляд на источники и правоисхожденіе и этим изслѣдованіем открыл историческую школу правовѣдѣнія.

Доводы юристов-легистов, абстракціи послѣдователей школы естественнаго права, по вопросу об источниках права, основателем исторической школы были оставлены. Историческая школа, въ лицѣ Савиньи, спустилась в дѣйствительность, (в исторію) откуда и намѣревалась вывести право.

Право римское, а частью и германское, было почвою исторической школы в отысканіи источников права. Величіе римскаго юридическаго генія, обрекшаго все существованіе римскаго народа на созиданіе права, сообщившее римскому праву тот характер, что юридическая волна римскаго права способна охватить всѣ жизненныя, внѣшнія человѣческія отношенія, плѣнило ум колосса-юриста Савиньи. Онъ и его ученик Пухта, изучив римскую исторію права, замѣтили тѣсную связь развитія права с исторіею народной жизни, убѣдились в органической цѣлостности права, и свои партикулярные взгляды о свойствах и источниках права римскаго обобщили и придали им значеніе положеній, относящихся к правоисхожденію вообще. Этот их пріем, вслѣдствіе универсальнаго характера римскаго права, оказался не только для тогдашняго времени, но и для наших дней, очень удач-

ным. Мы находим весьма умѣстным изложить в немногих словах ученіе Савиньи о правоисхожденіи, выраженное им в означенном выше сочиненіи „Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft."

Насколько простирается свѣт исторіи, говорит Савиньи, мы встрѣчаемся с народами, имѣющими гражданское право, носящее опредѣленный характер, им свойственный, подобно тому, как народы отличаются один от другаго языком, нравами и политическим устройством. Всѣ эти явленія не имѣют особаго бытія, но они суть отдѣльныя силы и дѣятельности одного и того же народа, связанныя неразрывно в природѣ и только представляющіяся нашему созерцанію, как особыя качества. В одно цѣлое связываются они общим убѣжденіем народа, одинаковым чувствованіем внутренней необходимости, которая исключает всякую мысль о случайном и произвольном ихъ происхожденіи *). *Право растет, развивается вмѣстѣ съ народом* и умирает, как скоро народ теряет свои особенности **). Различная быстрота роста народов, богатство и бѣдность их качеств и событій их исторіи—все это должно проявляться и в правѣ, которое оказывается одинаковым в разное время жизни народа.

Юность народов бѣдна понятіями, но она *наслаждается ясным сознаніем своего состоянія* и отношеній. Они чувствуют и проживают их вполнѣ и закончено.... Это ясное, спокойное состояніе познается преимущественно в частных правах и, так как для каждаго человѣка, по его разумѣнію, его семейныя отношенія и земля, которою он владѣет, оказываются наиболѣе важными, то и возможно, что нормы частнаго права относятся к предметам народной вѣры.... *Право не есть сознательное дѣло рук человѣческих* **)... Для внѣшности права, как духовной функціи, в наше время употребляют письмо и слово, в юношеское время этот способ осуществленія права был невозможен, напротив, мы ви-

*) Vom Beruf.... стр. 8.
**) Ibid. стр. 11.
***) Ibid. стр. 9.

дим здѣсь вездѣ символическія дѣйствія, вмѣщающія в себѣ и представляющія собою юридическія отношенія. Органическая связь с существом и характером народа существует всегда, и в этом случаѣ его можно сравнить с языком. Как этот, так и *право* не находится ни в какую минуту в состояніи абсолютнаго спокойствія, но подчиняется движенію и развитію, как и и всякая *сторона народной жизни* и под дѣйствіем тѣх же законов внутренней необходимости.

На высокой культурѣ вся дѣятельность раздробляется, и что прежде было достояніем всѣх, то теперь сдѣлалось принадлежностію отдѣльнаго сословія. Таким отдѣльным сословіем являются юристы. Право с сих пор принимает научное направленіе, и что прежде жило в сознаніи народа, то перешло теперь в сознаніе юристов, которые, въ этой функціи, являются *представителями народа.*

Наконец право доходит до той ступени, когда вслѣдствіе постоянно возвышающагося развитія народной дѣятельности, оно получает двоякую жизнь: „какъ часть всей народной жизни, и как особая наука, развиваемая особым сословіем юристов“ *).

Всякое право, по Савиньи, по происхожденію, является обычным правом, т. е. сперва чрез нравы и народную вѣру, потом чрез юриспруденцію и всегда внутренними, постоянно дѣйствующими силами, а не произволом законодателя **).

Мы получим болѣе ясное понятіе о воззрѣніях исторической школы, если посмотрим на мнѣнія Савиньи, изложенныя им в позднѣйшем его изслѣдованіи ***) и на воззрѣнія его ученика Пухты, по его сочиненіям ****) и наконец, для

---

*) Ibid. стр. 12.

**) Alles Recht auf Weise ensteht, welche der herrschende, nicht ganz passende, Sprachgebrauch als Gewohnheitsrecht bezeichnet, d. h. dass es erst durch Sitte und Volksglaube, dann durch Iurisprudenz erzeugt wird, überall also durch innerestillwirkende Kräfte, nicht durch die Willküchr eines Gesetzgebers. Vom Beruf стр. 13, 14.

***) System des heutigen Römischen Rechts. 1840.

****) *Puchta*, Cursus der Institutionen 1 т. 5 изд.

уясненія дѣла сошлемся на взгляды нѣкоторых других послѣдователей исторической школы.

Общая воля, Gesammtwille, gemeinsame wille *) общее сознаніе народа, gemeinsame Bewusstsein des Volks **) общее правоубѣжденіе, gemeinsame Rechts Überzeugung, gemeinsame Überzeugung vom Recht ***), народный дух (Volksgeist) по ученію исторической школы являются производящею из себя средою.

Какая смѣсь понятій! Какая неточность в характеристикѣ права и его происхожденія у корифеев исторической школы!

Эта характеристика права разными свойствами духовной организаціи человѣка производит на первых же порах разочарованіе во взглядах исторической школы. Как видите, Савиньи и Пухта характеризуют право общей волей, общим сознаніем о правѣ, общим убѣжденіем в правѣ, народным духом. С исторической школой можно было бы согласиться, если бы дѣйствительное состояніе права не противорѣчило ея выводам о правѣ. По ея мнѣнію выходит все равно, что общая воля и что общее убѣжденіе в правѣ. Воля значит идет вмѣстѣ с убѣжденіем. Это неправда. Очень часто воля не совпадает с убѣжденіем и не основыется на нем. Если посмотрим на рабство и другіе институты, в неправомѣрности которых были давно убѣждены народы, то убѣдимся, что воля народов далеко шла позади убѣжденія, и с трудом, часто кровавым, согласовалась съ послѣдним. Вѣроятно, всѣ южане сѣвероамериканских штатов были давным давно убѣждены, что право на негров, как на рабочаго животнаго, не имѣет логическаго оправданія и можно думать, въ душѣ были убѣждены в необходимости отмѣны этого права. Но воля упиралась при осуществленіи этого убѣжденія и не

---

*) *Savigny*, System... стр. 24. *Puchta*, Cursus der Institutionen стр. 12; *Его же*, Das Gewohnheitsrecht 1 Bd. 2 Buch. 2 Kap.

**) *Savigny*, System.... стр. 35, *Puchta*, Institutionen, стр. 24.

***) *Savigny*, ibid. 82, *Puchta* ibid. 24; *Его же*, Pandecten § 10.

слѣдовала за ним. С этимъ ненавистным институтом им пришлось разсчитаться только потоками крови.

Пойдемте дальше. Дух народа (Volksgeist) по законам внутренней необходимости, учит историческая школа производит право. Volksgeist das positiwe Recht erzeugt, говорит Савиньи *).

Здѣсь опять видим неточность, неопредѣленность, неосновательность выраженія мысли. Для ясности дѣла нужно разрѣшить прежде всего что такое дух народа? Это не иное что как наш собственный дух, перенесенный на народ. Это абстракція особенностей нашего духа, лежащих в языкѣ, нравах, правѣ народа. Самое явленіе это (дух народа) не имѣет постояннаго; твердаго основанія, расплывается и колеблется по всѣм проявленіям духовной дѣятельности народа. На вопрос, что есть право, нельзя отвѣчать ссылкою на народный дух **). Мы вполнѣ раздѣляем то мнѣніе, что постановлять дух народа как активную силу в произведеніи права, как первопричину права, напоминает о той, давным давно, пройденной степени развитія естественных наук, когда послѣднія занимались еще духами, и дух жизни, и дух свѣта и дух огня и т. п. играли свою роль.

Касательно выведенія права из духа народа один из нѣмецких писателей очень удачно замѣтил, что словом дух народа ничего нельзя об'яснить. Чего мы не знаем или не понимаем, мы называем это народным духом, именно так, как нѣкоторое время каждое непонятное нѣмецкое слово было кельтическое ***). Но мы вовсе несклонны къ тому, что этот неопредѣленный феномен жизни, дух народа, не имѣет никакого вліянія на произведеніе права, но хотѣли сказать только, что ссылаться на народный дух, как на первопричи-

*) *Savigny*, system, d. h. R. R. стр 14; или—„Volks überzeugung das Recht erzeugt," говорит Пухта в своем сочиненіи das Gevohnheitsrecht. I. 2. 2.

**) Ср. *Harum*, von der Enstehung des Rechts.

***) Помнится нам, что это говорил Вильгельмъ *Арнольдъ* в своих публичных лекціях „Recht und Wissenschaft nach histor. Ansicht, 1863.

ну права, на источник права, никак нельзя. Мы, пожалуй, непрочь от того взгляда, что народный дух вліяет на произведеніе права, но мы в такомъ случаѣ еще не знаем: каким же образомъ в народномъ духѣ слагаются начала, из которых в послѣдствіи образуется право? Неуясненіе правоисхожденія, процесса развитія права среди народа и повело, кажется историческую школу к признанію народнаго духа за *источник*, за правопроизводящую силу. Это же обстоятельство и было причиною отодвиженія обычая, закона и права юристов къ самому источнику права, а вслѣдствіе близкаго соприкосновенія первых с послѣдним было признаніе форм права за источники права (слитіе их). Мы держимся того мнѣнія, что національная особенность, или если угодно, дух народа, есть только среда, в которой, и в извѣстной зависимости от которой, живет право; факторской же роли в образованіи права ему ни под каким предлогом придавать не годится. Сообразность права с народным духом, конечно должна быть, но неисключительная. Дух народа единственною мѣркою права никогда быть не может. По исторической школѣ, народный дух, как нѣчто особенное, об'ективное, выдѣленное из личностей, работает над языком и правом. Но нѣт народа и народнаго духа оторванных от отдѣльных лиц и воль их *).

Дух народа превращен историческою школою в силу, которая облекшись в невидимость, выдѣляет из себя мирно и послѣдовательно язык и право. Эта таинственность народнаго духа дѣлает его неразгаданным и сваливать на его плеча очень легко, но в тоже премя и не твердо (логически).

Представленіе источника права болѣе наглядным образом даст нам возможность лучше уяснить происхожденіе и образованіе права из сущности личной и народной жизни. Мы ниже разсмотрим твореніе права народом при активности единиц, как оно представляется в дѣйствительности, подтверждается разумом и оправдывается исторіею. Ипотеза

*) Ср. *Harum*, Von der Ensteh. d. Rechts.

исторической школы о правоисхожденіи должна разбиться о данныя дѣйствительности, подобно всякой негодной для науки фикціи. По нашему мнѣнію, которое мы постараемся оправдать в теченіи предлагаемаго сочиненія, можно сказать, что *потребность порядка побуждает общество на созданіе права,* которое провѣряется разумом и согласуется с національною особенностью (духом народа).

Нетвердость исходной точки воззрѣній исторической школы на происхожденіе права повела к слабости всего их мыслительнаго зданія.

Невидимый дух народа, осуществляясь во внѣ, должен был создать собственные органы, для образованія из себя положительнаго права, которые и являются, как *источники* обязательнаго права.

Этими источниками представляются *законодательство* и наука права (или *право юристов* *).

Субъектом права, говорит историческая школа, есть народ; в *общем* сознаніи народа живетъ положительное право, которое мы называем поэтому *народным правом.* В *народѣ,* как естественном органическом цѣлом, *нужно искать силы, создающей право* **).

Началом положительнаго права можетъ быть только убѣжденіе *народа,* но не убѣжденіе всего *человѣчества* ***). Это убѣжденіе народа в правѣ должно быть признано нетолько началом положительнаго права, но и государства, ибо послѣднее есть вид созданія права и вообще есть высшая ступень образованія права.

Теперь посмотрим, каким образом, по ученію исторической школы из первоначальнаго источника права, непосредственнаго юридическаго убѣжденія народа ****) вырабатываются постепенно начала положительнаго права.

---

*) Ср. *Savigny*, System. d. h. R. R. стр. 18. Vom. Beruf u. 3. z. G. u. R. w. стр. 13. *Puchta*, Pandekten § 10.

**) *Savigny*, System, стр. 14, 19, *Puchta*, Pandekten, § 10.

***) *Puchta*, das Gewohnheitsrecht, стр. 141—142.

****) Ср. *Savigny*, ibid § 8, *Puchta*, Pandekten § 10, *Warnkönig*, In-

Мы различаем, говорит Пухта, три пути правоисхожденія, три *источника* права: непосредственное убѣжденіе народа, законодательство, науку, которым соотвѣтствует раздѣленіе права на обычное право, законное право и право науки *).

Обычное право есть рожденное в непосредственном сознаніи народа и в его нравах (упражненіе, обычай) обнаружившееся право. Основа его бытія, его подлинность, лежит в его качествѣ—в непосредственном общем сознаніи народа. Обнаруживается оно в дѣйствіях, выступает чрез упражненіе, нравы, обычай. Обычай есть знак (das Kennzeichen) позитивнаго права, а не причина его происхожденія, источникъ же позитивнаго права кроется в убѣжденіи народа **).

Мнѣніе, что обычай есть не только *форма* права, а и *источник* его должно признать неосновательным ***). Это мнѣніе опирается на том фактѣ, что в системѣ положительнаго права посчастливилось таким правилам, которыя не

---

ristische Encyklopedie 1853, стр. 26, *Stanislawski*, o pochodzeniu prawa obowiązującego Czasopismo poswięcone prawu i Umiejętnosc. politycznym. Kraków. 1863 IX и X стр. 571.

*) См. *Puchta*, Pandekten, § 10, *Его же*, das Gewohnheitsrecht. В этом сочиненіи Пухта говорит: Die Wege, auf welchen das Recht aus der Volksüberzeugung hervorgeht, die *Formen* (?) in deaen es ensteht heissen *Rechtsquellen*. (?) Solcher Rechtsquellen sind drei:

Die *erste* dieser Rechtsquellen ist *das Volk* unmittelbar selbst.

Die *zweite* Rechtsquellen ist die *Gesetzgebung*.

Die *dritte*, Reschtquellen ist die Wissenschaft. I. 2. 2.

**) *Puchta*, Pandekten, § 11, *Sawigny*, Syst. стр. 35. Савиньи про обычай выражается так: Die Sitte und Übung, das was wir eigentlich *Gewohnheit* nennen, ist (daher) der Hauptsache nach für und ein *Mittel der Erkunntniss*, nicht für jenes Recht selbst Grung der Eusbenung ibid. стр. 82. *Пухта* в „пандектах„ о значеніи обычая говорит очень ясно: *Gewohnheit*, Herrkommen. usus, consuetudo, ist nicht die Quelle des Gewohnheitsrechts sondern nur die *äussere Gestalt* in der es sich verkörpert.“ стр. 19. *Puchta*, das Gewohnheitsrechts 1 стр. 169 *Warnkönig* Iuristische Encyklopedie стр. 40. *Stanislawski*, o pochodzeniu prawa obowiązyjącego. Czasopismo 1863 г. IX и X стр. 572.

***) См. *Stanislawski*, o pochodzeniu prawa obowiązyjącego, Czasopismo 1863 г. IX и X стр. 575, 576 г.

вытекли непосредственно из народнаго духа, которым как бы не достает внутренней основы, но современем, когда слѣдствіем частаго примѣненія их народ приходит к сознанію их необходимости, они пріобрѣтают внутреннюю цѣнность и подставу.

Замѣтим, что появленіе на свѣтѣ обычая, его частая практика, есть плод присутствія в народѣ юридической жизненной силы, которая, нуждаясь в примѣненіи к конкретным фактам соціальной жизни, появила обычай. Повтореніе одного и того же дѣянія по принятому, что называется, обычаю, и так сказать, безсознательно, похоже на дѣйствія человѣка по инстинкту. Эти послѣднія, возбуждаемыя физико-механическими побужденіями, есть зародыш самостоятельнаго психическаго явленія, имѣющаго свое основаніе, начало, которое только при посредствѣ рельефнаго обнаруженія, в примѣненіи дѣлается болѣе или менѣе доступным для человѣческаго смысла. И обычай таким образом можно разсматривать только как способ раскрытія и приведенія к сознанію существа права, но никак не создателем и образователем права.

Проявленіе права чрез обычай, на самом дѣлѣ, можно представить очень легко. Народно-юридическая утроба (юридическій смысл и чувство) постоянно, по мѣрѣ нужды, выдѣляет из себя матерію, которая наталкиваясь на сознаніе, по данному жизненному отношенію, примѣняется человѣком к дѣлу. Но человѣк, на первых порах, не дает сознанію отчета в ея свойствѣ и примѣняет ее, что называется, по закону внутренней необходимости. Но каким же образом? А чрез постоянное одинаковое дѣйствіе в извѣстных случаях, чрез обычай. Впрочем о природѣ, свойствах, и значеніи обычнаго права мы будем весьма подробно говорить в третьей нашей статьѣ. Правопроизводящим моментом, или точнѣе сказать, *источником* положительнаго права историческая школа признает еще *законодательство*. Законодатель, говорит историческая школа, *концентрирует* в себѣ дух націи,

ея помыслы и подробности, так что этим способом он становится *истинным носителем народнаго духа* *).

Таким образом, по теоріи исторической школы, и законное право должно вытекать из общей народной воли, общаго убѣжденія народа в правѣ. Так как теперь законодатель есть часто одно лицо, или все таки собраніе лиц, воля и убѣжденія которых едва ли без дальних околичностей могут быть признаны идеальной волей и убѣжденіем народа. Всегда даже самое удачное народное представительство может казаться только фикціею такой воли, такого убѣжденія. Что „народная воля“ олицетворяется в законодателѣ, общее убѣжденіе воплощается в нем, народный дух носится им и что все это совершается так как бы и слѣдовало и изслѣдовать о причинах этого никому не дозволяется“ **), должно признать чистой выдумкой равнозначной поднесенію воды вмѣсто вина ***).

Что закон не концентрирует народнаго духа, охватывающаго *всѣ* жизненныя отношенія, высказывается в том, что положенія закона не обнимают собою *всѣх* жизненных отношеній. Существованіе рядом с законом права, в другой формѣ, в обычаѣ, говорит за наше мнѣніе. Если бы юридическая матерія сосредоточилась в законодательствѣ, то никакой другой формы права, кромѣ законодательства одновременно не существовало бы ****). Законодатель есть орудіе

---

*) *Savigny*, System... стр. 39. *Warnkönig*, Iuristische Encyklopedie стр. 26 nota 6. *Puchta*, das Gewohnheitsrechts. „Die Staatsgewalt, говорит Пухта, ist das äussere Organ, welches für die Bethätigung des gemeinsamen Willens als *Reprasentant des Volks* (in natürlichen Sinne des Werts) aufgestelt ist.“ I. 2. 2. стр. 145.

**) *Savigny*, System... стр. 39, Puchta Cursus Institutionem стр. 32, 33.

***) Ср. *Harum*, Von d. Enst. d. Rechts.

****) Считаем не лишним замѣтить, что нѣкоторые писатели, как напримѣр Станиславскій, a) Безелер b), Савиньи c) и другіе предлагают

---

a) O pochodzeniu prawa obowiązującego, Czasopismo 1863—IX—X стр. 572, 573.

b) Volksrecht und Juristenvecht, стр. 62.

c) System. d. h. R. R. стр. 14.

народа, он на основаніи народа строит нормы с содержаніем народнымъ же.

Может быть нас осудят за то, что мы очень непривлекательную даем законодателю роль, чѣм она на самом дѣлѣ есть, но такое осужденіе нельзя ли будет устранить.

В самом дѣлѣ, посмотрите, как возникла верховная власть в функціи законодательной и вы убѣдитесь, что наше мнѣніе не слѣдует порицать. Как же образуется такая власть? Естественное неравенство лиц в обществѣ, их различіе в матеріальной и духовной силѣ, привычка быть под вліяніем других, безсиліе и неспособность большинства, невозможность по своей житейской обстановкѣ заниматься юридическими и политическими работами, производит то, что верховная власть, во всѣх ея функціях, а в законодательной в частности чувствуется в обществѣ, как необходимость, которой подпадают народныя массы волей-неволей, и признают за ней власть издавать нормы, согласныя с интересом общества *). Сумма нужд и потребностей, удовлетвореніе которых составляет содержаніе общественнаго и частнаго интереса, побуждает человѣка к отыскиванію извѣстных средств, при помощи которых становится возможным это удовлетвореніе. Для сферы юридических нужд и потребностей является удовлетворителем законодатель, который при посредствѣ опредѣленій стремится удовлетворить народным нуждам и потребностям жизни. Закон является таким образом *средством* для удовлетворенія народных нужд и потребностей,

---

замѣнить слово, „обычное право“ словом „народное право“, приводя в потвержденіе своего предложенія то, что обычное право есть исключительно право народа, изліяніе народнаго правоубѣжденія. Мы совершенно раздѣляем желаніе замѣнить „выраженіе“ обычное право другим выраженіем, но принимаем термин „народное право“ не в смыслѣ исторической школы (что всякое право есть народное національное). Но нам кажется еще болѣе удобным, признавая обычай и закон за „*формы*“ права, замѣнить термины „обычное право“ „законодательное право“ терминами право в „*обычаѣ*“ право в „*законѣ*“. Такія выраженія лучше показывают отношеніе формы права къ содержанію.

*) Ср. *Harum.* Fon d. Enst. d. Rechst.

средством дать народу то, что необходимо интересует народ. Поэтому закон должен быть отблескомъ народныхъ юридическихъ интересовъ, видимымъ выраженіемъ права, формою права. Наконецъ, третьимъ источникомъ права историческою школою считается *научное право, право науки,* или *право юристовъ,* разумѣя подъ ними нетолько теорію, но и практику права *).

Характерная черта этого юридическаго источника у приверженцевъ исторической школы уже нами означена, при изложеніи объ этомъ предметѣ мнѣнія Савиньи, в его сочиненіи „Vom Beruf unsrer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft". Там мы видѣли, что при развитіи народа, занятія и знанія спеціализируются и становятся призваніемъ жизни отдѣльнаго класса. Право, прежде бывшее в распоряженіи народа, становится потомъ предметомъ занятій и изслѣдованій отдѣльнаго, изъ лона того же народа, вышедшаго сословія юристовъ. В кругу выпавшей на нихъ дѣятельности юристы выступаютъ, какъ *представители* народныхъ понятій, право же, образующееся в убѣжденіяхъ этого сословія можетъ быть признано за продолженіе и самодѣятельное *проявленіе народнаго* (обычнаго) *права.* С того времени, какъ право сдѣлалось предметомъ дѣятельности юристовъ, оно начинаетъ жить двоякою жизнію.

Его основа, равно какъ и прежде, теперь кроется в народномъ убѣжденіи, развитіе же этой основы и примѣненіе ея къ разнымъ случаямъ общественной жизни становится уже исключительно задачею юристовъ **). Юридически творческая способность народа, по Савиньи, в позднѣйшее время ослабѣваетъ (гаснетъ) совершенно, а народное (обычное) право

---

*) *Sawigny*, System.... стр. 19, 20, 45, 46, P*uchta*, das Gewohnheitsrecht, I стр. 161 и слѣд. II, стр. 14 и слѣд. Cursus der Institutionen, 1, § 15, 18, Pandekten, § 16; *Warnkönig*, Juristiche Encyklopedie § 31, *Stanislawski*, o pochodzeniu prawa obowiązującego, Czasopismo IX и X стр. 587.

**) *Savigny*. System.... стр. 45, *Warnkönig* Juristiche Encyklopedie стр. 41, *Savigny*, Vom Beruf.... стр. 12—14.

живет тогда жизнію законодательства и науки *). На это возражал Безелер, говоря, что творческая сила народа никогда не тратится въ созданіи права **). А мы думаем, что дѣло обстоит так: на первых порах из *народа* выходит право и *им же* укрѣпляется оно. Потом, право хотя и выдѣляется из народной жизни, но образовательная его работа переходит к *законодателю*, (а не юристам) который ворочает всѣм юридическим дѣлом, а народ ему только заявляет (посредственно или непосредственно) о своих юридических интересах. Законодатель принаровительно этим послѣдним строит тѣ или другія юридическія нормы, способныя удовлетворить народныя заявленія.

Дѣятельность юристов, по мнѣнію исторической школы, двоякá: *матеріальная* и *формальная* ***). В первомъ случаѣ, юристы, будучи *представителями* народнаго сознанія, сосредоточивают в себѣ дѣятельность и творчество народа, вслѣдствіе чего в состояніи вызвать для дѣйствительной жизни *новыя* начала положительнаго права. Формальная же дѣятельность есть научная дѣятельность и состоит в отысканіи разумной основы уже существующих начал положительняго права. Наука оказывает вліяніе на самое содержаніе права тѣм, что с помощью свойственных ей способов выводит из даннаго начала *новые зародыши*, которые его увеличивают, а иногда и измѣняют ****). Юрист, как дитя своего времени и своего народа, независимо даже от своей воли уступает вліянію народных убѣжденій, принимает их и очищает их своею дѣятельностію. Этим способом юрист в данный момент общаго развитія и просвѣщенія, является как *истинный представитель народнаго сознанія* о предметах права. Теперь то именно, и именно теперь *наука* в *которой* при посредствѣ юристов *воплотилось* народное убѣжденіе, становится активною си

*) System.... стр. 50.

**) Ср. *Безелер*, Volksrecht und Juristenrecht ст. 84.

***) *Savigny*, System.... стр. 45. *Stanislawski*, Czasopismo, XII стр. 588 и друг.

****) *Puchta*, das Gewohnheitsrechs 1 стр. 146—147.

лою, и теперь только может быть считаема за *самостоятельный источник положительнаго права* *).

Вот в немногих словах ученіе школы историческаго направленія в правовѣдѣніи.

Посмотрим, по возможности, насколько состоятельны общіе пункты ученія исторической школы, недостаток которых нами еще не указан выше.

Право, по исторической школѣ есть *произведеніе «народнаго духа»*, который выражается в законодателѣ и сословіи юристов. Но ужели законодатель может замѣстить в правовом отправленіи весь народ?

Если это допустить, то всѣ остальные члены общества должны обратиться в юридически-непродуктивный элемент, в безсамостныхъ индивидов, жизненность (правовая) которых перелилась в законодателя. Вся народная масса представляла бы юридическое вмѣстилище без вмѣстимаго-что является нелѣпостью. Часть никогда не может воплотить в себѣ цѣлаго, ибо содержаніе послѣдняго задавило бы первую, и не могло бы помѣститься в ней. Воля единицы, или нѣсколькихъ никогда не совпадала и не будет совпадать с волею всѣх. Тоже замѣчаніе должно быть приложено к мнѣнію исторической школы об юристах, как истинных представителях народнаго убѣжденія, народной воли. Задача дѣятельности юристов в юридическом мірѣ народа состоит во 1) в приведеніи к сознанію существующаго права или в формѣ идей идеальных норм, или в формѣ дѣйствительных юридическихъ положеній. Юристы должны приводить к сознанію «скрытыя» начала права. Хотя главным образом выдвигает эти начала сам народ, однако и юристы, посвятившіе свои труды и года на изученіе юридическаго міра, не лишены возможности выводить наружу положенія из неизсякаемаго юридическаго источника, то есть, до тѣх пор еще несознанныя правовыя начала **). Во 2) в системмтической об-

---

*) *Puchta* ibid, I стр. 161 и слѣд. ст. *Stanisławski*, o pochodzeniu prawa obowiązującego, Czasopismo, 1863 г. XI стр. 696.

**) Ср. *Іеринг*, дух римскаго права, 26—27. (русскій перев. 1875 г.).

работкѣ права, возведеніи права в логическій организм. Иначе говоря, юристы должны логически структурировать право; в 3) в познаніи психическаго момента в правѣ, или «духа права»; *) в 4) в познаніи физіологических отправленій права и т. д. Представителями народа и его убѣжденія юристы не были и никогда не будут. Если бы Савиньи и друг. получше вглядѣлись в принятіе римскаго права германским народом, то навѣрное не назвали бы их представителями народнаго сознанія, массою, куда перелились правотворческая мыслительность и способность народа.

Всѣм, полагаем, ясно, что введеніе римскаго права в Германіи было дѣлом преимущественнаго в то время значенія юристов, что римское право в Германіи было безспорно правом юристов. Однако каждому знакомому с исторіею германскаго права извѣстно, как долго и упорно народ вооружался против втѣсненія в их жизнь римскаго права, как сильно тяготились его введеніем даже сословія, бывшія тогда истинными представителями народа. Значит, если бы юристы были истинными представителями народнаго сознанія и убѣжденія, то римское право перешло бы в германскую жизнь без усилій со стороны юристов и отпора народа. Ясно, что историческая школа закрывала при своих выводах глаза на *историческіе* же факты, подрывающіе их значеніе.

Историческая школа болѣе всѣх склонна к народному (обычному) праву, выведенному мирным путем, как менѣе подвергающемуся произволу, чѣм к законному праву. Обычное право, по исторической школѣ, свободно от произвола, а законное способно носить в себѣ произвол. Но это мнѣніе исторической школы при внимательномъ разсмотрѣніи законодательной дѣятельности, окажется неимѣющим истинной подкладки. Оно произошло вслѣдствіе узкаго пониманія законодательной дѣятельности, характера закона и отношенія послѣдняго к народной жизни.

Верховную власть о законодательной функціи нельзя пред-

*) Дух времени, дух народа, *Іеринг*.

ставлять воплощеніемъ произвола,—зданіем с вывѣскою: „как хочу, такъ и дѣлаю". Нормы права, вышедшія от произвола законодателя, на основаніи его физическаго превосходства, нельзя признать истинно правовыми. Разлад дѣйствій законодательной власти с дѣйствительными нуждами и потребностями народа убійственен для нея самой и вреден для народа. Физическое превосходство законодательной власти должно быть въ связи с нравственным ея значеніем. Если бы законодательная власть издавала обязательныя правила, идущія в разрѣз с потребностями народа, или с тѣм, что обыкновенно зовется общественною жизнію, то она подорвала бы основы *своего* существованія. С развитіем культуры знаніе и общественное мнѣніе пріобрѣтает такую силу, что законодатель, если он с твердым умом, сочтет необходимым руководствоваться ими во избѣжаніе своей погибели. Таким образом, законодатель естественным, фактическим образом ограничивает свой произвол, для пощады себя, в виду интересов народной жизни.

Вѣдь и идеал человѣческаго общества и законодателей заключается в том, чтобы жизнь не противорѣчила законам, чтобы закон не шел в разрѣз с жизнію. И только тѣ законы, на самом дѣлѣ, могут разсчитывать на прочное существованіе и исполненіе, которые не противорѣчат жизни, вытекают из нея, стремятся утвердить и обезпечить свободу личности; и только та общественная жизнь заключает в себѣ задатки прочнаго развитія, которая способна вырабатывать и примѣнять совершенные законы.

Законодательный произвол и основанныя на нем насилія, составляют самыя трагическія страницы исторіи всѣх народов, что, полагаем, извѣстно всякому, знакомому с исторіей человѣчества. Чтобчитать эти страницы, не нужно углубляться в прошлое, вспомним раздоры и кулачное право средних вѣков, ужасы инквизиціи; богатым матеріалом в этом случаѣ могут служить листы газет, гдѣ описываются послѣдствія того юридическаго порядка, который дѣйствует в Турціи.

Хорошее общество требует и хороших законов. В этом случаѣ и говорится, что хорошій закон есть признак хоро-

шаго общества. Такое общество всякое появленіе полнаго произвола законодателя тот час же выкинет из своей жизни вмѣстѣ с автором его. Если же общество этого сдѣлать не может, по своей слабости, то оно постепенно будет гаснуть.

Утративший всякій смысл и значеніе закон, или будучи бездѣнным по своей основѣ, происхожденію и содержанію, противорѣчащій потребностям жизни, стѣснительный для ея роста юридических институтов, вызывает обыкновенно противодѣйствіе в обществѣ. Если законодатель не стоит в уровень и в согласіи с юридическими интересами членов общества и по возможности не поддерживает и не расширяет сознаніе въ этих интересах общниками а только тормозит дѣло, то происходит в народѣ броженіе умов, ропот и политическое движеніе.

Хорошій закон не бывает и принудительным. В таком законѣ, сообразном с жизнью народа, принудительность становиться незамѣтною и он исполняется добровольно и охотно. Принудительным кажется закон только для дурных элементов общества; все же доброе, благородное, свято чтит закон и негодует при видѣ отдѣльных закононарушеній, противодѣйствует этим закононарушеніям и рукоплещет всякому торжеству благаго закона. Общественная жизнь, таким образом, сливается с законом, достигается тот идеал, к которому стремится разумная жизнь, разумное законодательство. Практическое значеніе закона зиждется в этом случаѣ не только на внѣшнем принужденіи, на грубой силѣ, но и на нравственных основах общества, на совѣсти людей. Из сказаннаго можно понять, что нерасположенность исторической школы к законодательству основана на фальшивом ея взглядѣ на дѣятельность законодателя и основы закона. По исторической школѣ выходит, что всякое право только *національнаго* происхожденія есть продукт народной жизни, явившійся по законам внутренней необходимости и тѣсно связано с исторической судьбой *даннаго* народа. Каждый народ руководится тѣм только правом, которое выросло вмѣстѣ с національной жизнію народа. Каждое право вышло из *сущно-*

сти націи и ея исторіи. Несостоятельность этого взгляда исторической школы ясно выразил Іеринг в своем талантливом произведеніи: „дух римскаго права на различных ступенях его развитія". Позволим себѣ смѣлость сдѣлать нѣсколько выписок из этой драгоцѣнной книги. Іеринг, указывая недостаточность мнѣнія исторической школы о національном происхожденіи права, ссылается на римское право, вкоренившееся в жизни новых народов, которое не имѣет никакой связи с совокупностію прошедшаго новых народов, их внутреннѣйшею сущностію и исторіей, оно является пришельцем, не имѣющим за себя никакого основанія, удаленія котораго никто вслѣдствіе этого не должен был бы желать, болѣе ревностно, нежели Савиньи и историческая школа. Но именно они то и взяли его под свою защиту, когда, с точки зрѣнія національности, потребовано было, чтоб оно, наконец, было изгнано. Странная иронія научной судьбы....*).

Пока оно (историческое направленіе) выставляет идею національности права, как исключительно вѣрную и руководящую, противорѣчіе, в котором находится его ученіе с усвоеніем римскаго права останется вѣчно неразрѣшенным—чрез дверь національности римское право никогда не войдет в нашу науку **).

Откроем наши глаза, и мы увидим, что жизнь есть заимствованіе извнѣ и внутреннее присвоеніе; усвоеніе и ассимиляція—вот двѣ основныя функціи, на существованіи и равновѣсіи которых основывается бытіе и здоровье всякаго живущаго организма. Прекратить заимствованіе извнѣ и присудить организм к развитію извнутри, значит умертвить его,—развитіе извнутри начинается только у трупа. В семействѣ народов нашелся один настоящій Дон Кихот принципа національности, который попробовал провести эту странную идею—это народ китайскій ***). На востокѣ и в древности

*) Тамъ же стр. 3.
**) Тамъ же стр. 4.
***) Тамъ же стр. 5.

развитіе идет на самом дѣлѣ и в самом существенном так как учит Савиньи *).

Вышеприведенныя строки из сочиненія Іеринга показывают всю несообразность с дѣйствительностію воззрѣній исторической школы, воззрѣній что право развивается только *извнутри* народной жизни по внутреннему закону необходимости в связи с исторіей этого народа, и к какому горькому результату приходит народ, который стремится идти *исключительно* по одной дорогѣ національнаго развитія.

По взглядам исторической школы у одного и того же народа должно быть одинаковое право, вытекшее из его духа. Факты с этим нам согласиться не дозволяют. Один и тот же народ нѣмецкій имѣет множество частных прав. Даже в том же нѣмецком народѣ есть такія части, которыя руководятся не правом, вытекшим из их жизни, а чужеземным (рейнскіе прусаки живут с французским правом, добытым им путем завоеванія, а не прусским народным правом). В Кроаціи уживается донынѣ австрійское право, не смотря на то, что оно не вытекло из Кроатскаго народнаго духа **). В дополненіе слов Іеринга мы должны коснуться значенія національности по отношенію ея к развитію права. Мы должны признать несомнѣнным то, что право зараждается в сферѣ національной. Иначе и быть не должно. Эти національные зачатки права составляют оригинальность, своеобразность права даннаго народа. Національное право в природѣ своей есть односторонность, которое и составляет необходимое условіе для его развитія. То, что мы называем геніем народа, есть, в существѣ дѣла, его односторонность. Но это одностороннее состояніе народа не может развиваться исключительно извнутри народной жизни, по внутреннему закону необходимости, как учит историческая школа, но способно двигаться впред и достигать совершенства только при сношеніи с другими народами и заимствованіи от них начал,

*) Тамъ же стр. 8.
**) Ср. Harum. Fon d. Enst des Rechts.

необходимых, как матеріал, для произведенія своих геніальных созданій.

Можно сказать, что не тѣ люди движут міром и составляют рычаг развитія человѣчества, которые получили всестороннее, но неглубокое образованіе, а тѣ, которые преданы односторонности, идут в спеціально извѣстном направленіи. Только послѣдніе и способны произвести оригинальное, а оригинальное-то и есть цѣнное созданіе. Это же можно сказать и относительно народа в созданіи права. Только тот народ дѣлает вклады в юридическую міровую жизнь, который имѣет грунтом дѣйствующаго у него права свою національность, вслѣдствіе чего право, выработанное им становится образцовым, не расплывается и не теряется в массѣ созданій других народов. Таким образом національный характер права есть его типичность, которая не допускает потеряться ему и, так сказать, изсякнуть среди других народов. Общим правилом можно признать то положеніе, что чѣм жизненнѣе народ, тѣм он способнѣе, как произвести что-либо самостоятельное, так, и выражаясь физіологически, переварить полученное от другаго народа. От таковаго народа и заимствовать безопаснѣе (напр. у Римлян).

В том, что каждая національность развивает что-либо свое, оригинальное, заключается и прогресс человѣчества. Но повторяем, самородное, національное произведеніе может получить надлежащую форму и соотвѣтствующее содержаніе только при общеніи одного народа с другим, только чрез заимствованіе одним народом у другаго необходимых элементов для цѣлостности и совершенства самороднаго явленія. Необходимость общенія вытекает из существа человѣческой природы и „замкнутость есть смертный грѣх народов, ибо высшій закон исторіи есть общеніе“ *).

Таким образом должно допустить то предположеніе, что основным условіем всемирно-историческаго развитія права была и будет національность. Она есть та сфера, гдѣ право

*) Іерингъ, дух римскаго права, стр. 6.

получает свое зарожденіе и первоначальную грунтуровку. Привнесеніе в сферу національнаго права начал чужаго права необходимо, но привнесенная юридическая норма не станет живительною до тѣх пор, пока не будет приспособлена ко вкусу націи. В силу необходимости заимствованія начал права у другаго народа, каждая нація обязана выдѣлять из себѣ извѣстныя сокровища права, для обмѣна на чужія правовыя богатства. Мысль исторической школы, что право есть право *этого* только народа, и дальнѣйшее развитіе его зависитъ отъ этого только народа должна быть признана неосновательною. Неизмѣримо громадная заслуга исторической школы состоит в том, что она в первые высказала совершенно новую и вѣрную мысль: *„всякое право есть часть народной жизни“*. Великое достоинство ея также заключается и в том, что она *указала на національность, какъ на сферу зарожденія права.* Но удивительно и странно ея положеніе: всякое право *только* національнаго происхожденія.

Мы не входим в подробный разбор явленій, сопровождающих происхожденіе права; мы не анализируем *вполнѣ* обычное право и законодательство, по взглядам исторической школы потому, что об этом будет рѣчь впереди *), гдѣ мы пунктуально опровергнем взгляды исторической школы на происхожденіе и образованіе права, приняв только одну коренную ея мысль за правильную: что *право есть часть народной жизни.* Что же касается характеристики *основных* взглядов исторической школы на право вообще, то она, кажется, выражена нами в предъидущем нашем разсужденіи достаточно.

Метла.

1876 года. Января 23.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ УЧЕНІЙ

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ЦЕРКОВІЮ И ГОСУДАРСТВОМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Краткая характеристика попытокъ къ рѣшенію вопроса; трудность рѣшенія.—Значеніе вопроса.—Его происхожденіе.—Теоріи.

Въ исторіи мысли и въ дѣйствительной жизни не много можно отмѣтить такихъ вопросовъ, которые бы въ теченіи многихъ столѣтій, сохранили свою жизненность,—научно-практическій интересъ и, для своего рѣшенія, возбуждали напряженную дѣятельность умовъ теоретическихъ и практическихъ. Къ этой-то категоріи вопросовъ и относится предметъ нашего изслѣдованія. Онъ имѣетъ свое далекое прошедшее, составляетъ интересъ настоящаго и задачу для будущаго. Обозрѣвая кратко-прошедшую судьбу нашего вопроса, мы встрѣчаемъ множество попытокъ и различныхъ комбинацій для его рѣшенія, но, не можемъ остановиться ни на одной изъ нихъ и безпристрастно сказать, что такой-то теоріей вопросъ рѣшенъ окончательно и долженъ съ этого момента навсегда сдѣлаться достояніемъ исторіи прошлаго. Нашъ вопросъ сильно интересовалъ умы въ средніе вѣка, когда на практикѣ преобладала то церковь надъ государствомъ, то государство подавляло церковь. Въ эту эпоху почти въ каждомъ сочиненіи научно-политическаго содержанія удѣлялась извѣстная часть вопросу объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Нѣкоторыя сочиненія даже

были спеціально посвящены этому предмету *). Въ нихъ развивались и защищались тѣ или другія, созданныя практикою, системы дѣйствительныхъ отношеній между церковію и государствомъ. Между теоретическими мыслителями среднихъ вѣковъ особенно выдаются: Августинъ, Тріумфъ и Марсилій Падуанскій, какъ представители и усердные защитники двухъ совершенно противоположныхъ воззрѣній на вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Первый изъ нихъ въ своемъ сочиненіи „Summa de ecclesiastica potestata“ крайне усердно отстаиваетъ папскую теорію господства церкви надъ государствомъ; а второй въ сочиненіи: „Defensor pacis“ является сторонникомъ системы господства государства надъ церковію. Было немало и другихъ сочиненій подобнаго рода, а также и на практикѣ; одновременно съ научнымъ движеніемъ по данному вопросу, шла дѣятельная переписка между представителями церковной и свѣтской власти, гдѣ каждая сторона старалась взять перевѣсъ одна надъ другою. Но и при всѣхъ многоразличныхъ попыткахъ установить, разъ навсегда, общую норму отношеній между церковію и государствомъ—цѣль не достигалась и вопросъ оставался одною изъ сложныхъ и неразрѣшимыхъ проблемъ жизни и науки. То же разнообразіе воззрѣній на нашъ предметъ замѣчаемъ и въ новое время. Особенно много было сочиненій по разсматриваемому вопросу въ вѣкъ энциклопедистовъ. Впослѣдствіи увидимъ что большинство изъ нихъ всѣми мѣра-

---

*) Таковы средневѣковыя сочиненія, поддерживающія напр. теорію двухъ мечей въ XII вѣкѣ; *Св. Бернарда* „de consideratione.“ *Іоанна Салисбирійскаго* „policraticus sive de nugiis curialium et vestigiis philosophorum.“ *Вальтрама Наумбургскаго* „de unitate ecclesiae conservanda.“ *Гуго Флерійскаго* „Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate.“

ми усиливалось подорвать всякую самостоятельность церкви и все церковное подчинить произволу государства. Таковы: Болинброкъ, Кондорсе, Даламбертъ, Рэналь, Вольтеръ и др. Но всѣ ихъ попытки только болѣе затрудняли рѣшеніе вопроса, осложняя его литературный матеріалъ, а нисколько впередъ не подвинули. Подобныя неудачныя попытки въ рѣшеніи вопроса, нами разсматриваемаго, убѣдительно свидѣтельствуютъ о его дѣйствительной трудности. Въ чемъ же она заключается? Прежде всего въ томъ внутреннемъ различіи, которое такъ рѣзко обозначается въ самыхъ понятіяхъ о церкви и государствѣ. Каждая изъ этихъ двухъ сферъ имѣетъ свои особые отличительные признаки, свои цѣли, средства, интересы, не совпадающіе другъ съ другомъ. Въ примиреніи этого противорѣчія и заключается первая и капитальная трудность въ рѣшеніи нашего вопроса. Къ этому присоединяется еще и различіе взглядовъ того или другаго государства на церковь; отъ этого зависитъ и различіе отношеній между ними. Церковь по своему существу неизмѣнна и, какъ начало универсальное, имѣетъ общіе принципы, приложимые въ каждомъ человѣческомъ союзѣ, но государства принципіальнаго нѣтъ, а потому трудно и почти невозможно подобрать такую форму отношеній между церковію и государствомъ, которая была бы обща всѣмъ христіанскимъ государствамъ, имѣющимъ у себя христіанскую церковь. Такимъ образомъ различіе въ разсматриваемыхъ нами отношеніяхъ должно всегда существовать и можетъ опредѣляться съ одной стороны тѣмъ, какое вѣроисповѣданіе признаетъ извѣстное государство господствующимъ и, съ другой стороны, въ какой мѣрѣ начала государственнаго управленія, духъ, нравы и законы общества согласуются съ духомъ, нравами и законами церкви. Теперь нетрудно опредѣ-

лить и значеніе нашего вопроса. Онъ имѣетъ болѣе практическую важность, чѣмъ интересъ научный. Для науки важна его историческая судьба, тѣ теоретическія и практическія воззрѣнія различныхъ ученыхъ и политиковъ, которые цѣлыя столѣтія напрягали свою мысль надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Исторія его должна показать то значеніе церковнаго права, которое оно имѣло въ различныя эпохи и отношеніе къ нему государственнаго права. Въ практическомъ же отношеніи важно не прошедшее нашего вопроса, а его настоящее положеніе и, то или другое его рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что церковь хотя „царство и не отъ міра сего“ (Іоан. 18, 36), но существуетъ въ „мірѣ“ (Іоан. 17, 15), находится въ томъ или другомъ государствѣ, имѣетъ къ нему извѣстныя отношенія, чувствуетъ на себѣ его вліяніе и сама, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на государство. Такимъ образомъ по положенію церкви въ государствѣ опредѣляется и его значеніе. Вотъ тѣ общія соображенія, которыя должны предшествовать нашему изслѣдованію. Въ своей задачѣ мы далеки отъ желанія предрѣшать вопросъ. Цѣль нашего изслѣдованія, показать образованіе и развитіе тѣхъ началъ, которыя легли въ основу нашего предмета и дать имъ извѣстную критическую оцѣнку. Теперь скажемъ о происхожденіи вопроса и о его теоріяхъ.

Въ исторической послѣдовательности вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ возникаетъ вмѣстѣ съ первымъ распространеніемъ христіанства въ мірѣ и съ этой эпохи получаетъ всемірное значеніе. Въ дохристіанской древности, гдѣ не было религіи съ универсальными тенденціями, ни церкви, какъ самостоятельнаго и независимаго учрежденія, не существовало и вопроса объ отношеніяхъ между цер-

ковію и государствомъ, потому что источникъ языческихъ религій и культовъ находился въ томъ же національномъ духѣ, въ которомъ коренились и другіе элементы народной жизни. А вслѣдствіе такого вліянія религіозно-церковнаго начала съ національнымъ, религіи и культы въ языческихъ государствахъ имѣли значеніе мѣстное и развитіе ихъ внутренняго содержанія и формъ подчинялось тѣмъ же законамъ, какіе лежали и въ основѣ національнаго развитія. Только въ христіанствѣ церковь, уже не какъ продуктъ развитія какой-либо національности, получаетъ особыя качества, отличающія ее отъ государства и дающія ей право на самостоятельное бытіе. Въ первые моменты этого бытія церковь находится въ пренебреженіи у государства, еще неотрѣшившагося отъ языческихъ традицій, оно смотритъ на нее не болѣе какъ на іудейскую секту. Но, по мѣрѣ распространенія христіанства между язычниками, когда государство увидѣло себя потрясеннымъ въ глубочайшемъ основаніи своей жизни, въ своей религіи, оно стало считать церковь за враждебную для себя силу, направленную противъ его собственнаго существованія. Поэтому прежнее равнодушіе государства къ церкви очень скоро обратилось въ сильнѣйшее противодѣйствіе и загорѣлась кровавая борьба. Цѣлый рядъ гоненій на христіанство и потоки крови его послѣдователей не остановили однако самобытнаго развитія Христовой Церкви, которая, переживъ это испытаніе, вышла побѣдительницей царей, государствъ и народовъ. Съ этого момента языческое государство отдалось церкви, показавшей въ страданіяхъ непреодолимую силу и, когда оно стало христіанскимъ, церковь вступила съ нимъ въ первое непосредственное единство.

Но и въ этомъ видимомъ союзѣ церкви и государства ихъ существенное различіе не могло не выска-

заться и не повліять на самыя ихъ отношенія. Въ Византійской имперіи, которая была остаткомъ древняго государства, сохранившагося среди христіанскаго міра, гдѣ церковь получила господствующее положеніе благодаря заботамъ христіанскихъ императоровъ, церковная власть имѣла второстепенное значеніе, а преобладающею была свѣтская. Напротивъ, на западѣ, послѣ паденія западной Римской имперіи, преобладала власть духовная, которая одна только хранила на себѣ преданія древняго Рима и къ ней были обращены всѣ симпатіи новыхъ народовъ, поселившихся на развалинахъ прежней имперіи. Такая разнохарактерность отношеній въ двухъ половинахъ Римской имперіи рѣзко высказывается почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ какъ въ жизни, такъ и въ теоріи, которая въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ всегда была сильнымъ выразителемъ того, что создавалось историческою жизнію — на практикѣ.

Указанныя нами отношенія назовемъ средневѣковыми системами: господства государства надъ церковію (цезаре-папизмъ) и господства церкви надъ государствомъ. Въ послѣдствіи, уже въ XVIII вѣкѣ, какъ увидимъ, появилась и еще третья система: полнаго раздѣленія между церковію и государствомъ. Разсмотримъ эти системы историко-догматически и критически.

Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ.

1. Господство государства надъ церковію (цезаре-папизмъ).

Греко-римскій міръ, гдѣ еще такъ недавно были жестокія гоненія на христіанство, по окончаніи ихъ сдѣлался тою почвою, на которой мало по малу распространялась церковь. Болѣе и болѣе утверждаться здѣсь—было первою ея задачей. На этой же почвѣ, силою историческихъ обстоятельствъ суждено было возникнуть, развиться и утвердиться тѣмъ двумъ системамъ отношеній между церковію и государствомъ, которыя мы выше назвали средневѣковыми.

По окончаніи гоненій на христіанство, которыя вели только къ большему торжеству его, обнаруживая великую неистощимую силу его внутренней духовной жизни и слабость упадающаго язычества, церковь вступила въ союзъ съ государствомъ, но еще не тотчасъ сдѣлалась его достояніемъ, для чего нужна была постепенность. Государство сначала склонилось только къ терпимости въ отношеніи къ христіанству. Такъ, въ эдиктѣ умирающаго императора Галерія еще проглядываютъ остатки злобы противъ христіанства, отчаяніе и угрозы, хотя этотъ эдиктъ оканчивается обращеніемъ мысли Галерія къ умилостивленію христіанскаго Бога и просьбою у христіанъ молитвы о себѣ *). При такомъ

*) Цер. Исторія Евсевія 8, 17 (у Миня). У Лактанція „о смерти гонителей“ гл. 34.

еще непрочномъ положеніи церкви въ государствѣ, конечно, не было и рѣчи о различіи ихъ отношеній въ обоихъ половинахъ имперіи. Это различіе начинаетъ обрисовываться только впослѣдствіи, когда въ политическомъ отношеніи востокъ и западъ раздѣлились и историческая жизнь въ той и другой части христіанскаго міра пошла особыми путями, а христіанство пріобрѣло господствующее положеніе въ государствѣ. Только съ этого времени государство должно было взять церковь подъ свою защиту и попеченіе.

Основаніе побѣдѣ надъ язычествомъ и особому ея значенію въ государствѣ было положено Константиномъ Великимъ; при немъ же были посѣяны и сѣмена будущаго господства государства надъ церковію. Онъ началъ свою дѣятельность въ пользу христіанства и церкви съ принципа вѣротерпимости. Такъ, эдиктомъ 312 года Константинъ даруетъ еще только всеобщую свободу вѣроисповѣданій, не относясь ни къ одному изъ нихъ съ предпочтеніемъ. „Дозволяемъ," говорится въ эдиктѣ, „христіанамъ и всякаго другаго рода людямъ послѣдовать той религіи, какую имѣть пожелаютъ." *) Но эдиктомъ 314 года Константинъ, не нарушая свободы вѣроисповѣданій, уже отдаетъ преимущество христіанству, называя его свѣтлымъ чертогомъ истины, религіею установленною Богомъ отъ созданія міра, своею истинною вѣрою. Въ заключеніе высказываетъ желаніе убѣдить всѣхъ въ правотѣ христіанства и сожалѣніе о томъ, что еще не искоренились злыя предубѣжденія, препятствующія тому **). Послѣ того, ежегодно являлись законы въ пользу возвышенія и обезопасенія церковной дѣятельности и, хотя права язычества оставались признанными и самъ Константинъ еще фактически не былъ христіаниномъ ***), но направленіе его уже извѣстно было повсюду. Быстрая побѣда надъ Ликиніемъ окончательно рѣшила въ пользу Констан-

*) У Лактанція гл. 48.

**) De vita Constantini 2, 18. 56 (у Миня).

***) Константинъ принялъ крещеніе незадолго до смерти, послѣдовавшей въ пятидесятницу 337 года.

тина политическое превосходство христіанскаго Бога и, сдѣлавшись владыкою надъ востокомъ, Константинъ призналъ за христіанствомъ господствующее положеніе въ государствѣ.

Первоначальныя отношенія императора къ господствующей церкви ограничивались вліяніемъ на внѣшнюю сторону церкви, на ея внѣшній бытъ. Поэтому первымъ дѣломъ Константина было унитоженіе всѣхъ послѣдствій прежнихъ гоненій; такъ, онъ вызвалъ въ отечество бѣжавшихъ изъ него христіанъ, возвратилъ изъ заточенія исповѣдниковъ вѣры, предоставилъ имъ право вступать въ государственную службу, котораго они были прежде лишены; возвратилъ имъ всѣ отнятыя у нихъ права званія и состоянія и самыя имущества; украсилъ главные города великолѣпными церквами; церковныя имѣнія, движимыя и недвижимыя, какимъ бы то ни было образомъ отчужденныя отъ христіанскихъ церквей, утвердилъ снова въ ихъ владѣніи; духовенству назначилъ пособіе изъ общественныхъ средствъ. Такое покровительство и благоволеніе государя увеличивали торжество христіанства. Но несмотря на этотъ блестящій опытъ государственнаго провозглашенія правъ религіи и церкви, въ самомъ уже фактѣ приложенія гражданскихъ началъ къ дѣлу религіи, въ этой усердной государственной опекѣ лежали уже зародыши будущей зависимости покровительствуемой церкви отъ покровителя государства. Кромѣ того, можно ли было надѣятся, что царская личность или государственная власть не измѣнятъ впослѣдствіи своихъ отношеній къ христіанству, что они, по своимъ началамъ, силою и дѣйствіемъ гражданской власти всегда будутъ поддерживать господство единой истинной вѣры и не склонятся въ пользу лжевѣрія? Дальнѣйшая исторія христіанства не подтверждаетъ этого.

До тѣхъ поръ, пока не возникали въ церкви ереси и расколы она, какъ мы сказали, подчинялась государственной власти только внѣшнимъ образомъ и императоръ могъ смотрѣть на себя какъ на епископа, находящагося внѣ церкви (ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς τῆς ἐκκλησίας) *), его прежняя перво-

*) Евсев. de vita Constantini 1, 44. 4, 24.

священническая власть теперь еще была направлена на внѣшнее благоустройство церкви; но, по мѣрѣ возрастанія религіозныхъ споровъ на востокѣ, когда интересы церкви становились равно и интересами государства, императорская власть должна была и чѣмъ дальше, тѣмъ больше стараться гарантировать для себя высшее начальство надъ епископскимъ управленіемъ и этимъ наносить ущербъ свободѣ церкви. Отсюда развилось вліяніе государственной власти и на внутреннюю сторону церкви. Императоры пріобрѣли нравственное, духовное первенство, а ихъ власть значительную примѣсь религіознаго элемента. Они создали себѣ право созывать соборы, заботились, конечно главнымъ образомъ въ видахъ государственной безопасности, о прекращеніи религіозныхъ преній и уничтоженіи ересей и расколовъ. Съ этою цѣлію они издавали законы какъ гражданскіе, префектамъ преторіи, такъ и церковные патріархамъ. Догматическіе споры рѣшались нерѣдко только императорскими эдиктами, даже и соборы были иногда созываемы только для утвержденія этихъ эдиктовъ. Все это, въ совокупности, дало возможность сформироваться тому цезаре-папизму, какъ покажетъ исторія соборовъ, благодаря которому прежде покровительствуемая церковь пришла на востокѣ въ самую крайнюю зависимость отъ государства.

Что касается до историческихъ фактовъ, служащихъ подтвержденіемъ только что сдѣланныхъ выводовъ, то они встрѣчаются еще въ царствованіе Константина, хотя и не съ такимъ характеристическимъ оттѣнкомъ, какъ впослѣдствіи. По поводу разногласія въ Африканской церкви относительно рукоположенія Цециліана на Карѳагенскую каѳедру, Константинъ не только назначилъ своею властію соборы въ Римѣ и Арелатѣ, но даже указалъ епископовъ, которые должны быть на этихъ соборахъ и опредѣлилъ число пресвитеровъ, которое должно было состоять при епископахъ *). Другой случай былъ по поводу спора съ донатистами. Они учи-

*) Цер. исторія Евсевія кн. 10 гл. 5 (у Миня),

ли что будто Церковь всюду погибла не землѣ, кромѣ ихъ секты, и на этомъ основаніи перекрещивали совращенныхъ ими православныхъ, отвергая церковное крещеніе, какъ недѣйствительное и затѣмъ публично возставали противъ церковной власти. Все это сильно потрясало миръ церкви и сопровождалось самыми возмутительными безпорядками. Для примиренія возставшихъ съ православными, Константинъ велѣлъ гражданскимъ властямъ въ Африкѣ (гдѣ возникъ расколъ и волновалъ церковь) употребить всѣ мѣры къ прекращенію раздоровъ. Но никакія мѣры не были дѣйствительны и сектанты, возбужденные недовольствомъ по ихъ дѣлу на мѣстное правительство, обратились прямо къ императору съ прошеніемъ перенесть ихъ дѣло на судъ въ другое мѣсто. Константинъ назначилъ для нихъ соборъ въ Римѣ. Когда же донатисты остались недовольны этимъ соборомъ и требовали новаго суда надъ православными епископами, особенно надъ однимъ изъ нихъ Феликсомъ Антонгскимъ, котораго обвиняли въ томъ, что онъ во время гоненій выдалъ языческимъ властямъ книги Св. Писанія, то Константинъ поручилъ проконсулу изслѣдовать жизнь его. Такимъ образомъ надъ епископомъ по дѣлу совершенно церковному производилось слѣдствіе гражданскою властію. Не менѣе также характеристично отношеніе Константина къ церкви въ періодъ аріанства. Эта ересь, современная первому вселенскому собору, сильно поколебала Церковь. Какъ же поступила въ данномъ случаѣ государственная власть покровительствующая церкви? Императоръ Константинъ отправляетъ къ двумъ спорящимъ лицамъ Александрійскому епископу Александру и ересеначальнику Арію письма мпротворнаго содержанія, гдѣ, обращаясь къ первому, называетъ предметъ спора (о естествѣ Сына Божія) вопросомъ „тщетнымъ;“ а послѣднему замѣчаетъ, что онъ поступилъ неразсудно, когда сталъ мыслить о томъ, о чемъ не слѣдовало, или что должно было заглушить молчаніемъ.“ „Не надобно было пишетъ императоръ ни поднимать такихъ вопросовъ, ни давать на нихъ отвѣта.... Кто можетъ понимать столь высокіе и столь трудные предметы, или удовлетворительно объяснять ихъ? И кого можно убѣдить въ

нихъ?... Дѣло идетъ не о главномъ основаніи вѣры; вы не хотите вводить новой вѣры; вы оба въ душѣ имѣли одни и тѣже чувства, поэтому легко можете сойтись между собою. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы принуждать васъ къ полному взаимному соглашенію по этому вопросу при всей его тщетѣ: вы можете сохранить единеніе между собою при частной разности вашихъ мыслей, только эта разность и всѣ эти тонкости должны оставаться въ тайникахъ вашего ума" *). Вотъ дрейвѣйшій и характеристическій памятникъ вмѣшательства государства въ дѣла вѣры! Гдѣ тутъ покровительство государства церкви? Въ стремленіи императора склонить къ миру враждующія стороны не видно ли исключительнаго желанія охранить тишину и порядокъ въ государствѣ, чѣмъ забота о благѣ церкви и о храненіи вѣры? Подобный образъ дѣйствій, при столкновеніи истины съ заблужденіемъ, едва ли можетъ принести добрые результаты. Ложь можетъ преклониться предъ истиной только тогда, когда будетъ раскрыта во всей своей наготѣ, когда путемъ основательныхъ доказательствъ будетъ обличена неправда и восторжествуетъ истина. Въ противномъ случаѣ, никакія сдѣлки, никакія простыя расположенія къ миру безъ борьбы не приведутъ къ цѣли, потому что всякое самое ложное убѣжденіе имѣетъ за себя извѣстные доводы, на которыхъ оно и опирается. Только тогда можетъ быть уничтожено заблужденіе, когда будутъ разрушены самыя основы его существованія. Константинъ поступилъ въ данномъ случаѣ какъ судья свѣтскій. Нѣтъ ничего легче какъ положить конецъ возникшему спору, поставивъ на видъ его ничтожность сказавъ, что спорить „не изъ чего," что спорящимъ надо сдѣлать другъ другу уступки и войти въ полюбовное соглашеніе съ сохраненіемъ чести и пользы каждаго. Но выигрываетъ ли отъ этого истина, искореняется ли зло въ его основѣ, возстановляется ли въ дѣйствительности нарушенный миръ церкви? Ничего подобнаго очевидно не достигается.

---

*) De vita Constantini 2, 69 (у Миня).

То ложное положеніе въ которомъ находилась при Константинѣ государственная власть относительно церкви, ставило, какъ сейчасъ увидимъ, и самого императора въ противорѣчіе съ тѣми его принципами, во имя которыхъ онъ такъ хорошо началъ свою дѣятельность на благо церкви. Для подтвержденія этого положенія, сравнимъ начало церковной дѣятельности Константина съ ея концомъ. Въ первое время Константинъ показавъ себя гуманнымъ проповѣдникомъ началъ религіозной свободы, когда издалъ эдиктъ о вѣротерпимости (312 г.) и во время споровъ съ донатистами и аріанами повидимому дѣйствовалъ въ идеяхъ пользы господствующей церкви. Такъ напр. онъ созываетъ соборы сначала для примиренія православныхъ съ донатистами, за тѣмъ противъ Арія, а по его осужденіи, подвергаетъ его изгнанію, его еретическія сочиненія повелѣваетъ сжечь и даже грозитъ смертію тѣмъ, кто будетъ сопротивляться этой мѣрѣ *), облагаетъ далѣе особымъ государственнымъ налогомъ послѣдователей Арія, съ каждаго противъ десяти православныхъ **), а закономъ 326 года возлагаетъ на еретиковъ большинство общественныхъ тяжестей ***); словомъ дѣйствуетъ въ видахъ государственнаго и церковнаго мира, нарушеннаго злокачественною ересью, нетерпимою въ обществѣ. Но наряду съ этимъ подвергаетъ заточенію Александрійскаго епископа Аѳанасія за то, что тотъ отказывается принять въ церковное общеніе, возвращеннаго изъ ссылки Арія, по происканъ его кліентовъ. Странно въ поведеніи Константина и то, что покровительствуя болѣе опасному для общественнаго спокойствія и церковнаго мира еретику, императоръ издаетъ строгія постановленія противъ менѣе злобныхъ и опасныхъ сектъ (Новаціанъ, Монтанистовъ, Маркіонитовъ) послѣдователямъ которыхъ запрещаетъ собираться для своего богослуженія въ публичныхъ мѣстахъ и частныхъ домахъ, подъ страхомъ конфискаціи ихъ мѣстъ со-

*) Цер. истор. Сократа 1, 9.
**) Ibid.
***) Cod. Theod. Lib. 16.

браній и уничтоженія ихъ книгъ *). Но не будемъ однако чрезмѣрно строги къ императору Константину; онъ не поступилъ бы такъ, если бы не поставилъ ошибочно государственную власть въ ложное положеніе къ церкви и не сдѣлалъ бы ея опекуномъ мірское царство.

Послѣдствія государственнаго вмѣшательства во внутреннія области христіанской церкви, со смертію Константина, обнаружились въ болѣе рѣзкой формѣ. Хотя между преемниками его было не мало благочестивыхъ государей, которые строго соблюдали интересы церкви, но, и ихъ дѣятельность на благо христіанства невсегда сопровождалась благопріятными результатами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть направляла свои заботы на внѣшнее благо церкви, ея дѣятельность являлась весьма плодотворною; но когда она выходила за границы и вступала въ несродную ей область внутренней церковной жизни, когда напр. императоры или ихъ уполномоченные, снабженные царскими инструкціями, являлись на соборахъ руководителями и главными заправителями религіозныхъ преній, то отъ такого вмѣшательства государства происходилъ положительный вредъ для церкви и вѣры. Были и такіе императоры, которые открыто покровительствовали партіямъ враждебнымъ церкви. Вслѣдствіе всего этого, какъ покажутъ факты, миръ церкви весьма часто былъ потрясаемъ какъ въ царствованіе благочестивыхъ императоровъ, такъ тѣмъ болѣе при враждебныхъ церкви государяхъ.

Изъ ближайшихъ преемниковъ Константина—сынъ его Констанцій въ началѣ своего царствованія дѣйствовалъ въ духѣ своего отца. Онъ заботился также объ искорененіи язычества, для чего закономъ 341 года велѣлъ запереть языческіе храмы и запретилъ приносить жертвы идоламъ **) Но, впослѣдствіи, этотъ достойный преемникъ Константина, увлеченный аріанскою партіею, сдѣлался явнымъ врагомъ церкви и

*) De vita Constant. 3, 64—66.

**) „Cesset superstitio, sacrificiorum adoleatur insania“ (подлинное выраженіе въ законѣ 341 г.) Ц. И. Гассе.

покровителемъ еретиковъ. Такъ онъ разослалъ по всей имперіи чиновниковъ съ грозными предписаніями къ епископамъ и гражданскимъ судьямъ: первымъ повелѣлъ принять въ церковное общеніе всѣхъ аріанъ; вѣрнымъ сынамъ церкви грозилъ за единодушіе съ православными епископами темницами, тѣлесными наказаніями и конфискаціею имуществъ. Гражданскіе судьи должны были слѣдить за точнымъ выполненіемъ этихъ предписаній. А племянникъ Константина Великаго,—Юліанъ хотѣлъ даже совершенно истребить и самую вѣру христіанскую. Чтобы снискать расположеніе народа и войска и особенно императора Констанція, онъ сначала исполнялъ всѣ обряды христіанскіе, конечно лицемѣрно, но вступивъ на престолъ онъ постепенно стремился признать язычество господствующею религіею. Чтобы подкопать единство церкви Юліанъ обѣщалъ терпимость всѣмъ сектамъ, и возвратилъ епископовъ, сосланныхъ при Констанціѣ *), но потомъ всѣми мѣрами старался возвысить язычество въ глазахъ народа, а христіанство унизить и словомъ и дѣломъ. Но этотъ искусственный полетъ, который онъ старался сообщить язычеству, не удался; къ жертвоприношеніямъ, которыя онъ устраивалъ и гдѣ самъ каждодневно принималъ дѣятельное участіе, не являлся никто и онъ вскорѣ погибъ въ сраженіи съ персами съ словами „tandem vicisti, Galilaee“. **).

Преемникъ Юліана Іовіанъ, въ короткое время своего царствованія успѣлъ возвратить христіанской церкви миръ и свободу. Онъ былъ ревностнымъ покровителемъ правъ церкви и христіанской религіи: онъ возстановилъ христіанскіе храмы, уничтоживъ языческія капища, возвратилъ духовенству ихъ прежнія нарушенныя Констанціемъ и Юліаномъ права но, къ сожалѣнію, скорая смерть прекратила полезную для церкви дѣятельность благочестиваго Іовіана. На мѣсто его вступилъ Валентиніанъ, который сдѣлалъ своимъ соправителемъ на востокѣ—Валента. Этотъ послѣдній явился не только покровителемъ аріанъ, но и открытымъ врагомъ

*) Церк. Ист Гассе стр. 103.
**) Ibidem.

православныхъ, которыхъ стремился насильственно склонить въ ересь. Въ четырнадцатилѣтнее его царствованіе (364—378 г.) церковь страдала не меньше, чѣмъ при языческихъ императорахъ. *) Вотъ сколько перемѣнъ и сколько колебаній пришлось испытать церкви въ такую быструю и частую смѣну царствованій, по смерти Константина. Повидимому церковь нѣсколько успокоилась въ правленіе благочестиваго императора Ѳеодосія Великаго. Истинное, непритворное благочестіе его поселило въ немъ любовь къ православной церкви, которая не оставляла его во все продолженіе пятнадцатилѣтняго царствованія. Любовь эта побуждала его употреблять все могущество своей царской власти къ возвышенію церкви Христовой, къ разширенію правъ и преимуществъ тѣхъ, кто былъ ея истиннымъ послѣдователемъ. По вступленіи на престолъ, дѣятельность Ѳеодосія главнымъ образомъ была направлена на конечное искорененіе язычества и противодѣйствіе еретикамъ, еще продолжавшимъ волновать церковь. Замѣтимъ, что хотя и были предпринимаемы предшественниками Ѳеодосія мѣры къ уничтоженію язычества, но они были не настолько рѣшительны и сильны, чтобы вырвать съ корнемъ это зло. Только Граціанъ первый изъ императоровъ положилъ начало энергическому противодѣйствію язычеству. Такъ, онъ отнялъ всѣ имѣнія, принадлежащія ихъ капищамъ, лишилъ жрецовъ всѣхъ привилегій, предоставивъ имъ право получать только движимыя имѣнія, отвергъ титло верховнаго жреца (pontifex maximus), которое было важнѣйшимъ преимуществомъ римскихъ императоровъ. При поднесеніи ему первосвященнической мантіи Граціанъ сказалъ, что такое украшеніе неприлично христіанину. **) Но Ѳеодосій пошелъ еще далѣе въ преслѣдованіи язычниковъ.

Первые законы Ѳеодосія Великаго направлены были противъ христіанъ, участвовавшихъ въ языческихъ празднествахъ. Они устроялись обыкновенно по поводу тѣхъ или другихъ политическихъ и гражданскихъ событій и отличались

*) Очерки исторіи Хр. церкви—Добронравина.

**) Codex Theodos. Lib. XVI. tit. 10. leg. 20. Sosomen. IV. 36.

языческимъ характеромъ, какъ граждане,—и христіане весьма нерѣдко не только являлись въ этихъ празднествахъ пассивными участниками, но и сами иногда устраивали ихъ, тѣмъ болѣе, что эти празднества не были запрещаемы закономъ. Но Ѳеодосій не могъ оставить безъ вниманія этого обстоятельства и закономъ запретилъ христіанамъ принимать какое бы то ни было участіе въ празднествахъ, совершенно несогласныхъ съ именемъ христіанина: „не прилично"—говорится въ эдиктѣ Императора, чтобы забота о храмахъ и религіозныхъ торжествахъ (языческихъ) предоставлена была тѣмъ людямъ, кои исповѣдуютъ истинную и божественную религію; не должно возлагать на себя такихъ дѣлъ, хотя бы они и не были запрещены закономъ." *) Сверхъ того изданы были многіе законы прямо направленные на пораженіе язычества. Такъ указомъ 391 года запрещалось входить въ языческіе храмы и приносить жертвы идоламъ: «никто да не оскверняется жертвоприношеніемъ, не умерщвляетъ невинныхъ животныхъ, не входитъ въ капища, не защищаетъ кумировъ, созданныхъ рукою человѣка, подъ страхомъ быть виновнымъ предъ закономъ божескимъ и человѣческимъ". **) Другимъ закономъ Ѳеодосій подвергаетъ строгому наказанію того, кто гадалъ о будущемъ по внутренностямъ животныхъ, кто для той же цѣли прибѣгалъ къ непозволительнымъ магическимъ дѣйствіямъ ***). Еще однимъ закономъ правители провинцій, посѣщавшіе капища, осуждались на уплату пени пятнадцати фунтовъ золота. Дабы означенный законъ имѣлъ свою силу, обязывались къ уплатѣ подобной суммы даже чиновники правителей, если они не препятствовали въ томъ своимъ [начальникамъ ****). Потомъ запрещены были подъ

*) Codex. Theod. Lib XII tit. 1. 112. Quippe indecorum est, imo ut verius dicamus, illicitum, ad eorum curam templa et templorum solennia pertinere. et cet.

**) Cod. Theod. lib XVI. tit 10 l 10. „Nemo se hostiis polluant, ne divinis atque humanis sanctionibus reus fiat".

***) Ibid. tit. A 10, 1, 7.

****) Ibid. 10 l. 11..., Judex quoque si quis tempore administrationis

строгимъ наказаніемъ, всѣ непозволительные языческіе обряды днемъ и ночью, въ храмахъ и внѣ храмовъ. Здѣсь разумѣлись преимущественно тѣ тайные соблазительные обряды язычества, которые запрещены были еще Константиномъ Великимъ. Вѣроятно язычники, по запрещеніи публичныхъ жертвоприношеній, прибѣгали къ этимъ обрядамъ, какъ послѣднему утѣшенію, тѣмъ болѣе, что такіе обряды совершались, большею частію, ночью, слѣдовательно, не такъ легко могли быть замѣчены зоркими чиновниками Ѳеодосія. Такое постепенное усиленіе наказаній противъ язычества, которое замѣчаемъ въ законахъ Ѳеодосія, заставляло ожидать, что оно законодателемъ будетъ доведено до послѣдняго предѣла тѣмъ болѣе, что выполненіе ихъ невсегда соотвѣтствовало воли императора. И дѣйствительно, въ 392 году Ѳеодосій издалъ строгій указъ, въ которомъ называя всякій родъ идолослуженія „преступленіемъ противъ величества“ (crimen laesae maiestatis) запрещалъ приносить языческія жертвы подъ угрозою смертной казни, а всякое другое совершеніе какого-либо языческаго обряда подъ опасеніемъ конфискаціи домовъ и земель, на коихъ оно совершалось. *) Такова была послѣдняя угрожающая мѣра Ѳеодосія къ искорененію язычества. Окончательнымъ актомъ его гоненія на язычество было повсюдное разрушеніе языческихъ храмовъ. На эту мѣру должно смотрѣть какъ на признакъ окончательнаго паденія языческой религіи на востокѣ: ибо съ этого времени она потеряла свою народность, а христіанство начало проникать во всѣ составныя части гражданской жизни. Языческіе законы, обряды, обычаи начали замѣняться христіанскими. Вотъ характеристика дѣятельности Ѳеодосія противъ язычества на востокѣ!

Посмотримъ на отношеніе Ѳеодосія къ внутреннимъ врагамъ церкви—еретикамъ. На этомъ пунктѣ дѣятельности въ пользу церкви, какъ увидимъ, не мало предстояло Ѳеодосію

---

suae, fretus privilegio petestatis. polluta loca sacrilegus temerator intraverit quindecim auri pondo, etc. etc.

*) Cod. Theod. Lib. XVI. 1. 12.

трудностей. Язычество, какъ самый гнусный обманъ, самое грубое и зловредное изувѣрство, какъ зло общечеловѣческое, не терпимое ни въ одномъ сколько нибудь просвѣщенномъ человѣческомъ союзѣ, носящее въ самомъ себѣ всѣ признаки разложенія, конечно было несравненно легче вырвать съ корнемъ, чѣмъ радикально излѣчить болѣзненные наросты на юной еще церкви Христовой. Притомъ, достойна вниманія и та степень развитія ересей, которой они достигли ко времени царствованія Ѳеодосія, благодаря слабому противодѣйствію, а не рѣдко и покровительству его предшественниковъ.

Увидѣвъ, по вступленіи на престолъ, на всемъ Востокѣ необъятное разногласіе и взаимную ожесточенную борьбу религіозныхъ мнѣній, центромъ которой былъ Константинополь, Ѳеодосій, уже наставленный въ православной вѣрѣ, рѣшилъ собственнымъ примѣромъ и авторитетомъ привести всѣхъ подданныхъ къ единству вѣры. Онъ издалъ декретъ такого содержанія: „мы желаемъ, что бы всѣ наши подданные послѣдовали тому исповѣданію, въ которомъ мы, согласно ученію Евангелія и Апостоловъ, признаемъ единое божество Отца и Сына и Св. Духа, въ равночестномъ величіи Св. Троицы; мы желаемъ, чтобы тѣ, которые будутъ сохранять эту вѣру, удержали за собой имя христіанъ каѳолическихъ, а прочіе, которыхъ мы почитаемъ безсмысленными, носили позорное названіе еретиковъ, чтобы мѣста собраній этихъ послѣднихъ не назывались церквами, а дальнѣйшее наказаніе ихъ предоставляемъ во первыхъ суду Божію, а потомъ—движенію нашего духа, какое будетъ дано намъ свыше*)". Въ послѣдствіи Ѳеодосій пытался также увѣщаніями расположить къ православію и другихъ упорнѣйшихъ еретиковъ въ его царствованіе—македоніанъ**). Эти еретики въ правленіе Валента, вслѣдствіе гоненій отъ господство-

*) Cod. Theod. XVI, 1. de fide Catholica.

**) Первый вышеупомянутый декретъ Ѳеодосія имѣлъ въ виду аріанъ, какъ видно изъ его содержанія.

вавшихъ тогда аріанъ *), искали въ то время союза съ православными. Для этого они обращались къ римскому епископу Ливерію, представили ему исповѣданіе вѣры и были дѣйствительно приняты имъ въ церковное общеніе **). Но по смерти Валента, когда прекратились гоненія, македоніане снова отпали отъ церкви, и даже постановили, ни подъ какимъ видомъ не сообщаться съ тѣми, которые принимаютъ никейскій символъ ***). Имѣя въ виду этотъ, хотя кратковременный и неискренній, союзъ съ православными, Ѳеодосій въ надеждѣ привесть ихъ къ единомыслію съ церковію созвалъ въ 381-мъ году вселенскій соборъ, на которомъ положено было, между прочимъ, произнесть и торжественный судъ надъ Македоніемъ. На соборѣ императоръ употребилъ всѣ средства убѣжденія, чтобы вразумить упорствовавшихъ въ своемъ заблужденіи. Онъ напоминалъ имъ между прочимъ и о посольствѣ ихъ къ Ливерію, и о томъ, что недавно сами они искали союза съ православными. Но надежда государя и всѣ старанія его оказались тщетными. Еретики оказались на столько упорными, что не хотѣли слушать ни истины, ни совѣтовъ и увѣщаній и наконецъ открыто объявили, что скорѣе признаютъ аріанское исповѣданіе, чѣмъ вѣру въ единосущіе Св. Троицы ****). Видя безуспѣшность кроткихъ мѣръ противъ еретиковъ Ѳеодосій тотчасъ послѣ собора константинопольскаго перемѣнилъ прежнее обращеніе съ ними. Прежде всего онъ публично объявилъ, что принимаетъ и вводитъ въ государство, какъ законъ, опредѣленія собора (константинопольскаго), которыми утверждалось неизмѣнно Никейское исповѣданіе и предавались анаѳемѣ всѣ его противники †), за тѣмъ повелѣлъ всѣ церкви, которыми овладѣли еретичествовавшіе епископы, возвратить православнымъ, при чемъ поименовалъ тѣхъ епископовъ, съ которыми

*) Созоменъ. VI. 10.
**) ibid. VI. 11.
***) Сократъ V. 4.
****) Сокр. V. 8.
†) Cod. Theod. XVI, 1. de fide Catholica.

единеніе въ вѣрѣ должно было служить для всѣхъ публичнымъ свидѣтельствомъ православія. Они поставлены во главѣ цѣлыхъ церковныхъ округовъ имперіи. Всѣ, несогласные съ ними въ исповѣданіи вѣры, епископы должны были лишиться своихъ мѣстъ *). Далѣе Ѳеодосій воспретилъ публичныя собранія еретиковъ, — повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ не давать имъ убѣжища для совершенія какихъ-либо религіозныхъ обрядовъ; уничтожилъ всѣ законы, которые до этого времени какимъ-либо образомъ благопріятствовали имъ **); изгналъ еретиковъ изъ всѣхъ городовъ, поставляя ихъ наравнѣ съ возмутителями общественнаго спокойствія ***); запретилъ имъ совершать богослуженіе и устроять для этого гдѣ бы то ни было ****) и какія бы то ни было мѣста †); а епископамъ ихъ поставлять новыхъ епископовъ и клириковъ, и даже носить эти имена †*). Впослѣдствіи къ этому прибавлены денежные штрафы за всякое еретическое рукоположеніе и съ рукополагающихъ и съ рукополагаемыхъ †**). Кромѣ того, манихеевъ и всѣхъ отступниковъ отъ христіанства Ѳеодосій лишилъ права судебнаго свидѣтельства, завѣщанія и наслѣдства; вообще эти послѣдніе теряли всѣ права гражданскихъ званій и состояній, не имѣя позволенія приписываться даже къ самымъ нисшимъ сословіямъ въ государствѣ. На гражданскія начальства возложена отвѣтственность за точное исполненіе всѣхъ этихъ постановленій †***). Таковы были жесткія мѣры, которыя изобрѣлъ Ѳеодосій противъ упорства еретиковъ. Но и они не принесли благихъ послѣдствій. Дѣло въ томъ, что эти мѣры не вездѣ были выполняемы такъ,

---

*) Cod. Theod. l. XVI. tit. 1. Сокр. V. гл. 7.

**) Сокр. V. гл. 8.

***) Cod. Theod. XVI. t. V. 1. 6—23.

****) ibid. XVI, V. 12.

†) ibid. XVI—V. 14.

†*) Episcoporum faciendorum, clericorum instituendorum non habeant potestatem; nomine destituti apellationem hujus dignitatis amittant ibid. XVI. V. 14.

†**) ibid V. 21.... decem auri libras fisco nostro inferre praecipimus...

†***) Cod. Theod. XVI. tit 7. Созом. 7, 6.

какъ того требовали законы Императора; потому что на самыхъ высшихъ степеняхъ государственной службы еретики имѣли своихъ тайныхъ приверженцевъ, да и самъ Ѳеодосій заботившійся болѣе о церковномъ возсоединеніи иномыслящихъ, нежели о юридическомъ раздѣленіи ихъ, въ своихъ указахъ, скажемъ словами Созомена, скорѣе устрашалъ еретиковъ, чѣмъ наказывалъ. Онъ никого изъ аріанъ не принуждалъ насильно къ оставленію ереси и принятію православія, оставляя Богу коснуться ихъ сердца своею благодатію *). Онъ даже обѣщалъ особенныя царскія милости тѣмъ, кто обратится на путь истины, хотя это и не нравилось многимъ православнымъ, которые боялись, чтобы снисходительность Императора къ еретикамъ не дала имъ повода усилиться при его преемникахъ. Изъ всего этого видно, что главная причина всѣхъ бѣдствій, которыя терпѣла церковь и при такихъ ревностныхъ для блага ея государей, какъ напр. Ѳеодосій, заключалась не столько въ самыхъ ересяхъ, не столько въ ослабленіи христіанскихъ нравовъ, сколько въ полномъ поглощеніи церковной жизни государствомъ, которое хотя, по временамъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей повидимому и дѣйствовало на благо церкви, но орудія и средства, которыми оно пользовалось для цѣли, отличались чуждымъ церкви характеромъ. Вліяніе государственной власти въ церкви было неправильно и неограниченно. Она то внесла въ церковь свой духъ, т. е. духъ міра, со всѣми его слабостями, страстями, цѣлями... Но, обратимся снова къ дѣятельности Ѳеодосія и посмотримъ какихъ результатовъ достигъ онъ для церкви своими крайними и непослѣдовательными мѣрами противъ еретиковъ. Дѣйствуя въ началѣ слишкомъ слабо и нерѣшительно, Ѳеодосій давалъ только поводъ къ возрастанію упорства еретиковъ, а не къ пресѣченію ихъ злокачественной пропаганды, предписывая слишкомъ строгія мѣры, послѣ неудачнаго примѣненія кроткихъ, онъ только ожесточалъ, но не вразумлялъ еретиковъ. Первое подтверждается поведеніемъ еретиковъ на соборѣ 381-го года, гдѣ, какъ мы

*) Созоменъ кн. VII. гл. 12.

знаемъ, никакія просьбы и убѣжденія императора не могли склонить ихъ къ православію. А второе доказывается изъ слѣдующаго факта. Какъ только были объявлены Ѳеодосіемъ строгія мѣры противъ еретиковъ, то они, приписывая это дѣйствію Григорія Богослова и желая отомстить ему, едва не умертвили его чрезъ одного аріанскаго юношу *). Буйство и ожесточеніе еретиковъ, не встрѣчавшихъ никакихъ твердыхъ преградъ своему упорству и фанатическому ослѣпленію, дошло наконецъ до того, что послѣ 383 года, когда самъ императоръ безъ успѣха велъ съ ними догматическія пренія, православные пастыри сами обратились къ свѣтской власти съ просьбою о содѣйствіи православію и миру церкви внѣшними гражданскими мѣрами. Такъ, Григорій Богословъ обращался съ своими представленіями къ императору Ѳеодосію, чрезъ посредство Патріарха Константинопольскаго Нектарія. Св. Григорій хотѣлъ внушить государю, чтобы онъ обратилъ свое вниманіе на аріанъ, евдоксіанъ, македоніанъ и аполлинаристовъ, вопреки собственнымъ распоряженіямъ государя, нарушавшимъ права церкви въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи. Они открыто проповѣдывали свои лжеученія и устрояли свои молитвенныя собранія въ Каппадокіи, гдѣ жилъ Св. Григорій, по удаленіи изъ Константинополя. Въ той же Каппадокіи находился въ ссылкѣ Евномій, который, по выраженію Григорія, старался всѣхъ привлечь къ своему лжеученію. По сему случаю великій пастырь, незадолго предъ тѣмъ возстановившій православіе въ стѣнахъ столицы, писалъ къ Нектарію: „если нечестиво умствующіе имѣютъ право имѣть свои собранія, да разсудитъ твоя испытанная во Христѣ мудрость, что, когда мы несогласны съ ними въ образѣ мыслей дать имъ право имѣть свои собранія, значитъ не иное что, какъ признать, что ихъ ученіе истиннѣе нашего. Ибо, если дозволяется имъ, какъ благочестивымъ, учить сообразно съ ихъ образомъ мыслей и свободно проповѣдывать содержимое ими ученіе, то не явно ли симъ осуждается ученіе церкви, какъ будто истина на ихъ

*) Твор. Св. Отцевъ за 1843 годъ.

сторонѣ? Не естественно быть истинными двумъ противнымъ ученіямъ объ одномъ и томъ же. Какъ же твой великодаровитый и высокій умъ потерпѣлъ, чтобы не воспользоваться обычною свободою къ увращеванію такого зла? Но если прежде не было сдѣлано сего, по крайней мѣрѣ теперь да возстанетъ твое неукорпзненное въ добродѣтели совершенство и внушитъ благочестивѣйшему царю, что не будетъ никакой пользы отъ всей заботливости его о церкви, если такое зло, стремящееся къ ниспроверженію здравой вѣры, усилится по причинѣ данной имъ свободы *).“ Подобнымъ образомъ цѣлый соборъ африканской церкви обращался къ императору Гонорію съ прошеніемъ о помощи противъ донатистовъ. Отцы собора карѳагенскаго 404 года, отправляя къ императору посольство, повелѣли своимъ посланнымъ просить у него: а) противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ дати божественную помощь, не необычайную,—говорятъ отцы, и не чуждую Святымъ Писаніямъ; б) возобновить и подтвердить противъ нихъ нѣкоторые, прежде данные, законы **); в) повелѣть, чтобы даваема была (православнымъ предстоятелямъ церквей) помощь отъ власти каждыя области ***). На-

---

*) Къ Нектарію посланіе 2. Твор. Григ. Богосл. въ русск. перев. ч. IV, стр. 193.

**) Именно: α) „да соблюдается законъ, изданный Ѳеодосіемъ о взысканіи по десяти фунтовъ золота съ еретиковъ рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, такожде и съ владѣльцевъ, у которыхъ будетъ усмотрѣно собраніе ихъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ отцы просятъ, чтобы сила сего закона была распространена на тѣхъ „противу навѣтовъ коихъ представили свидѣтельства пріявшіе попеченіе о каѳолической церкви, дабы по крайней мѣрѣ симъ страхомъ отъ произведенія расколовъ и еретическаго безумія удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе при помышленіи о вѣчномъ наказаніи; β) да будетъ возобновленъ донынѣ существующій законъ, который отъемлетъ у еретиковъ право взимати что-либо, или при рукоположеніяхъ, или по завѣщаніямъ, и, просто рещи, у ослѣпленныхъ безумныхъ своимъ предубѣжденіемъ и хотящихъ пребывати въ заблужденіи донатистовъ, да отъемлется власть или оставляти что-либо, или взимати собственное“. *Книга правилъ, Карѳагенъ. Соб. пр. 104.*

***) ibidem.

конецъ укажемъ еще на посланіе папы Ормизды къ императору Іустину I-му, возстановившему православіе въ Константинополѣ послѣ Анастасія. Побуждая Іустина къ совершенному искорененію ереси евтихіевой, папа писалъ: „сдѣлай такъ, чтобы врагъ не имѣлъ убѣжища, изъ котораго бы могъ снова возстать; отними у него всякую защиту, и если даже остаются какіе-нибудь слѣды его, все сіе изгладь кроткими мѣрами; да потребится всякое сѣмя нечестія; богопротивный стволъ да истребится, дабы зараженный ядомъ корень нечестія и несовершенно потребленный, не разширился снова и не пустилъ отпрысковъ.“ *)

Выше было замѣчено, что крайне строгія мѣры, къ которымъ прибѣгалъ Ѳеодосій для обузданія еретиковъ, не приносили пользы для церкви, да и вообще всѣ мѣры свѣтской власти, какія употребляли и послѣдующіе императоры, не искореняли зла, а развѣ только временно утоляли его. Какъ же теперь согласить указанныя нами обращенія къ свѣтской власти пастырей церквей? Не проглядываетъ ли, на самомъ дѣлѣ, въ этихъ обращеніяхъ, несвойственныхъ духу истинной церкви: мстительность, раздражительность и нетерпимость? Съ другой стороны не необходимо ли было въ дѣйствительности для блага и мира церкви вмѣшательство въ ея внутреннюю область свѣтскаго охранительнаго начала.

Несправедливо было бы подозрѣвать въ древней церкви духъ мстительности, раздражительности и нетерпимости, потому что, какъ увидимъ изъ фактовъ, церковь дѣйствовала всегда относительно своихъ враговъ въ духѣ примирительномъ, съ кротостію и снисходительностію и даже возставала противъ крутыхъ и слишкомъ жестокихъ мѣръ свѣтской власти, доказывая всю ихъ безплодность и несоотвѣтствіе съ духомъ христіанской церкви. До какой степени церковь была чужда мстительности это видно изъ того, что когда нѣкоторые еретики, не покоряясь духовному суду, апеллировали къ царской власти, и эта власть намѣревалась пре-

*) Epist. XLIV, ad Iustinum. Приб. къ Твор. Свят. Отцовъ часть 18.

дать ихъ гражданскимъ казнямъ, какъ напр. въ Испаніи при императорѣ западномъ Максимѣ, то православные епископы напр. Мартинъ Турскій и другіе умоляли императора не проливать кровь виновныхъ, представляя ему, что въ дѣлѣ вѣры довольно, если они признаны церковію еретиками и отлучены отъ христіанскаго общества, что и нѣтъ основанія такое дѣло подвергать суду гражданскому. Прекрасно разсуждалъ объ этомъ предметѣ блаж. Августинъ въ письмѣ къ проконсулу Апрингію. „Мы помнимъ, писалъ онъ, слова Апостола, который говоритъ о васъ, что вы не безъ ума мечъ носите, что вы служители Бога для казни злодѣевъ; но иное—дѣло государства, иное—дѣло церкви. Государство хочетъ и имѣетъ надобность быть страшнымъ; а церковь должна отличаться милосердіемъ. Если бы я теперь имѣлъ дѣло съ судьею—нехристіанскимъ, я не говорилъ бы съ нимъ такимъ образомъ; однакожъ изъ за этого я не оставилъ бы дѣло церкви, и если бы онъ захотѣлъ меня выслушать, я бы объяснилъ ему, что страданія христіанъ должны быть образцами терпѣнія, что ихъ слава не должна омрачаться кровью ихъ враговъ, и если бы онъ не сдался на мои убѣжденія, то я заподозрилъ бы его въ ненависти къ религіи. Съ тобою—дѣло другое. Если, съ одной стороны, ты облеченъ высокою властію, то съ другой—ты чадо христіанскаго благочестія. У насъ обоихъ дѣло одно, общее; но ты можешь сдѣлать то, чего я не могу. Будемъ-же вмѣстѣ разсуждать и дѣлать и ты подай мнѣ помощь. Дѣло дошло до того, что враги церкви (донатисты), усиливающіеся увлекать невѣжественныхъ людей видомъ мнимыхъ гоненій, которыми даже тщеславятся, сами признаются въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ противъ православныхъ священнослужителей. Нужно будетъ публиковать судебные акты, чтобы вразумить и исправить тѣхъ, которыхъ эти враги смутили. Неужели вы захотите, чтобы мы не рѣшились публиковать эти акты вполнѣ, какъ скоро они будутъ содержать въ себѣ кровавыя казни этихъ несчастныхъ и чтобы міръ заподозрѣлъ пострадавшихъ (православныхъ отъ еретиковъ) въ желаніи воздать зломъ за

зло *). Если проконсулъ, писалъ еще Августинъ Марцеллину, хочетъ настоять на своемъ намѣреніи—казнить донатистовъ смертію, то по крайней мѣрѣ внесите въ акты тѣ письма, которыя писалъ я къ вамъ обоимъ по этому дѣлу. Если и этого не хотите, то держите виновныхъ въ темницахъ, а мы возмемъ на себя обратиться къ милосердію царей и убѣдить ихъ, чтобы страданія служителей Божіихъ не были обезславлены кровію враговъ ихъ**). Такія прекрасныя мысли блаж. Августина какъ нельзя бомѣе выражаютъ духъ и направленіе всей церкви того времени. Можно ли послѣ того думать, чтобы ей ствойственны были враждебныя начала. До какой степени простиралась терпимость и снисходительность церкви къ падшимъ ея членамъ это подтверждается наконецъ тѣми уступками (не въ ученіи вѣры), которыя она дѣлала еретикамъ съ цѣлію возсоединенія ихъ съ обществомъ православныхъ. Такъ на II вселенскомъ соборѣ, церковь признала крещеніе Аріанъ (кромѣ Евноміанъ, крестившихъ у себя однократнымъ погруженіемъ въ воду), Македоніанъ, Аполлинаристовъ и нѣкоторыхъ другихъ***), первый вселенскій соборъ призналъ іерархію Новаціанъ****). Конечно, всѣ эти уступки дѣлались въ видѣ условій для обращенія въ православіе, но не потому чтобы допускалось или совершенная истинность аріанскаго крещенія, или полная самостоятельность іерархіи Новаціанъ внѣ истинной церкви.

На вопросъ о томъ, нужны ли были для церкви принудительныя мѣры государства противъ еретиковъ и, вообще, всѣхъ возмутителей церковнаго мира, должно отвѣчать утвердительно, но, подъ условіемъ, чтобы содѣйствіе государства было только тогда, когда того требовала церковь—въ рѣшительныя ея минуты, во вторыхъ чтобы содѣйствіе не переходило въ вмѣшательство, т. е. чтобы государство не господствовало въ церковной области, какъ въ области госу-

---

*) Augustini. t 9. Epist. 134. Христ. чтен. за 1865 г.

**) Epist. 139.

***) II Всел. соб. пр. 7. См. книга правилъ.

****) I Всел. соб. пр. 8. ibid.

дарственной, наконецъ чтобы вліяніе государства на церковь не подчинялось личному произволу отдѣльныхъ его представителей; словомъ государство, принимающее участіе въ дѣлахъ религіозныхъ и церковныхъ, должно дѣйствовать сообразно съ принципами церковными и до времени не вынимать своего меча, а предоставляло первенство мечу духовному. Безъ настоятельной нужды, безъ гнетущей крайности, церковь, во внутренней своей жизни, можетъ обойтись безъ всякаго, не только вмѣшательства, но и содѣйствія государства. Она живетъ своею собственною силою,—силою вѣры, силою духа, силою дѣятельной жизни, силою единства правъ и свободы. Эта ея внутренняя духовная сила неистощима и несокрушима. Церковь сама въ себѣ самостоятельна и независима въ своей внутренней жизни, въ своихъ священныхъ правахъ. Поэтому всякое стороннее вторженіе въ эту область есть насиліе, посягательство на священныя права церкви. Благодаря этому могуществу, церковь сама можетъ ограждать и ограждала своихъ членовъ отъ пагубныхъ лжеученій, измышляемыхъ и проповѣдуемыхъ еретиками и очень часто собственными средствами привлекала въ свои нѣдра самихъ виновниковъ лжеученій и увлекающихся ими. Своею духовною властію она исключаетъ упорныхъ и закоснѣлыхъ въ заблужденіи изъ своего общества, и лишаетъ тѣхъ благъ духовныхъ, какими имѣютъ право пользоваться ея вѣрные члены, и тою же властію снова принимаетъ падшихъ въ свое общеніе, когда они придутъ въ сознаніе своихъ заблужденій и искренно пожелаютъ соединиться съ церковію. Словомъ и писаніями пастырей и учителей церковь православная всѣмъ ясно доказываетъ и предъ всѣми побѣдоносно защищаетъ непогрѣшимую истину своего ученія, законность и необходимость существующихъ въ ней установленій. Словомъ и писаніями пастырей и учителей она предъ всѣми обличаетъ неосновательность и лживость ученія, проповѣдуемыхъ еретиками, утверждаетъ въ вѣрѣ вѣрующихъ и призываетъ къ ней заблуждающихся. Безъ этихъ средствъ, какія употребляетъ сама церковь для охраненія вѣры и защищенія своихъ членовъ отъ еретиковъ, никогда не могутъ быть дѣйстви-

тельны никакія самыя строгія и энергичныя мѣры государства. Какъ внѣшнія, онѣ и должны производить дѣйствіе только внѣшнее, которыми никакъ не можетъ удовлетвориться церковь; такъ какъ эти мѣры отличаются насиліемъ и жестокостію. Но въ соединеніи съ собственными мѣрами церкви нерѣдко бываютъ необходимы и внѣшнія мѣры. Одни собственныя усилія церкви не всегда могутъ быть дѣйствительны противъ людей, руководящихся въ своей дѣятельности побужденіями вражды, честолюбія, властолюбія, и вообще силою страстей разрушительныхъ, противъ людей ослѣпленныхъ до упорства и ожесточенія и отвращающихъ свой слухъ отъ истины. Такіе люди, не внимающіе поучающему и обличающему голосу церкви, а совращающіе другихъ въ свои заблужденія, могутъ быть останавливаемы только внѣшними мѣрами—принудительными.

Въ виду подобной крайности и Византійская церковь обратилась за содѣйствіемъ къ государственной власти. Со стороны церкви, въ данномъ случаѣ, не было нетерпимости, или преднамѣреннаго преслѣдованія иномыслящихъ, но все, чего домогались ея представители предъ свѣтскою властію, заключалось только въ томъ, что бы эта власть обуздывала дерзость и наглость еретиковъ, публично оскорблявшихъ православіе, не позволяла имъ возмущать лицъ христіанскаго общества и не допускала уравненія свободы и правъ ихъ скопищъ съ церковію, къ уничтоженію ея, къ ущербу благосостоянія и стѣсненію свободы ея дѣйствій.

Разсматривая дѣятельность Императора Θеодосія противъ враговъ вѣры и церкви, мы не въ правѣ умалчивать о его заслугахъ, оказанныхъ церкви узаконеніями касающимися церковнаго благочинія. Въ однихъ изъ нихъ мы видимъ глубокое благоговѣніе его къ священнымъ христіанскимъ временамъ и мѣстамъ, въ другихъ уваженіе къ пастырямъ церкви, а въ остальныхъ мудраго политика, который борется съ предразсудками и развращеніемъ своего вѣка.

Къ первой категоріи относятся узаконенія: а) *) запре-

*) Codex. Theod. t. 5 ‹de spectaculis› lex. 1. 2.

щающія въ воскресный день игры и зрѣлища; а также производство уголовныхъ дѣлъ во время великаго поста *). б) Уважая Св. Храмы, Ѳеодосій предоставилъ имъ „право убѣжища“; доказательствомъ чего служатъ, между прочимъ, случаи съ дѣтьми Евгенія и Абрагаста, которые, послѣ несчастной кончины своихъ родителей, удалились въ храмъ, гдѣ и спасли свою жизнь. Язычникъ Симмахъ, которому за оскорбленіе величества грозила казнь, благодаря убѣжищу въ христіанскомъ храмѣ и ходатайству римскаго епископа Леонида предъ Императоромъ Ѳеодосіемъ, былъ избавленъ отъ наказанія **). в) Духовенству также были даны извѣстныя права, какъ-то: право собственнаго суда и расправы. „Мы, говоритъ Ѳеодосій, поставляемъ навсегда закономъ, чтобы имя епископовъ, или тѣхъ, которые служатъ нуждамъ церкви, не безчестилось по судамъ обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ судей: они имѣютъ своихъ судей и касательно дѣлъ церковныхъ, кои должна рѣшать епископская власть“***).

Наконецъ упомянемъ еще о законахъ Ѳеодосія, въ которыхъ онъ борется съ развращеніемъ своего вѣка. Такъ онъ назначаетъ смертную казнь за противоестественные пороки ****), воспрещаетъ бракъ между двоюродными братьями и двоюродными сестрами, а также бракъ дяди съ племянницею. Должность діакониссы сдѣлалась предметомъ соблазна въ царствованіе Ѳеодосія: ее часто принимали юныя дѣвы и вдовы цвѣтущихъ лѣтъ, не укрѣпленныя въ добродѣтели, отъ чего онѣ не рѣдко впадали въ развратъ, и тѣмъ подавали поводъ къ нареканію на нравы христіанъ. Императоръ далъ строгое повелѣніе испытывать благочестіе и поведеніе лицъ женскаго пола, желающихъ поступить въ должность діакониссы; а чтобы навсегда положить конецъ соблазну, онъ велѣлъ не принимать никакую вдову въ число діакониссъ, если ей не будетъ 60 лѣтъ †).

---

*) Исторія Восточно-Римской имперіи Ершова.

**) Памятники Христ. древностей Вѣтринскаго, томъ 1 стр. 68.

***) Памятники Хр. древ. Вѣтринскаго т. 1 стр. 308—310.

****) Cod. Theod. L. IX; 22.

†) Cod. Theod. XVI, t. 11, lex. 27.

Такова была дѣятельность Ѳеодосія по отношенію къ благоустройству и церковному благочинію. Безспорно оно составляетъ важную заслугу Императора, но, не относясь лично къ Ѳеодосію, нельзя уже не видѣть въ этой дѣятельности, насколько государство захватило въ свои руки церковь, которая невольно отъ такой опеки должна была лишиться своей самостоятельности и подчиниться постепенно развивающемуся деспотизму гражданской власти въ духовныхъ дѣлахъ.

Смертію Ѳеодосія Великаго оканчивается и IV вѣкъ. Отношенія Византійскихъ императоровъ этого времени къ церкви послужили образцомъ развитія и послѣдующихъ отношеній всѣхъ императоровъ Востока къ церкви, какъ съ хорошихъ своихъ сторонъ, такъ равно и съ дурныхъ. Въ IV в. возникли и получили первое развитіе тѣ начала, которыя впослѣдствіи легли въ основу цезаре-папизма. Эти начала уже при самомъ возникновеніи своемъ и первомъ приложеніи на практикѣ успѣли оставить по себѣ слѣды и положили извѣстный отпечатокъ на церковную жизнь IV вѣка. Хотя и принято называть это время-цвѣтущимъ періодомъ церкви, но при внимательномъ изслѣдованіи его, внутренее состояніе церкви представляется далеко не цвѣтущимъ. Церковь IV в. потеряла часть того, что составляетъ ея душу, ея силу и внутреннее содержаніе,—она лишилась значительной доли своей самостоятельности и независимости. Можно безъ преувеличенія сказать что въ періодъ гоненій, когда церковь много терпѣла отъ гнета варварскаго населенія, ея внутреннее бытіе не было такъ потрясено; какъ въ данное время. Тогда потоками лилась кровь христіанъ; ихъ внѣшнія страданія были невыразимы; церковь не имѣла не только благолѣпія, но и благоприличнаго вида; но за то внутренняя сила христіанскаго духа была неистощима и несокрушима; исповѣданіе вѣры едино и нераздѣльно; нравственная жизнь чиста и возвышена, единодушіе неразрывно. Теперь же (въ IV в.) церковь хотя и получила благолѣпную внѣшнюю обстановку, но, благодаря начавшемуся сліянію съ государствомъ, разстроила внутреннюю свою жизнь. Мѣсто прежъ-

няго единства заняло необъятное раздѣленіе, раздробленіе, разложеніе вѣры; нравственная жизнь христіанства усвоила характеръ мірской; страсти человѣческія проникли внутрь церкви и въ самые высшіе составы ея организма. Благодаря этому въ высшей власти церкви явились раболѣпство и трусливость предъ высшимъ гражданскимъ начальствомъ; въ іерархіи внѣдрился злобный духъ интригъ къ взаимному вреду ея членовъ; она стала увлекаться благосклонностію мірской власти, близостію ко двору, связями съ аристократіею, богатствомъ. Дѣла вѣры и совѣсти перестали быть исключительно духовными, а, перепутавшись съ гражданскими, сдѣлались государственными; а что всего ужаснѣе, личный характеръ предержащей власти пріобрѣлъ вліяніе на самую догматическую сторону церкви. Вотъ какъ описываетъ состояніе церкви въ IV в. Василій Великій въ своихъ письмахъ къ западнымъ епископамъ: „Наши бѣдствія извѣстны, пишетъ онъ, хотя бы мы и не говорили о нихъ, потому что ими оглашена уже цѣлая вселенная.... Догматы благочестія извращены, уставы церкви нарушены.... Пренебрегаются ученія отцовъ, уничтожаются Апостольскія преданія; въ церквахъ получаютъ силу изобрѣтенія нововводителей; люди только хитрословятъ, а не богословствуютъ; мірская мудрость беретъ первенство отринувъ похвалу креста: любоначаліе людей, не боящихся Господа, бросается на начальственныя должности и предсѣдательство въявь уже предлагается въ награду за нечестіе: почему, кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе другихъ избирается на епископство, въ народѣ исчезла сановитость священническая; мало людей, пасущихъ стадо Господне, разумно.... Погибъ праведный судъ, всякій ходитъ по волѣ сердца своего.... Сверхъ этого невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣденіе проливается въ души, потому что злонамѣренно искажающіе ученіе поддѣлываются подъ истину. Одна нынѣ вина, за которую жестоко наказываютъ,— точное соблюденіе отеческихъ преданій. За это благочестивыхъ изгоняютъ изъ отечества и переселяютъ въ пустыни... Вообще, заключаетъ одно изъ своихъ писемъ Св. Василій,

состояніе церкви походитъ уже на старую одежду, которая при всякомъ случаѣ легко рвется и не можетъ опять придти въ первоначальную свою твердость“ *). Таковъ отзывъ современника о состояніи церкви въ славный IV вѣкъ! Да, на Востокѣ церковь, непоколебимая въ ученіи вѣры, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ начала падать съ этого времени. Государство, захвативъ въ свои объятія церковь, падая нравственно, увлекало ее къ паденію. Таковъ результатъ отношеній между церковію и государствомъ въ разсмотрѣный періодъ.

Петръ Срѣтенскій.

(Продолженіе будетъ).

*) Выдержка изъ 86, 88, 235 и 109 писемъ Василія Великаго. См. Твор. св. Отцевъ ч. 6 и 7 а также Хр. Чтеніе за 1865 г.

ОЧЕРКИ
СЕМЕЙНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКАГО НАРОДА.

(Продолженіе).

При развитіи въ народѣ идей, прямо противоположныхъ понятіямъ, свойственнымъ эпохѣ гетеризма, особенное значеніе получаетъ цѣломудріе дѣвушки. Нравственнымъ долгомъ дѣвушки считается сдерживаніе своихъ чувственныхъ влеченій. Та, которая не сдерживаетъ ихъ,—„*гулевая, непостоянная* дѣвка.“ *) Наоборотъ, хранящая въ чистотѣ свое дѣвство, считается *честною* и пользуется общимъ уваженіемъ. Дѣвственность, по народному представленію, окружаетъ ее какъ бы ореоломъ. Нашъ языкъ самое слово *дѣва* сближаетъ съ глаголомъ *дивить*, а корень этихъ словъ, — *дів*, который въ санскритѣ значитъ *сіять, блистать, играть*. Во Владимірской губерніи, напр., слово дѣвица употребляется какъ почетное и вѣжливое названіе, которымъ честятъ себя даже старухи. „Древнѣйшія эпическія преданія, напр., въ Эддѣ, Нибелунгахъ, у насъ въ пѣснѣ о Дунаѣ, опредѣлительно высказываютъ то древнее убѣжденіе, что дѣвица, пока еще не знаетъ мужа, обладаетъ особенною силою, какъ физическою, такъ и нравственною: когда же отдается мужу, теряетъ эту силу.“ **) Такъ велико значеніе для дѣвушки ея

*) *Даль*. Словарь, I, стр. 361. Т. К. II, 109; VI, 147.

**) Письмо профес. *Буслаева*, къ авт. Ист. Рос. *Соловьева*, II, Доп. къ I т. стр. 39. *Буслаевъ*, Ист. очерки, I, 22 и сл. *Шульгинъ*, О состояніи женщины въ Россіи, стр. 40.

дѣвственнаго состоянія, что не безъ сопротивленія она должна отдаваться даже своему суженому (см. ниже). Такъ велика должна быть ея скромность при вступленіи въ бракъ, что напр. на Мезени, когда молодые поцѣлуются послѣ вѣнчанья, новобрачная тотчасъ же должна начинать голосить: „Насрамилъ ты меня, набезчестилъ, погубилъ ты мою дѣвью красоту.“ *).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвушка, имѣющая ребенка, не находитъ себѣ жениха. **) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московск. губерніи парни избѣгаютъ браковъ съ дѣвушками, не сохранившими дѣвства. Пѣсня поэтому не совѣтуетъ молодцу ходить къ дѣвушкѣ, а то пройдетъ худая слава, и никто дѣвушку замужъ не возьметъ. ***)

Въ Виленской губ. у крестьянъ дѣвственность „считается чѣмъ-то священнымъ. Невинная дѣвушка, вошедшая въ домъ мужа, приноситъ съ собой благословеніе Господне. Ее уважаютъ, и во все время свадьбы она дѣлается предметомъ общаго особеннаго подобострастія; въ ея невинности видятъ залогъ благоденствія и счастья.“ ****) Своею невинностью молодая, по пѣснѣ, краситъ два двора — свекровъ и отеческій. †) Честь невѣсты — честь рода. †*) Есть обычай — жениху ходить къ родителямъ невѣсты съ благодарностью что новобрачная оказалась въ *добромъ здоровьи.* Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняютъ окровавленную рубашку новобрачной. Наоборотъ, родители молодой, не сохранившей до брака невинности, особенно мать, которая, какъ говорится въ Арханг. губ., „не могла сберечь свое дитя отъ постыдства,“ также иногда сама молодая подвергается насмѣшкамъ и посрамленію (см. ниже). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

---

*) *Максимовъ.* Годъ на Сѣв. стр. 508—509.
**) *Якушкинъ.* Об. пр. с. IX.
***) *Терещ.* Б. Р. Н. IV, стр. 324.
****) Этнограф. Сборн. III, 149.
†) *Шейнъ.* Бѣлорус. пѣсни, стр. 310.
†*) *Терещ.* II, 592.

такая жена и въ мужниномъ домѣ подвергается преслѣдованію со стороны мужа, насмѣшкамъ и поруганіямъ со стороны домашнихъ, особенно со стороны свекрови и сестеръ мужа. *) Требованіе на свадьбѣ отъ невѣсты дѣвственности имѣетъ въ своемъ основаніи интересы высшаго нравственнаго порядка, предположеніе вполнѣ личнаго характера супружескихъ отношеній; оно вызвано стремленіемъ народа противодѣйствовать безразличному смѣшенію половъ и свободѣ внѣбрачныхъ связей, и потому такое требованіе не обусловлено желаніями и волей супруга. Общество считаетъ себя въ правѣ само свидѣтельствовать цѣломудріе новобрачной, и сообразно съ результатами такого свидѣтельствованія выражать новобрачной и ея родителямъ свое одобреніе или порицаніе. Освидѣтельствованіе на свадьбѣ цѣломудрія новобрачной народъ называетъ „законными обрядами.“ **) Напр. въ Подольской губ. нецѣломудренность молодой не можетъ быть скрыта: знаковъ дѣвственности на другой день ищутъ свахи и, что окажется, сообщаютъ свадебнымъ гостямъ, чтобы тѣ знали, заслуживаетъ молодая и ея родители хвалы и поздравленій, или, напротивъ, посрамленія и насмѣшекъ. Еслибы молодой захотѣлъ защитить новобрачную, объясняя, что онъ не имѣлъ съ нею сношенія, то его не выпустятъ изъ спальной до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своей обязанности. ***) Замѣтимъ здѣсь, что у Болгаръ, еслибы случилось, что молодой не могъ исполнить свою обязанность по физическому безсилію, то его подкрѣпляютъ какимъ-нибудь зельемъ и принуждаютъ все-таки совершить совокупленіе. ****) Въ Малороссіи на свадьбѣ наряду съ „вильцемъ“ невѣсты — символъ дѣвственнаго состоянія послѣдней—является и „вильце“ жениха—несомнѣнно съ такимъ же значеніемъ. †)

---

*) Этногр. Сборн. III, стр. 150. Т. К. V, 14.

**) Т. К. V, 440.

***) Подол. губ. вѣд. 1869 г. № 26.

****) *Майковъ*. Юридич. бытъ Болгаръ (по *Богишичу*), стр. 12.

†) Пам. кн. Черниг. губ. 1862. стр. 259—265.

Противъ всякихъ остатковъ первобытнаго смѣшенія половъ въ древней Россіи постоянно возставало духовенство. Такъ, Ярилово празднество, отличавшееся особенною свободою отношеній между полами, было уничтожено въ Твери, ревностью архіепископовъ Меѳодія и Амвросія, а въ Воронежѣ то же совершено преосв. Тихономъ. *) Также духовенство возставало и противъ внѣбрачныхъ связей. Уже въ церковномъ уставѣ Ярослава содержится постановленіе: „аще у отца и матери, дщи дѣвкою дитяти добудетъ, обличивъ ю поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ." (ст. 4). Съ другой стороны уставъ Ярослава преслѣдуетъ насиліе надъ дѣвушкой (ст. 1 и 5). Позднѣе, священники не могли давать очистительной молитвы дѣвкѣ-родильницѣ, пока не получатъ *очистительной памяти* отъ поповскихъ старостъ, которымъ было поручено изслѣдованіе дѣлъ о внѣбрачныхъ рожденіяхъ. **).

Въ настоящее время въ народѣ почти повсемѣстно внѣбрачное сожительство считается дѣломъ предосудительнымъ, даже развратомъ. Взглядъ на этотъ предметъ впрочемъ не одинаковъ по мѣстностямъ. Въ Архангельской губерніи не принимается особыхъ мѣръ посрамленія въ отношеніи дѣвушки, родившей незаконно прижитаго ребенка. Но изъ-за возникающихъ въ семьѣ вслѣдствіе того неудовольствій, случается, что такая дѣвушка отлучается отъ родительскаго дома. Въ общежитіи же эта дѣвица, потерявшая *свою честь*, лишается дружбы другихъ женщинъ, не принимается и презирается во всѣхъ играхъ, увеселеніяхъ и гостьбѣ; она не имѣетъ права носить *повязки* (символъ дѣвственнаго состоянія). ***) Въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ губерніяхъ дѣвушка, виновная въ незаконной связи, теряетъ право убирать голову по дѣвичьи—въ одну косу—и плететъ волосы, *по общему приговору*, въ двѣ косы и безъ дѣвичьей повяз-

*) *Аѳанасьевъ.* Поэтич. воззр. I. 446.

**) *Снегиревъ.* Русск. въ своихъ послов. III, стр. 33.

***) *Ефименко.* Сборн. обыч. стр. 233.

ки; съ годами она повязываетъ голову платкомъ или покрываетъ ее *волосникомъ*. Такая дѣвушка называется *самокруткою*. *) Извѣстно, что помѣщики, при крѣпостномъ правѣ, въ посрамленіе провинившейся дѣвушки приказывали отрѣзывать косу. Посрамленіемъ потерявшей невинность дѣвушки или женщины, вступившей въ незаконную связь, считается также измазаніе воротъ дегтемъ и выбитіе окошекъ. **) Впрочемъ, такое посрамленіе въ настоящее время не имѣетъ характера публичнаго наказанія, а совершается всегда отдѣльными лицами. Въ Малороссіи въ употребленіи публичное посрамленіе за развратъ. Тамъ на дѣвушку, виновную въ *баловствѣ*, надѣваютъ соломенный хомутъ, подвязываютъ ей платье къ поясу соломенными веревками и т. п., и въ такомъ видѣ водятъ съ насмѣшками по селенію. ***) Дѣвушка, потерявшая невинность, должна покрыть голову платкомъ или очипкомъ (уборъ замужней женщины), при чемъ обычно коса не убирается подъ платокъ. ****) Такую дѣвушку клеймятъ названіемъ *покрытки*. Иногда, въ посрамленіе, покрывъ дѣвушку, водятъ ее по улицѣ въ такомъ видѣ. Въ Кіевск. уѣздѣ это дѣлается такимъ образомъ: провинившейся дѣвушкѣ распускаютъ косы и закрываютъ ей лице платкомъ, и въ такомъ видѣ два десятника водятъ ее по улицамъ подъ руки; при этомъ мальчики бьютъ въ коробки палками. †) Такое посрамленіе покрытокъ существуетъ и у Великороссовъ, напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Самарской губ. †*) Къ Великороссамъ этотъ обычай, вѣроятно, перешелъ отъ живущихъ по сосѣдству Малороссіянъ. Въ другихъ мѣстахъ провинившихся дѣвушекъ заставляютъ мести улицу, посылаютъ на общественныя работы, напр. копать канавы и т. д. †**). Вотъ еще любопытный народный

---

*) *Даль.* Словарь, стр. 121.
**) Т. К. I, 158, 227, 406; VI, 189, 478.
***) Т. К. V, 8, 16, 138; IV, 602.
****) *Даль.* Словарь, III, 225.
†) Т. К. V, 2, 161.
†*) Т. К. VI, 74, 96.
†**) Т. К. V, 5.

разсказъ о нѣкоторыхъ, пріуроченныхъ къ церкви способахъ наказанія въ Малороссіи за нецѣломудренную жизнь и за рожденіе ребенка внѣ брака. „Перше була куна въ притворі церковнимъ (въ бабанці), до которої припинались покрытки, поки вся служба одыйде. Се робылось въ шість неділь після родынъ, колы вона приходила на вводыны, після чого никто ії не емівъ укорять, а якъ хто укорить, то того выбьють.“ Куна — это скобка, прибитая къ стѣнѣ на шалнерѣ. Поднявъ скобку, клали руку и затѣмъ скобку запирали. „А теперь, продолжаетъ разсказъ, кунівъ нема, а якъ проступиться, то на колінахъ стоіть (якъ вона була безъ науки, якъ служила у жида, або у пана) и книжку въ рукахъ держить; а якъ хозяйка, то облазить три разы кругомъ церквы на колінахъ“ *). За незаконное сожительство подвергаютъ наказанію замужнихъ женщинъ (см. ниже) и вдовъ. Вотъ случай наказанія вдовы. Въ с. Познанкѣ Балтскаго уѣзда крестьяне, заподозрѣвъ вдову Оксану Верещиху въ незаконной связи съ сельскимъ писаремъ, раздѣли ее донага, заковали въ желѣзо и привязали къ столбу, у котораго она простояла всю ночь, до девяти часовъ утра. Они предложили ей купить ведро вина, хотя взяли уже ведро подъ залогъ ея платка и кожуха. Такъ какъ у нея не было денегъ, то присудили провести ее съ музыкой по улицѣ, въ сопровожденіи старосты и народа, и высѣчь розгами. По постановленіи такого приговора, толпа тронулась въ путь. Впереди шла музыка, вслѣдъ за нею Верещиха, потомъ староста и народъ. Осужденную семь разъ провели по улицѣ; въ это время ее били кулаками, сѣкли розгами и пили водку. Наконецъ Верещиху привели къ ея дому, снова избили ее и пустили на всѣ четыре стороны. Во время наказанія на голову Верещихи надѣли соломенный вѣнокъ съ будяками (репейникомъ) и заставляли ее танцовать **).

Какой взглядъ существуетъ въ Малороссіи, относительно

*) Ст. профессора *Кистяковскаго*: волостные суды, Тр. этнографическо-статист. экспедиціи въ зап. русск. край, т. VI, стр. 20.

**) Кіевлянинъ, 1870 г. № 131. *Якушкинъ*, Об. пр. стр. XL.

послѣдствій для лицъ, подвергшихъ дѣвушку посрамленію за предполагаемую незаконную связь, видно хорошо изъ слѣдующаго случая.

Трое казаковъ, въ посрамленіе подозрѣваемой въ такой связи дѣвушки, провели ее съ насмѣшками по хутору, подвязавъ ей платье къ поясу соломенными веревками. Дѣвушка принесла на нихъ жалобу волостному суду. Волостной судъ, имѣя въ виду, что ни подсудимые ничѣмъ не доказали незаконной связи жалобщицы и что ни она, ни лицо, съ которымъ ее подозрѣвали въ связи, въ проступкѣ своемъ не сознались, опредѣлилъ: „предоставить право жалобщицѣ обратиться, куда слѣдуетъ, для освидѣтельствованія ея цѣломудрія и, что по освидѣтельствованіи окажется, имѣетъ право принести жалобу". Нѣсколько времени спустя дѣвушка эта вышла замужъ, и ея братъ принесъ жалобу на нанесенное ей безчестье, такъ какъ она на брачномъ ложѣ оказалась „непорченною". Заявленіе жалобщика подтвердили бывшіе на свадьбѣ дружка, подружный и сельскій староста. Тогда только волостной судъ, имѣя въ виду „ручательство" свидѣтелей въ честности молодой, опредѣлилъ: подвергнуть подсудимыхъ наказанію *).

Въ дурной славѣ дѣвушка—„отцу и матери безчестье, роду-племени укоръ" **). Въ Малороссіи (Бердич. уѣзд.) на отца дѣвушки, виновной въ незаконномъ сожительствѣ, надѣваютъ хомутъ и водятъ его въ такомъ видѣ по селенію ***). Рѣшеніемъ одного волостнаго суда (Каменец. уѣзд.) отца за допущеніе своей дочери къ внѣбрачному сожительству, слѣдствіемъ котораго было прижитіе незаконнорожденнаго ребенка, опредѣлено подвергнуть наказанію розгами ****). Староста и крестьяне одного села жаловались мѣстному волостному суду (Кинеш. уѣзд.), что дочь одного крестьянина ведетъ распутную жизнь и бранится неприличными словами

---

*) Т. К. IV, 602—603, 604—605.
**) *Терещ.* IV, 324. Также см. Т. К. V, 155.
***) Т. К. V, 139.
****) Т. Э.—С. Э. VI, Уг. рѣш. № 153.

„что не воспрещаетъ дѣлать ей ея отецъ". Волостной судъ постановилъ: „наказать отца обвинямой 20-ю ударами розогъ" *).

Мужчинъ также наказываютъ за незаконную связь розгами, арестомъ, штрафомъ въ пользу волостныхъ суммъ, штрафомъ „за безчестье" въ пользу обольщенной, также въ пользу ея отца (штрафъ въ пользу обольщенной или ея отца сливается обыкновенно съ тою суммою, которая присуждается съ обольстителя на содержаніе рожденнаго отъ его связи ребенка), даже иногда вожденіемъ въ знакъ посрамленія по селенію. Позорящія наказанія къ мужчинамъ примѣняются рѣже, чѣмъ къ женщинамъ. Обыкновенно для мужчинъ дѣло ограничивается имущественнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ. На мужчину, виновнаго въ незаконномъ сожитіи съ дѣвушкой или женщиной, возлагается также обязанность содержать ребенка, рожденнаго отъ его связи, или для той же цѣли съ обольстителя взыскивается единовременно извѣстная денежная сумма, которая вручается матери ребенка, (величина присуждаемой рѣшеніями волостныхъ судовъ суммы простирается напр. въ Полтавской губ. до 100 руб.). Иногда волостной судъ предоставляетъ обольстителю на выборъ или обвѣнчаться съ обольщенной, или удовлетворить „за ея обиду" деньгами на содержаніе прижитаго имъ съ нею дитяти. Обольщеніе большею частью бываетъ соединено съ обѣщаніемъ вступить въ бракъ съ обольщенной **). Въ Литинскомъ уѣздѣ почти всегда, какъ скоро станетъ сколько-нибудь гласнымъ обольщеніе дѣвушки, обольститель, обѣщавшій жениться на ней, спѣшитъ исполнить свое слово, сознаваясь во всемъ своимъ родителямъ и родителямъ обольщенной и получая отъ нихъ благословеніе на бракъ. Въ рѣдкихъ, поэтому, случаяхъ приходится родителямъ или самой дѣвушкѣ жаловаться обществу на обольщеніе послѣдней обѣ-

*) Т. К. III, 379.

**) Тр. Э.—С. Экс. VI, угол. рѣшен. №№ 204, 205, 206, 315, 316. Т. К. I. 138; IV, 650; V, 155, 317, 325, 348, 497. Сборн. *Ефименко*, стр. 233. См. также ниже.

щаіемъ жениться, общество въ этихъ случаяхъ убѣждаетъ обольстителя вступить въ бракъ съ обольщенной *). Въ Кременчугск. уѣздѣ отецъ обольщенной дѣвушки жаловался волостному суду на обольстителя. На судѣ заключена между отцемъ дѣвушки и обольстителемъ мировая сдѣлка, по которой послѣдній обязался жениться на обольщенной имъ дѣвушкѣ **). Въ Малороссіи большое значеніе относительно послѣдствій для обольстителя имѣетъ то обстоятельство, была ли дѣвушка, подвергшаяся обольщенію, до этого времени невинна или нѣтъ. Дѣвушка жалуется волостному суду (Канев. уѣзд.) на крестьянина за то, что онъ лишилъ ее цѣломудрія. „Имѣвшій съ нею грѣхъ“ доказывалъ на судѣ, что она прежде была лишена невинности. Судъ постановилъ: такъ какъ это случилось съ ея согласія и такъ какъ, хотя онъ и имѣлъ грѣхъ, „но сподсівъ другихъ“, то дѣло это предать суду Божію ***). Вслѣдствіе такого значенія состоянія дѣвственности относительно послѣдствій для обольстителя, самыя жалобы на послѣдняго опредѣляются нерѣдко, въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, какъ жалобы на *лишеніе невинности*. Что же касается до изнасилованья дѣвушки, то такіе случаи въ настоящее время, кажется, весьма рѣдки. Волостной судъ (Таращ. уѣзд.) по жалобѣ крестьянской дѣвушки, подвергшейся насилію, опредѣлилъ взыскать за изнасилованье съ виновнаго въ пользу жалобщицы 24 р. и 1 р. въ пользу общественныхъ суммъ ****). Въ другой разъ (Бузул. уѣзд.). дѣло начато по жалобѣ матери дѣвушки, подвергшейся покушенію на изнасилованіе. Виновный въ пособничествѣ при покушеніи на изнасилованіе заключилъ съ жалобщицой на судѣ мировую сдѣлку, по которой обязался уплатить послѣдней 9 руб. †).

---

*) *Данильченко.* Народн. юридич. обычаи Литинск. уѣзда Подольск. губ. Под. губ. вѣд. 1868 г. № 47.

**) Т. К. IV, 269.

***) Т. Э.—С. Э. VI, угол. рѣш. № 207.

****) Т. К. V, 69.

†) Т. К. VI, 177.

Иногда волостной судъ дѣло о прижитіи незаконнорожденнаго ребенка признаетъ неподсуднымъ ему уголовнымъ проступкомъ *). Дѣти, рожденныя отъ внѣбрачныхъ связей называются *гулевыми, зазорными, заугольными* и т. п. и, мѣстами не имѣютъ правъ на наслѣдство своихъ родителей (см. ниже). Въ настоящее время взглядъ на внѣбрачное сожительство, какъ на дѣло во всякомъ случаѣ предосудительное, почти повсемѣстенъ среди русскаго народа. Замѣтимъ при этомъ, что съ такимъ взглядомъ не стоитъ въ противорѣчіи возведеніе раскольниками безпоповцами (ѳедосѣевцы, филипповцы и др.) разврата какъ-бы въ принципъ. Такое явленіе въ нашемъ расколѣ объясняется обстоятельствами, собственно говоря, совершенно случайными—именно тѣмъ, что раскольники, отвергнувъ бракъ (причины см. ниже), признали развратъ, по естественнымъ условіямъ человѣческой природы, дѣломъ неизбѣжнымъ, но, во всякомъ случаѣ, *грѣшнымъ* **).

Таковъ взглядъ народа на внѣбрачное сожительство, таковы послѣдствія этого сожительства по народному праву. Но если народъ неблагопріятно относится къ незаконнымъ связямъ, то діаметрально противоположно смотритъ онъ на брачное сожительство.

Въ основаніи брака лежитъ влеченіе половъ другъ къ другу, вытекающее изъ неполноты мужскаго и женскаго начала въ отдѣльности. Въ началѣ влеченіе половъ другъ къ другу и основанный на этомъ требованіи природы, союзъ мужчины и женщины есть грубый, непосредственный фактъ. Но болѣе развитымъ народамъ свойственно сознаніе недостаточности одного мужскаго и одного женскаго начала и пониманіе брака, какъ учрежденія въ которомъ мужская природа восполняется женской, женская—мужской. Въ русскомъ народѣ есть поговорка: „холостой—полчеловѣка“ ***). Жена, по

---

*) Т. К. IV, 245.

**) См. *Нильскаго.* Сем. жизнь въ русскомъ расколѣ и *Фукса*, о сводн. бракахъ въ истор. отнош. въ V вып. этногр. сборн.

***) *Даль.* Пословицы, 380.

народному выраженію „половина“ мужа *). „Жениться—переродиться“, говоритъ пословица **). Въ брачномъ союзѣ, такимъ образомъ, народному сознанію представляется какъ-бы соединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ цѣльнаго человѣческаго существа: мужъ восполняетъ жену, жена—мужа. Понятіе о недостаточности природы мужчины и женщины, какъ отдѣльныхъ существъ, и о необходимости ихъ взаимнаго восполненія свойственно и другимъ народамъ. Такъ у нѣкоторыхъ мы встрѣчаемъ религіозное почитаніе обоеполыхъ существъ ***). Въ соотвѣтствіи съ этимъ можно поставить обрядовое дѣйствіе, совершаемое у насъ въ г. Бѣлгородѣ, въ праздникъ Троицы. Оно заключается въ томъ, что женщину переодѣваютъ въ мужской костюмъ, а мужчину въ женскій и въ такомъ видѣ ихъ водятъ три дня по городу съ пѣснями и плясками ****). Видя въ брачномъ союзѣ восполненіе мужскаго начала женскимъ и женскаго—мужскимъ и сознавая такое, такъ сказать, превращеніе лицъ, вступающихъ въ бракъ, народъ символически выражаетъ это ихъ новое состояніе нѣкоторыми любопытными обрядами.

Въ Пензенской губерніи, напр., за день до свадьбы подруги невѣсты идутъ къ жениху за мыломъ для невѣсты. При этомъ онѣ бываютъ наряжены въ *мужскія платья*, и лица у нихъ бываютъ вымазаны сажей †). Переряживаньемъ народъ вообще обозначаетъ измѣненный видъ какого-нибудь явленія, или отношенія. Переряживаніе въ платье лицъ другаго пола, очевидно съ большою наглядностью изображаетъ тотъ превращенный образъ въ которомъ является человѣкъ со вступленіемъ въ бракъ. Въ той-же Пензенской губерніи при отъѣздѣ въ день бракосочетанія изъ дому невѣсты въ церковь, жениха „*повязываютъ платкомъ какъ*

*) *Даль*. Словарь, III, 231. Кіевск. губ. вѣд. 1863 г. № 42.
**) *Даль*. Послов. стр. 382.
***) *Костомаровъ*. Славянск. миѳологія, стр. 35—36.
****) Этногр. сборн. V, 37.
†) Пензенск. губ. вѣд. 1868 г. № 38 ст. *Горбунова*.

женщину" *). Въ одномъ рукописномъ сборникѣ второй половины XVII столѣтія говорится: „какъ прійдетъ женихъ по невѣсту и свахи жениха съ невѣстою вмѣстѣ за навѣсомъ сажаютъ, а *съ невѣсту снемъ шапку на жениха надѣваютъ, а мужскую шапку на невѣсту*" **). Въ Курской губерніи передъ отъѣздомъ къ вѣнцу сваха надѣваетъ на свою кичку невѣстину повязку, а сверхъ повязки—женихову шапку. Потомъ, расчесавъ волосы у невѣсты и жениха, сваха снимаетъ съ себя невѣстину повязку и женихову шапку и обводитъ ими троекратно вокругъ ихъ головы ***). Въ г. Калязинѣ въ обычаѣ переряживанье свадебнихъ гостей на другой или третій день брака ****). Значеніе переряживанья нами уже указано.

Народное сознаніе, понимая брачный союзъ какъ слѣдствіе и требованіе естественныхъ условій человѣческой природы, въ то же время видитъ въ немъ проявленіе закона, общаго человѣку съ животными. Такимъ пониманіемъ брачнаго союза объясняется народное представленіе брачной четы въ видѣ пары животныхъ. Въ Китаѣ, наприм. женихъ и невѣста преклоняются передъ гусемъ и гусыней. Это обрядъ соединенія †). У насъ есть пословица: „женихъ да невѣста парочка, что баранъ да ярочка †*). Самые обыкновенные образцы, встрѣчаемые въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, взяты изъ міра птицъ, особенно тѣхъ, которые живутъ парами. Пѣсня въ такой картинѣ представляетъ сближеніе жениха съ невѣстою: сизый лебедь жилъ на морѣ въ своемъ терему, а лебедка въ своемъ, а теперь они вмѣстѣ клюютъ одну зеленую травушку †**). Въ Малороссіи сваты, пришедши къ

---

*) *Терещ.* II, 285.

**) Проф. *Буслаева.* Ист. очерки, I, стр. 46.

***) Этногр. сборн. V, стр. 64.

****) *И. Б.* Зап. о г. Каляз. Арх. ист. и пр. свѣд. *Калачева.* II, 1861 года стр. 80.

†) *Осиповъ.* Гр. право, стр. 158.

†*) *Даль.* Слов. IV, стр. 622.

†**) *Водовозовъ.* Поэт. образы въ русск. нар. пѣсн. и посл. Учитель, 1867 г. №№ 1—4, стр. 21—23.

родителямъ невѣсты, начинаютъ рѣчь такимъ образомъ: „нашъ быкъ къ вашей телушкѣ привыкъ; и какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему бычку загнать. Или: у насъ есть гусакъ, а у васъ гусочка, а потому мы желаемъ ихъ спароваты (соединить) тобъ вышло изъ нихъ все добрее. Или: мы чули, пане свату, що у васъ е гусочка, а мы, бачитъ, маемъ та приміті гусака, да якъ бы тее ихъ спароваты. Нехай-жъ вмисти ходятъ и вмисти пасуцця" *).

Первоначально влеченіе половъ другъ къ другу есть слѣдствіе чисто животныхъ инстинктовъ и лишено всякаго нравственнаго значенія. Самая сила половаго влеченія у дикарей еще незначительна, вслѣдствіе неразвившейся еще окончательно противоположности половъ. Дикари не знаютъ нѣжныхъ чувствъ и не имѣютъ словъ для ихъ выраженія.

На высшихъ ступеняхъ развивается чувство любви, но характеръ его, первоначально, грубо матеріальный. Только съ теченіемъ времени, бракъ въ народныхъ понятіяхъ опредѣляется, какъ союзъ, имѣющій цѣлью и духовное, нравственное общеніе супруговъ: поцѣлуй молодыхъ подслащаетъ на свадьбѣ *горькое* вино; „совѣтъ да любовь" желаютъ свадебные гости новобрачнымъ.

Кромѣ сознанія необходимости брака по внутреннимъ условіямъ человѣческой природы, бракъ какъ въ первобытномъ, такъ и въ болѣе развитомъ обществѣ считается необходимымъ также потому, что въ такихъ обществахъ съ брачною и семейною жизнію соединяются самые существенные жизненные интересы и отношенія. Брачная и семейная жизнь, при извѣстныхъ условіяхъ быта, считается естественною и необходимою формою жизни, а потому вступленіе въ бракъ является совершенною необходимостью. Выше мы указали какъ на одно изъ первоначальныхъ и главнѣйшихъ побужденій къ брачной жизни, на желаніе пріобрѣсти въ женѣ

*) *Терещ.* Б. Р. Н. II, 491. Тоже въ Великоруссіи. Этногр. сборн. I, 143; въ Бѣлорус.—*Шейнъ.* Бѣлор. пѣсни с. 285, и въ Литвѣ,—*Терещ.* II, стр. 474.

работницу или хозяйку для дома. Потребность въ работницѣ для поддержанія хозяйства своей семьи или въ хозяйкѣ для своего собственнаго служитъ и до сихъ поръ у нашихъ крестьянъ однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій къ брачной жизни *). Бракъ необходимъ, далѣе, на извѣстныхъ ступеняхъ культурнаго развитія и потому что необходимы дѣти, особенно сыновья. Сыновья будутъ помогать родителямъ въ трудахъ по хозяйству; они же будутъ охранять и содержать ихъ въ старости. Они же необходимы своимъ родителямъ и предкамъ для загробной жизни. Въ древности человѣкъ считался по смерти блаженнымъ и божественнымъ существомъ, но только подъ условіемъ, чтобы живые постоянно приносили ему могильную трапезу. Обязанность приносить могильныя жертвы лежала на потомкахъ. Отсюда понятна необходимость брачной жизни **). У русскихъ славянъ въ язычествѣ дѣти должны были *кормить* своихъ умершихъ родителей и родственниковъ. Со введеніемъ христіанства обязанностью дѣтей стало поминовеніе послѣднихъ. Къ брачной жизни побуждало древняго человѣка также стремленіе продолжить свой родъ и жить въ памяти потомковъ. Стремленіе быть въ родѣ не послѣднимъ побуждаетъ къ браку и русскаго человѣка.

Вслѣдствіе такихъ побудительныхъ причинъ къ брачной жизни въ законодательствахъ древности являются постановленія объ обязательности вступленія въ бракъ. У евреевъ и въ Индіи безбрачіе было запрещено закономъ ***). Въ Китаѣ законодательство не только вмѣняетъ въ обязанность брачное сожительство, но и само государство принимаетъ участіе въ заключеніи браковъ: для этого тамъ уже въ древности былъ чиновникъ, который наблюдалъ, чтобы всѣ вступали въ бракъ ****). Въ Греціи и Римѣ, въ древности, обще-

*) *Ефименко.* Сборн. стр. 32, 241. Зап. геогр. общ. по отд. Этногр. II, стр. 682.

**) *Фюстель-де-Куланжъ.* Гражданская община античнаго міра, перев. *Корша,* стр. 57—61.

***) *Осиповъ.* Бр. пр. стр. 67, 102.

****) ibid. стр. 13.

ственное мнѣніе и законодательство преслѣдовали и возбраняли холостую жизнь *). Корень такихъ законодательныхъ постановленій—въ народныхъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ обусловливаемыхъ приведенными выше причинами. Но слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ указанныя побужденія къ брачной жизни не являются какъ нѣчто готовое и цѣльное, а развиваются постепенно и при томъ подъ вліяніемъ различныхъ условій, то на однихъ ступеняхъ развитія видимъ господство однихъ побужденій къ браку, на другихъ, высшихъ, сюда присоединяются другія, и только въ позднѣйшую, болѣе развитую эпоху возможно совмѣстное ихъ дѣйствіе. Но во всякомъ случаѣ брачная жизнь сколько нибудь развитому народному сознанію постоянно представляется какъ для мужчины, такъ и для женщины состояніемъ естественнымъ, необходимымъ и обязательнымъ—насколько можетъ таковымъ быть живущее въ нравахъ юридическое воззрѣніе. Многіе первобытные народы считаютъ за великое безчестье, если кому нибудь между ними не удается во время вступить въ бракъ; другіе же вовсе не могутъ себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ всю жизнь вести холостой образъ жизни. Напримѣръ одинъ бедуинскій начальникъ говорилъ путешественнику Зитцену, что «ему совершенно непонятно, какъ тотъ можетъ проводить всю свою жизнь холостымъ. У насъ, прибавилъ онъ, каждый долженъ имѣть жену, и если бы кому нибудь вздумалось не послѣдовать этому правилу, того бы навѣрно сочли негодяемъ» **). Положеніе, занимаемое дѣвушкою въ домѣ отца, по ученію индійскихъ Ведъ, есть только временное, переходное къ другому, естественному, въ которое она входитъ посредствомъ брачнаго обряда ***). Южные славяне смотрятъ на бракъ, какъ на прямое призваніе мужчины и женщины. Въ одной народной пѣснѣ говорится: „если парень не хочетъ жениться, то пусть онъ

*) *Фюстель-де-Куланжъ*, Гражд. общ. стр. 59—60.

**) *Мечниковъ*. Возрастъ вступленія въ бракъ; Вѣстн. Европы 1874 г. № 1. стр. 266—267.

***) *Осиповъ*. Бр. пр. стр. 43.

голодаетъ и вянетъ, а если дѣвушка не хочетъ выдти за мужъ, то пусть навсегда останется глупой". У южныхъ славянъ въ народѣ существуетъ даже своеобразная мѣра посрамленія относительно дѣвушекъ, которыя волей-неволей не выходятъ замужъ. Именно въ первый день Великаго поста дѣвушка, не вышедшая замужъ въ прошлый мясоѣдъ, привязываетъ къ лѣвому и правому своему боку по полѣну и въ такомъ видѣ ходитъ по селу: вмѣсто семейной обузы она тащитъ на себѣ деревянныя полѣна *). Въ Болгаріи рѣдко случается, чтобы здоровый молодой человѣкъ не былъ женатъ до 25 лѣтъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ его начинаютъ преслѣдовать насмѣшками, и онъ принужденъ бываетъ или идти въ монастырь, или бѣжать куда нибудь; дома онъ не найдетъ уже спокойствія **). Задумалъ молодецъ жениться, представляетъ русская пѣсня, ходитъ невесело, гуляетъ нерадостно, повязалъ свою голову тафтою зеленою и увилъ ее лентою лиловою. Мать это замѣтила и спрашиваетъ—что съ нимъ случилось?

Родимая матушка!

отвѣчаетъ онъ,

къ чему веселитися?

Всѣ мои товарищи,
Да всѣ переженилися.
Одинъ у васъ, матушка,
Холостъ—не женатъ хожу ***).

дочь „гостинка" въ дому родительскомъ; взошла въ годы „заневѣстилась", стала дѣвицей на выданьѣ" ***). Устарѣвшія дѣвушки называются «посидѣлками» (Холмогор. у.) и „засид-

---

*) *Л. Березинъ.* Путевыя замѣтки о Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Всемірн. иллюстр. 1875 г, № 334.

**) *В. Майновъ.* Юрид. бытъ Болг. стр. 10.

***) Тр. этногр. отдѣла общ. любит. естествозн. III, вып. 1. стр. 79.

****) *Сахаровъ.* Сказанія рус. нар. I, стр. 135. *Даль*, словарь, II, стр. 1094. Др. рос. стих. стр. 9

ками" (Шенкур. у.) *). „Хоть бы за пенюшка, коли нема хорошаго женишка", говоритъ бѣлорусская пословица **). «Хочь за вола, аби дома не була», такъ выражаетъ малороссійская пословица необходимость дѣвушкѣ выдти изъ родительскаго дома ***).

Понятіе о брачномъ состояніи, какъ о естественномъ и необходимомъ условіи жизни мужчины и женщины выразилось въ томъ замѣчательномъ народномъ представленіи, что ни мужчина безъ женщины, ни женщина безъ мужчины не находятъ мѣста въ загробной жизни, которая, какъ извѣстно, признавалась какъ бы продолженіемъ жизни земной,—и что считалось естественнымъ и необходимымъ въ послѣдней, то имѣло такое же значеніе и въ первой. У древнихъ славянъ, по свидѣтельству Массуди, если покойникъ былъ холостъ, то его женили послѣ смерти, и женщины спѣшили сожигаться, чтобы войти въ рай съ его душею, но профессоръ Соловьевъ справедливо замѣчаетъ: „мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т. е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выдти за другаго и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ" ****). У сербовъ, когда умираетъ юноша-момакъ, какая-нибудь дѣвушка одѣвается какъ къ вѣнцу, беретъ два вѣнка и несетъ ихъ за гробомъ; ее провожаютъ два брачные деверя; при опущеніи мертвеца въ могилу, одинъ вѣнокъ бросаютъ на покойника, другой передаютъ дѣвушкѣ, которая носитъ его нѣкоторое время, хотя она никогда не думала выдти за мужъ за усопшаго. У насъ въ Малороссіи умершую дѣвушку наряжаютъ какъ подъ вѣнецъ и къ погребальному обряду присоединяютъ свадебный; тоже дѣлаютъ и при смерти парубка. У Подолянъ есть убѣжденіе, что умирающимъ безъ *дружины* нѣтъ мѣста на

---

*) Судебн. журн. 1873 г. № 4, стр. 87.

**) *Носовича.* Сборн. бѣлорусск. послов. зап. геогр. общ. по отд. этногр. I, стр. 454.

***) Ст. *Чубинск.* въ зап. геогр. общ. по отд. этногр. II, стр. 382.

****) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, I, прим. 68.

томъ свѣтѣ; потому похороны парубка носятъ названіе свадьбы—*веселья* и совершаются съ свадебной обстановкой; употребляются квитки, вѣнки и платки. Умершей дѣвушкѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ платки несущимъ хоругви; для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, и такимъ *молодымъ* бываетъ какой-нибудь парубокъ: ему перевязываютъ руку свадебнымъ платкомъ, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до *хаты* (могилы). Съ той поры семья умершей считаетъ его зятемъ, а прочіе вдовцомъ *). Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пермской и Тверской губерній, при похоронахъ взрослыхъ дѣвицъ, подруги умершей, провожая, поютъ свадебныя пѣсни **). Въ Тверской губерніи, кромѣ того, при этомъ раздаютъ дары, какъ на свадьбѣ ***).

Не въ силу какихъ-либо исключительныхъ вліяній, но какъ сознанное опредѣленіе народныхъ чувствъ и стремленій, выработалось то пониманіе брачнаго союза, которое мы видимъ у нашихъ молоканъ. Г. Майновъ такъ характеризуетъ взглядъ молоканъ на бракъ: бракъ для молоканъ не есть таинство. Фактъ потребности половаго сожительства существуетъ въ силу естественныхъ законовъ,—слѣдовательно онъ естественъ самъ по себѣ, а если онъ естественъ и не выходитъ изъ личной испорченности человѣка, а лишь изъ требованій его организма, то онъ не можетъ быть и безнравственъ. „Плодитесь и множитесь, сказалъ Саваоѳъ, а потому молокане и не считаютъ нужнымъ придерживаться по отношенію къ женщинѣ аскетическихъ взглядовъ. Все что естественно, то нравственно,—это одно изъ глубокихъ убѣжденій нашего молоканства, и потому они не признаютъ никакой тайны тамъ, гдѣ все должно совершаться явно. Для нихъ бракъ есть самый простой и естественный фактъ, они ни мало не признаютъ его безнравственнымъ въ виду того, что онъ облеченъ въ человѣческую форму, а не является послѣдствіемъ требованій

*) *Котляревскаго.* О погребальн. обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 232.

**) *Барсовъ.* Причитанья сѣв. края, стр. 306.

***) *Даль.* Послов. 299.

чисто животныхъ". *) Видя въ бракѣ естественное слѣдствіе требованій человѣческой природы, по тому и по другимъ причинамъ, считая брачную жизнь состояніемъ необходимымъ и придавая брачному состоянію нравственное значеніе, народъ называетъ бракъ „*закономъ*". Вступить въ бракъ—значитъ *законъ принять;* жить съ женою—жить *закономъ*. Возводя всякій законъ къ его первоначалу—Божеству, славяне можетъ быть еще въ языческій періодъ назвали бракъ закономъ *Божіимъ;* съ принятіемъ христіанства, бракъ въ народномъ понятіи сталъ закономъ, установленнымъ Богомъ христіанскимъ. **) Вступленіе въ бракъ въ народѣ въ настоящее время считается нравственною, почти даже юридическою обязанностью каждаго. Извѣстно, что у насъ въ народѣ въ настоящее время не женятся только неизлѣчимо больные и крайне безобразные; исключеніе составляютъ раскольники, держащіеся тѣхъ религіозныхъ ученій, которыми запрещается бракъ. ***) Въ этомъ отношеніи любопытны выводы профессора Янсона по вопросу о частости у насъ браковъ въ 1867 г. напр. въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, Привислянск. края и Саратовской губ.) приходился одинъ бракъ на 99,4 человѣкъ. „Ни одно европейское государство, говоритъ г. Янсонъ, не даетъ такой большой частости браковъ". Далѣе г. Янсонъ прибавляетъ, что 1867 годъ былъ неблагопріятенъ для заключенія браковъ и что поэтому правильнѣе принять, что у насъ приходится одинъ бракъ на 96 человѣкъ. При этомъ „въ городахъ у насъ меньше браковъ, чѣмъ въ остальномъ населеніи почти на 30%" ****). Въ послѣднее время въ Тамбовской губ. появилась новая раскольничья секта—*очищенцовъ*, занесенная какъ полагаютъ, изъ

---

*) *В. Майновъ.* Бракъ и положеніе женщины у молоканъ. Знаніе, 1874 г. № 3, стр. 29—30.

**) См. *Даля.* Слов. I, 526. *Терещ.* Б. Р. Н. II, 192.

***) См. напр. *Ефименко.* „Замѣтка" въ Тр. Арх. Ст. Ком. 1865 г. I, стр. 118. *Дерюжева.* Описаніе с. Сосновки. Памятн. книжка Самарск. губерн. за 1863—64 г. стр., 122.

****) Указан. ст. Мечникова, стр. 267—268.

Сибири. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ ученія этой секты есть признаніе обязательности брака для всѣхъ достигшихъ совершеннолѣтія *). Въ г. Котельничѣ Вятской губерніи браки совершаются въ ранній возрастъ жениха и невѣсты, потому что родители опасаются, чтобы ихъ дѣти безъ брачной жизни не испортились нравственно. Поэтому тамъ рѣдко можно встрѣтить неженатаго мужчину лѣтъ 30-ти; „на такого мужчину неблагосклонно смотрятъ всѣ, даже и тѣ семейства, въ которыхъ вовсе нѣтъ дочерей“ **). На Дону „20-ти лѣтніе неженатые (мужчины) считаются несчастными, а не женятся потому, что свадьбы не на что справить“ ***). Въ средней полосѣ Россіи въ народѣ дѣвушки, не вступившія въ бракъ, называются „*незамужницами*“. Уже самое это названіе показываетъ, что замужество представляется естественнымъ состояніемъ, въ которое должна вступить въ извѣстное время всякая женщина. Г. Беллюстинъ указываетъ такія причины невыхода дѣвушки замужъ: „абсолютная бѣдность, крайнее безобразіе, болѣзненность и вообще слабое и сухое тѣлосложеніе, то, что называется въ народѣ „Богу погрѣшила“, т. е. распутство; просто несудьба, какъ говорится, т. е. отсутствіе подходящаго жениха, и наконецъ собственное нежеланіе. Послѣднее всегда съ какою-нибудь особенною цѣлью, преимущественно религіозною, „ради спасенія“; это всегда грамотницы, большею частью самоучки, уединяющіяся отъ семей въ особенныя лачуги и оттого слывущія въ народѣ подъ названіемъ „келейницъ“ и „спасениць“. Судьба невышедшей замужъ дѣвушки обыкновенно грустная, нерѣдко гибельная ****). Такимъ образомъ судьбою дѣвушки въ народѣ является или замужество, или *спасенный путь*, на которомъ дѣвушка становится „*Христовою невѣстою*“ **). Въ Архангельской губерніи (Пинежск. у.) дѣвушки, не вышедшія

*) Московск. Вѣдом. 1876 г. № 236.
**) Этногр. Сборн. V, стр. 91.
***) Донск. Обл. Вѣдом. 1875 г. № 27.
****) *Беллюстинъ*. Незамужницы въ народѣ.—Недѣля, 1873 г. № 10.
*****) См. *Даля*. Толк. Словарь, II, 1095.

замужъ до тридцати лѣтъ или овдовѣвшія женщины, когда годъ-два не показывается сватовъ, идутъ *по вѣрѣ*, т. е. вступаютъ въ расколъ *). „Кобы знала, причитаетъ вдова, про безчастное живленьеце (по смерти мужа), я въ законъ-то горюша не вступала бы, я замужница себѣ не залучала бы, не плодила бы сердечныхъ себѣ дѣтушекъ, я сошла бы во пустыню богомольную, гдѣ вѣдь дѣвушки спасаются, гдѣ старушки постригаются. **). Такимъ образомъ—или замужество, или удаленіе отъ міра,—другой участи женщина не представляетъ себѣ. Такія же понятія господствовали и въ старину. „А которые дѣвицы, говоритъ Котошихинъ, бываютъ увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ, безъ замужества“ ***). Г. Богишичемъ высказано мнѣніе, что у большинства славянскихъ народовъ будто бы не только „существовало (въ древности) одноженство, но даже нѣкоторое влеченіе къ безженству“ ****). Насколько состоятельно такое предположеніе, можно судить изъ приведенныхъ фактовъ.

Но если народъ смотритъ на бракъ, какъ на состояніе естественное и необходимое, то какъ же согласить съ этимъ взглядомъ возникновеніе и утвержденіе въ безпоповщинскомъ расколѣ ученія о необходимости всеобщаго дѣвства? По этому вопросу остановимся на выводахъ профессора Нильскаго (въ его сочиненіи: „семейная жизнь въ русскомъ расколѣ)“. Прекращеніе въ расколѣ священниковъ стараго, дониконовскаго постановленія, а съ ними—и таинствъ, было первой и главной причиной явленія въ немъ ученія о безбрачіи. Вслѣдствіе развившейся въ расколѣ мысли о скорой кончинѣ міра, это вынужденное и утвержденное на догматическомъ основаніи ученіе скоро получило въ глазахъ заблуждающихся

---

*) *Ефименко.* Семья арханг. крест.—Суд. Журн. 1873 г. № 4, стр. 86.

**) *Барсовъ.* Причитанья сѣв. края, стр. 182.

***) *Котошихинъ.* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 1859 г., стр. 130.

****) *Майновъ.* Юрид. бытъ Болгаръ (по Богишичу), стр. 10.

значеніе потребности благочестиваго чувства,—потребности, которую ощущалъ въ себѣ всякій кто дорожилъ спасеніемъ. Бѣдственное состояніе раскольниковъ, начавшееся вслѣдъ за изданіемъ въ 1684 году строгаго указа противъ ревнителей старины, было причиной того, что даже и тѣ изъ раскольниковъ, которые прежде вступили въ бракъ, теперь находили неудобнымъ продолжать супружескія отношенія. Расколо-учители-монахи довершили остальное. По пристрастію ли къ началамъ собственной жизни, или по непониманію истиннаго значенія въ дѣлѣ спасенія жизни брачной, только они постарались и сумѣли свой односторонній взглядъ на дѣвство и семью—передать и своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, очевидно, *безбрачіе установилось въ расколѣ не въ порицаніи брака, а какъ дѣло печальной необходимости, вызванное тѣми обстоятельствами, въ которыхъ находился расколъ къ концу XVII столѣтія*". Позднѣе, въ нѣкоторой части самыхъ безпоповцевъ, развивается ученіе о необходимости и законности брачной жизни и при отсутствіи священства, предполагаемомъ ими, и нѣкоторые вожаки раскола начинаютъ принимать различныя мѣры къ установленію между безпоповцами брачнаго союза.

При господствѣ въ народѣ разсмотрѣннаго нами взгляда на брачную жизнь, вполнѣ естественнымъ представляется народное понятіе о томъ, что родители не должны и не могутъ запрещать своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ. Въ с. Лямицѣ, Онежскаго уѣзда, дѣвушки, по мѣстному обыкновенію выдаются замужъ не ранѣе 20-ти лѣтняго возраста и до 25 лѣтъ. Но, хотя и рѣдко, случается, что дѣвушка пожелаетъ выдти замужъ раньше, и родители обыкновенно не препятствуютъ желанію дочери *). Когда однажды сноха заявила на волостномъ судѣ (Дмитров. у.), что свекровь ее „установила дома, замужъ не пустила", то одинъ изъ волостныхъ судей замѣтилъ ей: „пустое говоришь; кто тебя установитъ могъ; и мать не установитъ, коли захочешь замужъ идти, не

*) Судебн. Журн. 1873 г. № 4, стр. 88.

то что свекровь" *). „Ваша воля отдавать и не отдавать, а мени у васъ до вѣку не жить" говоритъ во время сватовства своимъ родителямъ дѣвушка, за которую сватаютъ жениха **). Родители такимъ образомъ могутъ не выдавать дочь за *извѣстнаго* жениха, но не могутъ своею волею вовсе удержать и отъ замужества. Въ одномъ случаѣ (Симб. губ.) крестьянская дѣвушка жаловалась волостному суду, что отецъ, по наговорамъ мачихи, бьетъ ее и не хочетъ выдавать замужъ. Судъ посовѣтовалъ отцу выдать дѣвушку замужъ. Отецъ дѣйствительно выдалъ ее замужъ, а впрочемъ не за того, за кого она хотѣла выдти **).

Въ Кинешемск. у. (Костром. губ.) женихъ платитъ за невѣсту ея родителямъ выводныя деньги, иногда въ размѣрѣ до 100 р., что для жениха нерѣдко бываетъ очень разорительно. Но тамъ же, по понятію крестьянъ, „если невѣста изыщетъ сама себѣ жениха, то родители не въ правѣ ее удерживать, хотя бы женихъ не соглашался на платежъ выводныхъ денегъ" ****). Очевидно, такое понятіе образовалось въ народѣ какъ противодѣйствіе возможному своекорыстію родителей, которые, изъ личныхъ побужденій могли бы препятствовать вступленію дочери въ замужество—состояніе по народному воззрѣнію естественное и законное.

Какъ относится народъ ко вступленію во второй и послѣдующіе браки? Какъ дальнѣйшее развитіе разсмотрѣнныхъ нами народныхъ понятій относительно естественности и даже обязательности вступленія въ первый бракъ, является понятіе о дозволительности и даже обязательности вступленія во второй и послѣдующіе браки. Господствомъ такого понятія объясняется напр. любопытный законъ Дарзильцевъ (одно изъ болгарскихъ колѣнъ), которымъ не дозволяется чтобы въ ихъ селѣ существовали вдовцы и вдовы; по закону они, по прошествіи 40 дней, а—если уважительная причина, то по

---

*) Т. К. II, 535.

**) *Миллеръ.* Опытъ ист. обозрѣнія рус. слов. I, 119.

***) Симб. г. в. 1868 г. № 46.

****) Т. К. III, 376.

прошествіи трехъ мѣсяцевъ (во все это время вдовцы или вдовы сидѣли въ заперти, не имѣя сношенія ни съ кѣмъ) должны были жениться или выдти замужъ; ихъ силою вѣнчали на общественный счетъ *). „Ѣду по жонку пятую; судзи, Боже, по дзесятую", говоритъ народная поговорка **).

Церковь у насъ съ древнихъ временъ возставала противъ обычая вступать въ браки безъ ограниченія ихъ числа; особенно долго она должна была бороться съ обычаемъ вступать въ четвертый бракъ. Этотъ бракъ, наконецъ, былъ рѣшительно запрещенъ законами Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича ***). Подъ вліяніемъ такой дѣятельности церкви и законодательныхъ постановленій въ народѣ сложилось понятіе: „первая жена опойчатая, другая стеклянная, третья хрустальная", т. е. вторую береги больше, чѣмъ первую, а особенно береги третью—четвертой взять нельзя ****). Церковь даже и дозволенные ея правилами браки—второй и третій—не уравнивала съ первымъ. Именно—во время вѣнчанія вдовцу или вдовѣ, вступавшимъ во второй бракъ, клали вѣнецъ не на голову, а на правое плечо, а при вступленіи въ третій бракъ—на лѣвое плечо. Если же вдовецъ вступалъ во второй или третій бракъ со вдовою, то вѣнчанія для нихъ не бывало, а вмѣсто того бывала только молитва †). Въ одномъ актѣ о вѣнечныхъ пошлинахъ (1622 г.) говорится: „съ отрока по три алтына, съ двоеженца вдвое, съ троеженца втрое" †*). Вліяніе церкви несомнѣнно содѣйствовало развитію въ народѣ неблагопріятнаго взгляда на второй бракъ. „Первая жена отъ Бога, вторая отъ человѣка, третья отъ чорта", говоритъ народъ †**). Но вліяніе церкви

*) Тр. этногр. отд. общ. люб. естествозн. III, Вып. I, стр. 13.

**) *Носовича*. Сб. бѣлорус. послов.—Зап. рус. геогр. общ. по отд. этногр.

***) *Неволинъ*. Ист. росс. гражд. зак. I, 171—174.

****) *Даль*. Послов. стр. 399.

†) *Котошихинъ*, стр. 128. Ср. греческій обычай, *Michelet*, origines du droit français Стр. 36.

†*) Акты юридическіе, стр. 238.

†**) *Даль*, Пословицы, стр. 399.

въ этомъ отношеніи было не исключительное. Идея индивидуальнаго брака, хотя бы и въ формѣ полигаміи, предполагаетъ личныя связи между извѣстными лицами какъ супругами. Эти связи, конечно, усиливаются при утвержденіи брака въ формѣ единоженства. Умершій супругъ живетъ въ памяти оставшагося въ живыхъ, и грусть по умершемъ можетъ заставлять послѣдняго отвращаться отъ вступленія въ новый бракъ. Съ развитіемъ и утвержденіемъ въ жизни началъ личнаго брака народное сознаніе усвоиваетъ себѣ идею вѣрности оставшагося въ живыхъ супруга памяти умершаго. Народное сознаніе съ особенною силою дѣйствуетъ въ такомъ направленіи потому, что первобытнымъ народамъ загробная жизнь представляется, собственно говоря, прямымъ продолженіемъ земной, и супруги, временно разлученные смертью одного изъ нихъ, должны будутъ по смерти пережившаго соединиться снова на томъ свѣтѣ. Поэтому, чѣмъ болѣе развивается идея личнаго брака, тѣмъ съ большею непріязненностью начинаетъ относиться народное сознаніе ко второму браку.

Первоначально въ индивидуальномъ бракѣ отношенія между супругами таковы, что мужъ является владыкой жены, жена-рабой мужа. Владыка-мужъ умираетъ. Но жена нужна умершему на томъ свѣтѣ столько-же, сколько и при жизни. Поэтому жена—мужняя раба—должна слѣдовать за умершимъ на тотъ свѣтъ. Отсюда обычай—умервщлять вдовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у славянъ существовалъ обычай женъ умирать на гробѣ мужа. „Не одни рабы, говоритъ г. Котляревскій, шли въ могилу за господиномъ: „шла туда и порабощенная жена за владыкой мужемъ“ *). Обычай умерщвленія вдовъ видимъ также напр. въ Индіи **), въ древней Греціи ***), у древнихъ Германцевъ ****). Но ошибочно будетъ видѣть основаніе обычая умерщвлять вдовъ только въ

*) *Котляревскаго.* О погребал. обыч, языч. слав. стр. 230.

**) *Осиповъ.* Бр. пр. стр. 49—52.

***) ibid 116—117.

****) *Grimm.* Deutsche Rechtsalterthum. Стр. 451.

служебномъ, подчиненномъ отношеніи жены къ мужу. Въ Моравскихъ народныхъ пѣсняхъ не только умершіе мужья подымаются изъ могилъ и уводятъ туда своихъ женъ, но тоже дѣлаютъ съ своими невѣстами и умершіе женихи *). Послѣдніе, разумѣется, не имѣютъ надъ своими невѣстами никакихъ правъ, кромѣ права ждать къ себѣ, даже по смерти, любви и вѣрности отъ оставшейся въ живыхъ невѣсты. Въ русской былинѣ жена Данилы Левчанина, которую князь Владиміръ хотѣлъ взять за себя замужъ, узнавъ о смерти любимаго мужа, закалывается надъ тѣломъ послѣдняго **). Пойдемъ далѣе. Дѣвушка, въ пѣснѣ, говоритъ, что ее съ любимымъ и любящимъ ее молодцемъ разлучитъ только „земля и вода, и смерть несчастная“.

Ты (молодецъ)

говоритъ она,

Умри су вечера
А я умру зъ-ранку,
Ты сховай насъ матулинка
Хоць у в'одну ямку ***).

Былина разсказываетъ, что богатырь Потокъ и Авдотья Лиховидьевна (лебедь бѣлая), вступая въ бракъ, даютъ обѣщаніе: „кто перво умретъ—второму за нимъ живому въ гробъ идти“. Умерла прежде Авдотья Лиховидьевна. И Потокъ—

Съ конемъ и збруей ратною
Опустился въ тое-жь могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовымъ.
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилой поставили деревянный крестъ.

Но въ могилѣ чудеснымъ образомъ ожила умершая и богатыря съ конемъ и женою вынули изъ могилы. Достигнувъ

*) *Котляревскаго.* О погребал. обыч. 231.
**) *Кирѣевскаго.* Пѣсни, вып. 3, стр. 28—38.
***) *Шейнъ.* Бѣлорус. пѣсни, стр. 222.

старости умеръ Потокъ. И тогда, „по прежнему ихъ обѣщанію“, положивъ въ могилу умершаго, жену его „съ нимъ же живую зарыли въ землю“ *). Дунай, убивши нечаянно свою жену, убиваетъ самъ себя, бросившись на саблю **).

Въ дѣйствительности, должно предполагать, случаи самоубійства мужа по смерти жены, если и встрѣчались у насъ въ древности, то только какъ рѣдкія и исключительныя явленія. Но для насъ важно то, что народному представленію кажется столь же естественною смерть жениха или мужа по смерти невѣсты или жены, какъ и отношеніе обратное. Въ народѣ есть обычай—подвѣнечныя свѣчи гасить молодымъ разомъ, чтобы вмѣстѣ жить и вмѣстѣ умереть ***). Здѣсь выразилось народное представленіе о той тѣсной связи, которая должна существовать между супругами. По народному повѣствованію, умершая жена является во снѣ одной рабынѣ и повелѣваетъ, чтобы отвезли тѣло ея на родную сторону и положили „подлѣ мужа ея“ ****). Но какъ бы апоѳеозой идеи личнаго брака является народное преданіе о томъ, какъ погребенныя въ разныхъ мѣстахъ тѣла извѣстныхъ привязанностью другъ къ другу супруговъ (Петра, князя Муромскаго, и супруги его Февроніи) силою высшею снесены въ одно мѣсто †).

„Въ христіанскую эпоху, говоритъ г. Шпилевскій, когда умерщвленіе вдовъ стало невозможнымъ, славянскія женщины, по смерти своихъ мужей, умирали для свѣта, постригались. Постриженіе совершалось иногда надъ гробомъ мужа, около котораго прежде совершалось умерщвленіе вдовъ, такъ въ 1218 г. постриглась вдова В. К. Константина Всеволодовича“. Жены постригались по смерти своихъ мужей, обыкновенно, согласно желанію послѣднихъ, которые не сочув-

---

*) *К. Данилова*, Др. рос. стих. стр. 221—225. См. также *Рыбн.* Пѣсни. I, стр. 205 и сл.

**) *Рыбн.* I, 193—194.

***) *Даль.* Словарь, III, 152.

****) *Буслаевъ.* Историч. очерки. II, стр. 263.

†) ibid. I, 293.

ствовали вторичному вступленію въ бракъ своихъ вдовъ, убѣждали ихъ оставаться во вдовствѣ, а еще лучше идти въ монастырь. Соотвѣтственно будущему состоянію своихъ вдовъ, мужья назначали имъ, по духовнымъ завѣщаніямъ, имѣніе, которое уменьшалось, если вдова пойдетъ вторично замужъ, и особенно увеличивалось, если она не только останется вдовою, но и пойдетъ въ монастырь *). Но несомнѣнно, что вдову постригаться въ монастырь могли побуждать и ея личныя чувства. Идучи отъ златаго вѣнца, разсказываетъ пѣсня, утонулъ новобрачный. Его молодая жена идетъ въ монастырь, и проситъ прорубить три окошка: одно къ святому Благовѣщенью, другое на родную сторону, третье на сине море, гдѣ потонулъ ея вѣнчальный мужъ **).

Но если жена по смерти мужа не умерщвлялась и не постригалась въ монастырѣ, то ей, по народнымъ понятіямъ, слѣдуетъ оставаться вдовою и не вступать въ новый бракъ. Брачныя узы не разрываются окончательно со смертью одного изъ супруговъ. Болгаре думаютъ, что мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ и по смерти; потому женщины рѣдко выходятъ во второй разъ замужъ, а равно и дѣвушка рѣдко выходитъ за вдовца; она останется одинокою на томъ свѣтѣ, потому что мужа отыметъ первая жена; тоже думаютъ и сербы ***). У насъ по понятію крестьянъ сѣвернаго края,—опустили въ могилу тѣло умершаго, и стала вдова его „дольщицей Никольской славной улицы, половинщицей Варварской славной Буявы“ (кладбища) ****). Могила, въ которую зарыли умершаго,—для вдовы его—„другъ—могилушка †). По свидѣтельству Даля“ въ сѣверныхъ губерніяхъ вдова никогда (т. е. обычно?) замужъ не пойдетъ и на вѣкъ отъ нарядовъ отказывается †*).

---

*) *Шпилевск.* Семейн. власти, 124.
**) *К. Аксаковъ.* Полн. собр. сочиненій, I, 396.
***) *Котляревск.* О погреб. обыч. стр. 231.
****) *Барсовъ.* Причитан. С. края, стр. 16—17.
†) ibid. 25.
†*) *Даль.* Послов. стр. 397.

Въ старинномъ стихѣ о вдовахъ поется, что Господь апрещаетъ вдовамъ идти во второй разъ замужъ, за послушаніе обѣщаетъ прибавить имъ свѣта вольнаго, а за ослушаніе прибавить вѣчную муку *). Въ очень распространенномъ въ старину въ русской письменности повѣствованіи о хожденіи Богородицы по мукамъ, представлено, что попадьи, которыя выходили вторично замужъ по смерти своихъ мужей, висѣли въ аду и огонь попалялъ ихъ **). Съ презрѣніемъ говоритъ народъ: „она уже другаго (или третьяго) мужа донашиваетъ“ ***). А съ другой стороны—нерадостна и женитьба на вдовѣ. Въ пѣснѣ говорится, что „не дѣвичій разумъ“ у вдовы, вступившей снова въ замужество: вспоминаетъ она своего перваго мужа и проклинаетъ втораго ****). Тоже думаютъ о женитьбѣ на вдовѣ и другіе славяне †).

По нашимъ древнимъ законамъ, вдова съ вступленіемъ въ бракъ лишалась владѣнія оставшимся послѣ мужа имуществомъ. Также мужья въ духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно предоставляли женамъ только незначительную часть имущества въ случаѣ ихъ вторичнаго замужества. Вдова, вступившая въ новый бракъ, ограничивалась также въ правахъ на опеку надъ своими дѣтьми. Тоже видимъ въ настоящее время въ крестьянскомъ обычномъ правѣ. Подобное ограниченіе правъ вдовы на наслѣдство послѣ мужа и на опеку надъ дѣтьми видимъ и у другихъ славянъ. Вдова, вступившая во второй бракъ, у германцевъ, какъ и у славянъ, лишась имущества, полученнаго ею отъ мужа, теряла право быть опекуншею своихъ дѣтей.

Считалось предосудительнымъ и вступленіе въ бракъ со вдовцомъ. Мы уже видѣли взглядъ на браки вдовцовъ болгаръ и сербовъ. Непріязнь къ вдовцу, вступившему въ новый бракъ выражается въ пѣсняхъ латышей: „у вдовца ру-

---

*) *Шпилевск.* Сем. власти, 120.

**) *Буслаевъ.* Ист. очерки, I, стр. 495.

***) *Даль.* Послов. стр. 400.

****) *Шейнъ.* Рус. народ. пѣсни, I, стр. 331.

†) *Шпилевск.* Сем. вл. 120—121.

ка холодная—дважды онъ обмѣнивался кольцами *). Такой же взглядъ на бракъ со вдовцомъ существуетъ и въ русскомъ народѣ. Задумаетъ „удалый добрый молодецъ", у котораго умерла жена, снова жениться—и станутъ „гнушаться" имъ красныя дѣвушки, станутъ просить своихъ родителей не неволить ихъ за блада (млада) сына отецкаго.

Удовщицо (вдовецъ) вѣдь женихъ да посидѣлищо (очень старый, сѣдой: иначе вдовецъ, хотя бы и *младъ* отецкій сынъ не представляется).

Е сердечное рожено у ихъ (у него съ умершей женой) дитятко **).

Вообще у насъ въ настоящее время въ народѣ порядочная невѣста не выйдетъ за вдовца, развѣ ужъ очень такой бракъ представляется ей выгоднымъ ***).

По нѣкоторымъ славянскимъ законодательствамъ (у насъ Псковск. судн. грам.) вдовцы владѣли имѣніемъ умершихъ женъ, подобно вдовамъ, до вторичнаго вступленія въ бракъ законы нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ и Германцевъ ограничивали права вдовца и въ отношеніи къ его дѣтямъ.

Неблагопріятный взглядъ народа на второй бракъ сказался и въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бракъ вдовца со вдовою не сопровождается обычными свадебными обрядами. Такіе женихи и невѣсты, помолясь передъ образомъ, безъ гостей отправляются въ церковь къ вѣнцу. Если женится вдовецъ, на дѣвушкѣ, или вдова выходитъ замужъ за холостаго, то въ первомъ случаѣ соблюдаются только обряды, принятые для дѣвушки, а во второмъ—для холостаго, относящіеся же ко вдовцу—въ первомъ случаѣ и ко вдовѣ—во второмъ, опускаются *).

Также въ старину, по разсказу Котошихина, если вдовецъ

---

*) Сборникъ антрополог. и этногр. статей о Россіи и странахъ, ей принадлежащихъ, изд. *Дашкова*, I, № 413.

**) *Барсовъ*. Причит. С. края, I, стр. 84.

***) Зап. геогр. общ. 1863. IV, стр. 40. Донск. обл. вѣд. 1875 года № 27. Кіевскій телегр. 1866 г. № 29.

*) Этногр. сборн. II, 198.

вступалъ во второй или третій бракъ со вдовою, то „свадебный чинъ“ бывалъ у нихъ „не противъ того обычая, какъ у холостыхъ людей“.

Что неблагопріятное отношеніе къ вступленію во второй бракъ не есть принадлежность только нѣкоторыхъ народовъ, а составляетъ явленіе необходимое на извѣстной ступени народнаго развитія,—это можно видѣть напр. изъ того, что въ Сибири у камчадаловъ при бракѣ со вдовою также не соблюдаютъ никакихъ изъ тѣхъ обрядовъ, которые имѣютъ мѣсто при вступленіи въ первый бракъ *). Также у арабовъ-бедуиновъ выходъ замужъ вдовы не считается заслуживающимъ брачной церемоніи **).

Такова въ окончательномъ своемъ развитіи идея личнаго брака. Народное сознаніе, усвоивъ себѣ существующія въ дѣйствительности личныя чувства и отношенія супруговъ, даетъ имъ высшую этическую санкцію, налагаетъ на нихъ печать непреложности. У насъ такому развитію народныхъ воззрѣній содѣйствовала въ значительной степени церковь. Съ такими воззрѣніями, вышедшими изъ явленій живой дѣйствительности, могли, какъ мы старались доказать, нерѣдко согласоваться отдѣльные случаи въ народной жизни. Но не всегда было такъ, не всегда личное чувство отвѣчало утвердившемуся обычаю. Лежитъ въ полѣ убитый молодецъ представляетъ пѣсня. Плачетъ о немъ родная матушка—какъ рѣка льется, сестра плачетъ—какъ ручей течетъ—

Молода жена плачетъ—какъ роса падаетъ.
Красно солнышко взойдетъ—росу высушитъ ***).

Но и нельзя было ждать особенной, а тѣмъ болѣе идеальной привязанности къ мужу отъ женщины, нерѣдко противъ своего желанія, волею родительскою отданной въ замужество. И въ подобныхъ случаяхъ окрѣпнувшая народная идея вѣрности жены умершему супругу тяжелымъ гнетомъ

*) *Крашенинниковъ.* Опис. Камчатки. II, 124.
**) *Леббокъ.* Нач. цивилиз. стр. 62.
***) *Сахаровъ.* Сказанія, I, стр. 209.

давитъ живыя личныя чувства и стремленіе. Не совсѣмъ исключительное явленіе должно, однако, видѣть въ заявленіи кн. Владиміра Васильковича въ его духовномъ завѣщаніи (1287 г.), что ему все равно—пойдетъ-ли его жена въ монастырь или не пойдетъ, что пусть будетъ „како ей любо“; „мнѣ не воставши смотрѣть, говоритъ здѣсь Владиміръ Васильковичъ, что кто имѣтъ чинити по моемъ животѣ“. *). Также, въ Былинѣ, Добрыня Никитичъ, выѣзжая въ чистое поле, велитъ своей женѣ ждать его шесть годовъ. „А какъ сполнится времени шесть годовъ, да не буду я домой изъ чиста поля, поминай меня Добрынюшку убитаго; а тебѣ, Настасья, воля вольная: хоть вдовой живи, хоть замужъ поди“ **). У крестьянъ въ обычаѣ въ настоящее время, мѣстами, что вдова вступаетъ въ бракъ по истеченіи 6 недѣль со смерти мужа ***). Припомнимъ здѣсь приведенный выше обычай Даргильцевъ, по которому вдовъ и вдовцовъ по истеченіи 6 недѣль даже силою вѣнчали на общественный счетъ.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе развитіе нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ идеи личнаго брака.

„Въ тѣсной связи съ первоначальною общностью женъ, говоритъ Постъ, находится древнѣйшее состояніе супружескихъ отношеній. И тамъ, гдѣ извѣстный мужчина вступаетъ въ брачный союзъ съ извѣстною женщиною, такой союзъ, первоначально, весьма непроченъ. Часто встрѣчаются браки на пробу и браки на время, а съ другой стороны расторженіе брака весьма легко. Браки на все время жизни супруговъ и ограниченное число причинъ развода являются уже на высшей ступени развитія“. Справедливо также замѣчаетъ Постъ, что съ этою слабостью брачныхъ узъ на низшихъ ступеняхъ развитія стоитъ въ связи то обстоятельство, что для установленія ихъ въ то время не требуется какой-либо особенной брачной формы.

---

*) См. у *Шпилевскаго*. Сем. вл. стр. 124.
**) *Рыбник*. Пѣсни I, стр. 131.
***) Т. К. I, 185.

Что касается именно до слабости и легкости расторженія брачныхъ узъ, то относительно этого предмета общій законъ историческаго развитія при извѣстномъ строѣ народной жизни выраженъ тѣмъ же Постомъ въ слѣдующемъ положеніи: „весьма часто предоставляется на волю каждой изъ сторонъ (т. е. мужа и жены) разрывать ихъ (брачныя узы) когда угодно; это всегда возможно посредствомъ обоюднаго соглашенія или когда та или другая сторона имѣютъ основательный поводъ къ жалобѣ". Выводы Поста основаны на сравнительномъ изученіи обычаевъ весьма многихъ народовъ *).

Съ теченіемъ времени утверждается понятіе, что бракъ есть союзъ на все время жизни супруговъ, что суженой съ суженымъ „не часъ часовати" и не годовати, а „вѣкъ вѣковати" **). Такое понятіе о бракѣ въ настоящее время у насъ есть общераспространенное. Невѣста въ предсвадебный день проситъ у своихъ родителей благословенія „на вѣки вѣкующіе" ***). Мать жалуетъ свою дочь женихомъ—„вѣковымъ дружкомъ" ****). Теща даритъ зятя, „вѣковѣчнымъ даромъ"—своею дочерью †). Отецъ отдаетъ свою дочь на руки князю молодому „на вѣки" †*). „Житье бабье—вѣковѣчное" †**). Когда братъ молодой требуетъ, чтобы молодой вернулъ его сестру „зъ-подъ вінца", то молодой отвѣчаетъ брату своей жены, что ему съ сестрой послѣдняго „вѣкъ жиць" †***). Приведу здѣсь также любопытный обрядъ существующій въ Галиціи. Тамъ во время *заручинъ* (обрученья) родичи жениха и невѣсты, вмѣстѣ съ послѣдними, кладутъ всѣ правую ру-

---

*) *Post.* Die gechlechtsgenossensc h. der Urzeit und die Entsetz der Ehe, стр. 38 и слѣд.

**) *Сахаровъ.* Сказанія, I, 109.

***) *Рыбник.* ч. IV, стр. 147.

****) *Сахаровъ.* Сказ. I, 116.

†) *Шейнъ.* Рус. пѣсни, 519.

†*) Арханг. губ. вѣд. 1865 г. № 28.

†**) *Шейнъ.* Рус. пѣсни, 557.

†***) *Шейнъ.* Бѣлорус. пѣсни, с. 348. Ср. съ этимъ бѣлорусскимъ обрядомъ свадебную пѣсню Самоѣдовъ. *Кастрена,* Путеш. въ Лапланд. и. т. д. Магазинъ землевѣд. и путеш. *Фролова,* VI, стр. 305.

ку въ одно мѣсто, а староста вяжетъ имъ руки, приговаривая: „*той ся гудзъ* (узелъ) *вяже не на рокъ* (годъ) *не на два, а на цѣлый вѣкъ*“ *).

Такимъ образомъ въ настоящее время у насъ окончательно утвердилось въ народѣ понятіе, что бракъ есть союзъ „на вѣки“. Впрочемъ можно указать напр. на слѣдующій случай изъ крестьянской жизни, объясненіе котораго должно искать въ свойственныхъ первобытной эпохѣ бракахъ на время и на пробу. Именно, одна крестьянка высватала за своего сына одну дѣвушку и взяла послѣднюю въ домъ свой прежде свадьбы, со всею ей принадлежащею одеждою, продержала у себя четыре недѣли, заставляя ее въ это время работать на себя по хозяйству. Но послѣ этого (очевидно, оставшись недовольна дѣвушкой) мать жениха объявила, что она сына не желаетъ женить потому, будто-бы, что ему нѣтъ еще 20 лѣтъ. По жалобѣ матери невѣсты на мать жениха, волостной судъ, признавъ виновною послѣднюю въ безпричинномъ отказѣ отъ сосватанной невѣсты, опредѣлилъ взыскать съ виновной въ пользу невѣсты за работу ея въ домѣ своего жениха 10 руб., а за „обиду“ подвергнуть виновную штрафу въ 3 руб. въ пользу общественныхъ суммъ **).

Черезъ всю нашу древнюю исторію идетъ рядъ свидѣтельствъ о томъ, какъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ причинъ, мужья *распускаются съ женами, по своей волѣ, отметаютъ и пускаютъ ихъ* и какъ жены произвольно оставляютъ своихъ мужей. Мужья, пустивъ своихъ женъ, брали себѣ другихъ, и *пущеницы* выходили за мужъ за другихъ. Отпущеніе женъ, особенно въ высшихъ классахъ, совершалось также часто въ формѣ ихъ постриженія, противъ воли послѣднихъ. Иногда мужья оставляли женъ черезъ собственное постриженіе, которое также бывало часто противъ воли женъ. Такимъ же образомъ иногда и жены постригались отъ своихъ

---

*) Ст. профес. *Миллера*, въ журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г. № 3. стр. 642.

**) Кременчугск. у.—Т. К. IV, 276.

мужей. Кромѣ того встрѣчался и добровольный разводъ, по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ.

Церковь въ древней Руси постоянно стояла за крѣпость брачныхъ узъ и запрещала такое легкое ихъ расторженіе. Стараніямъ церкви содѣйствовало своими мѣрами и свѣтское правительство. Впрочемъ, народъ долго и съ трудомъ приноравливался къ церковнымъ постановленіямъ *). Совмѣстное дѣйствіе церковной и свѣтской власти способствовало утвержденію въ народѣ понятія о крѣпости и нерасторжимости брачныхъ узъ.

До сихъ поръ масса крестьянства даже не знаетъ о возможности формальнаго развода **). Такое народное понятіе выразилось во многихъ пословицахъ, напр. „женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ", женился на вѣкъ—заложился, жена не лапоть, съ ноги не скинешь, „жена не гусли—поигравъ на стѣнку не повѣсишь" и др. **). Что такой взглядъ въ народѣ образовался въ значительной степени подъ вліяніемъ церкви и признававшей и исполнявшей ея постановленія свѣтской власти, также видно изъ народныхъ пословицъ, напр. „худой попъ свѣнчаетъ—и хорошему не развѣнчать ***). Но не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе о крѣпости брачныхъ узъ развивалось у насъ и изъ собственной природы отношеній личнаго брака.

Изъ слѣдующаго обычая калмыковъ видно, что понятіе о крѣпости брачныхъ узъ можетъ быть свойственно народамъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ развитія. У нихъ на сговорѣ отецъ жениха подноситъ отцу невѣсты ремешекъ и клей. Клей служитъ символомъ брачнаго союза, а ремешекъ свидѣтельствуетъ о его прочности. Съ того дня клей и ремень храняться въ домѣ родителей невѣсты передъ калмыцкимъ божествомъ, и когда невѣста послѣ свадьбы ѣдетъ въ домъ

---

*) *Шпилевскій.* Сем. власти. стр. 134 и сл.

**) *А. Ефименко.* Народн. юридич. воззрѣнія на бракъ. Знаніе 1874 г. № 1, стр. 37.

***) *Даль.* Пословицы. стр. 381, 388.

****) ibid. стр. 381.

мужа, то получаетъ эти символическіе предметы отъ своихъ родителей, которые и хранитъ всю жизнь, какъ залогъ прочности своего союза съ мужемъ *). Причины, подъ вліяніемъ которыхъ окрѣпли въ первобытномъ обществѣ брачныя узы, вообще были слѣдующія. Прежде всего, если жена желаетъ оставить мужа, когда онъ этого не хочетъ, то что же мѣшаетъ ему удержать ее при себѣ силою? У насъ въ народѣ жена и до сихъ поръ называетъ мужа „крѣпкою сдержавою", а сама она относительно его — „жена держимая." Съ развитіемъ въ народѣ понятія о властныхъ правахъ мужа надъ женой, его владычество, основанное только на силѣ, получаетъ юридическое значеніе, и мужъ получаетъ право держать жену; оставаться у него становиться уже обязанностью жены. Съ другой стороны препятствовать мужу прогонять отъ себя жену могли иногда и родственники послѣдней. Впрочемъ, насколько можно заключать къ первобытнымъ временамъ изъ современныхъ семейныхъ отношеній нашихъ крестьянъ, родственники жены скорѣе препятствовали утвержденію прочности узъ брачнаго союза, давая у себя пріютъ своей родственницѣ отъ преслѣдованія со стороны ея мужа или его семьи. Далѣе, супружескій союзъ въ первобытномъ обществѣ нерѣдко скрѣпляется происшедшимъ отъ супруговъ потомствомъ **). Но народное понятіе о крѣпости брачныхъ узъ развивается главнымъ образомъ изъ представленія о чисто нравственномъ добровольномъ желаніи супруговъ жить постоянно въ союзѣ другъ съ другомъ. Отсюда понятно, почему южные славяне весьма неблагопріятно смотрятъ на разводъ **).

Русскій народъ видитъ въ бракѣ союзъ „на-вѣки". Но тѣмъ не менѣе въ настоящее время между крестьянами считается дозволительнымъ разлученіе супруговъ по взаимному согла-

---

*) Обряды калмыковъ. Воскресный досугъ. 1867 г. № 242.

**) Напр. у самоѣдовъ супруги могутъ разойтись по взаимному согласію, когда у нихъ нѣтъ дѣтей,—въ противномъ случаѣ не могутъ. Вѣстникъ географическаго общества, 1860 г. II, стр. 51.

***) *Макушевъ.* Зад. и Адр. Славяне, стр. 24.

сію, также признается дозволительнымъ по уважительнымъ причинамъ оставленіе однимъ супругомъ другаго. (см. подробнѣе ниже).

Такимъ образомъ очевидно, что народъ видитъ въ постоянствѣ брачнаго союза только желанный, но не всегда достижимый идеалъ брачныхъ отношеній. Когда въ народѣ уже утверждается до извѣстной степени понятіе о прочности брачныхъ узъ, тогда расторженіе ихъ хотя бы совершенно по произволу супруговъ обставляется извѣстными формальностями *). Тоже, какъ увидимъ ниже, говоря о разводѣ, было въ частности и у насъ.

Существенное свойство отношеній индивидуальнаго брака есть ихъ *исключительность*. Но въ началѣ такая исключительность имѣетъ только фактическое значеніе, и лишь съ теченіемъ времени получаетъ характеръ юридическаго принципа. У нѣкоторыхъ Индѣйскихъ племенъ сильный мужчина всегда имѣетъ право отнять жену у слабѣйшаго. Тамъ каждый можетъ вызвать другаго на состязаніе и, въ случаѣ побѣды, имѣетъ право взять жену побѣжденнаго, какъ свою добычу **). Здѣсь, такимъ образомъ, мужъ защиту своихъ супружескихъ правъ имѣетъ не въ общественной санкціи ихъ, а въ своей личной физической мощи, „гдѣ моглобы существовать право, говоритъ Іерингъ, которое бы вышло не изъ дѣятельной силы и энергіи индивидуумовъ и начала котораго не терялись бы въ темной глубинѣ физической силы“ ***). Права брачнаго союза не исключеніе изъ этого общаго правила. Только съ теченіемъ времени супружескія отношенія получаютъ въ народномъ сознаніи этическое значеніе, и какъ таковыя охраняются уже самимъ обществомъ. Переходному моменту въ развитіи идей брачнаго союза принадлежитъ напр. слѣдующій обычай курильцевъ. У нихъ мужчина, нарушившій права мужа связью съ женою послѣдняго, обязанъ вызвать оскорбленнаго мужа на поединокъ на палкахъ. На этомъ по-

*) *Post*, стр. 48.
**) *Леббокъ*. Начало цивилизаціи, стр. 74.
***) *Іерингъ*. Духъ римск. права. I, стр. 93.

единкѣ первый бьетъ мужъ. Нейти на поединокъ считается безчестьемъ. Если же нарушитель правъ мужа отречется отъ боя, то долженъ заплатить мужу, съ женою котораго онъ имѣлъ связь, столько, сколько послѣдній потребуетъ *). И если нѣкоторые первобытные народы не знаютъ ревности (напр. Коняги) **), то изъ приведеннаго обычая курильцевъ видимъ, что заботливость мужа о неприкосновенности своихъ супружескихъ правъ уже у весьма неразвитыхъ народовъ получаетъ нравственное значеніе; изъ приведеннаго описанія мы видѣли, что, по убѣжденію племени, считается безчестнымъ для мужа отказаться отъ поединка съ нарушителемъ супружескихъ правъ послѣдняго. Общество такимъ образомъ не беретъ на себя охрану правъ мужа, но оно уже вмѣняетъ послѣднему въ обязанность охранять ихъ. Русская пословица: „въ остаткахъ вольна (жена) была бы мнѣ полна“ отрицаетъ ревнивое чувство. Но есть и другая, противоположная этой: „жену бери для себя“ ***). У древнихъ славянъ по свидѣтельству арабскаго географа Казвини (XIII в.) дѣвушки ходили съ непокрытою головою, такъ что всякій могъ ихъ видѣть; кто чувствовалъ склонность къ какой-либо изъ нихъ, тотъ набрасывалъ ей покрывало на голову, и она безпрекословно становилась его женой ****). Такимъ образомъ покрываніе мужчиною головы дѣвушки обозначало пріобрѣтеніе имъ исключительныхъ правъ на нее. Символическимъ выраженіемъ исключительныхъ правъ мужа у насъ до сихъ поръ въ народѣ служитъ свадебный обрядъ покрыванья головы молодой платкомъ или фатою †). Народное понятіе объ

*) *Крашенинниковъ.* Опис. Камч. II, 183—184.

**) *Хвостовъ* и *Давыдовъ.* Путешеств. въ Амер. II, 50. См. также *Giraud-Teulon*, стр. 79—80, прим.

***) *Даль.* Посл. стр. 383.

****) Задун. и Адр. Слав., 22.

†) Подробнѣе объ этомъ обрядѣ мы будемъ говорить ниже; здѣсь замѣтимъ только, что этотъ обрядъ должно отличать отъ другаго, сходнаго съ нимъ свадебнаго обряда—убиранія головы новобрачной по женски,—значеніе послѣдняго обряда то, что новобрачная поступаетъ въ

обязанности мужа охранять свои супружескія права выразилось напр. въ слѣдующей свадебной шуткѣ въ Витебской губерніи. Послѣ обряда вѣнчанья молодой слегка касается полою волосъ своей жены и, какъ тамъ говорится, „сполщиваетъ“ ихъ. Послѣ этого новобрачной убираютъ голову по женски и покрываютъ ее платкомъ (значеніе этихъ обрядовъ намъ извѣстно). Послѣ того, какъ уберутъ голову новобрачной по женски, молодой долженъ поцѣловать свою жену: его поцѣлуй есть слѣдствіе пріобрѣтенныхъ правъ. Но въ это время обыкновенно кто-нибудь изъ присутствующихъ старается поцѣловать молодую прежде, чѣмъ успѣетъ это исполнить мужъ. И если по неловкости мужа удастся такое вторженіе въ права послѣдняго, то всѣ смѣются надъ нимъ *).

Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ нами выше указаній на обычаи разныхъ народовъ можно было видѣть, что у нѣкоторыхъ народовъ дѣвушка до замужества пользуется полною свободою, тогда какъ, вступая въ бракъ, обязана сохранять вѣрность своему мужу. Такому воззрѣнію, какъ мы могли уже видѣть, у насъ и до сихъ поръ не чуждо, мѣстами, народное сознаніе (см. напр. приведенное выше указаніе на понятія объ этомъ предметѣ въ Казанск. губ.). Такой взглядъ народа отразился въ народной сказкѣ. Бѣжитъ лисица, а на встрѣчу ей попадается волкъ—старый знакомый, и началъ съ нею „заигрывать“. Лисица отстраняетъ его любезности. „Я прежде была лисица дѣвица, а теперь замужня жена“: указываетъ она ему на перемѣну въ своемъ положеніи **). Первоначально, только жена была обязана вѣрностью мужу; но не наоборотъ. Поэтому только она подвергалась наказанію за прелюбодѣяніе. Но съ теченіемъ времени образуется понятіе, что и мужъ обязанъ вѣрностью своей женѣ, и прелюбодѣяніе съ его стороны получаетъ характеръ предосудительнаго, преступнаго, такъ или иначе, наказуемаго фак-

---

распоряженіе и во власть мужа, тогда какъ первый обозначаетъ исключительный характеръ правъ мужа.

*) Этнографич. сборникъ, II, 172.

**) *Аѳанасьевъ*. Народн. рус. сказки, I, стр. 63.

та. Какъ рано можетъ развиваться понятіе объ обязанности мужа быть вѣрнымъ своей женѣ, можно видѣть напр. изъ того факта, что въ Австраліи (гдѣ, замѣтимъ, мужья особенно жестоко обращаются съ своими женами), въ случаѣ прелюбодѣянія мужа всѣ живущія по сосѣдству женщины нападаютъ на него и грабятъ его имущество *). Съ развитіемъ понятія объ исключительномъ характерѣ отношеній личнаго брака, опредѣляются также наказанія лицамъ, вступающимъ съ тѣмъ или другимъ изъ супруговъ въ преступную связь. Понятіе объ исключительности отношеній личнаго брака, объ обязанности жены быть вѣрною мужу и мужа—быть вѣрнымъ женѣ, выражается у насъ въ извѣстныхъ народныхъ выраженіяхъ: *мужняя жена, женинъ мужъ.*

Теперь намъ слѣдовало бы разсмотрѣть народный взглядъ на существо и содержаніе супружескихъ правъ и обязанностей внутри брачнаго союза. Но такъ какъ народныя понятія и убѣжденія относительно этого предмета выразились въ способахъ и обрядахъ совершенія брака, то въ избѣжаніе повторенія указаній на одни и тѣ же факты, мы находимъ болѣе удобнымъ отнести разсмотрѣніе этихъ понятій и убѣжденій къ той части сочиненія, гдѣ будемъ говорить о формахъ *совершенія* брака.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) *Капустинъ.* Исторія права, стр. 74.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

ВЛІЯНІЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННАГО ТАРИФА НА БЛАГОСОСТОЯНІЕ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ *).

Въ противоположность съ науками точными, какова математика, астрономія, механика и пр., науки общественныя, напр. политическая экономія отличается неопредѣленностью и спорнымъ характеромъ многихъ изъ своихъ положеній. Особенно это нужно сказать о такихъ вопросахъ, гдѣ общія начала науки приходится прилагать къ конкретнымъ фактамъ, къ явленіямъ практической жизни. Сюда относятся, между прочимъ, различныя стороны обширнаго вопроса о покровительственномъ тарифѣ и его значеніи. До сихъ поръ идутъ нескончаемые споры въ экономической литературѣ о пользѣ и о вредѣ тарифа и до сихъ поръ этотъ вопросъ остается также открытымъ и нерѣшеннымъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ при А. Смитѣ. Одна изъ болѣе спорныхъ частностей его заключается между прочимъ въ томъ, какое вліяніе покровительственный тарифъ оказываетъ на положеніе большинства извѣстнаго народа въ лицѣ его рабочихъ, индустріальныхъ классовъ? Кому напр. не приходилось слышать ходячее мнѣніе, что тарифъ выгоденъ и исключительно существуетъ только въ интересахъ капиталистовъ-предпринимателей т. е. фабрикантовъ и заводчиковъ, что тарифъ противорѣчитъ наоборотъ пользѣ остальныхъ классовъ, что онъ

*) Докладъ читанный въ Московскомъ отдѣленіи Императорскаго Техническаго общества 12 апрѣля 1877 года.

ведетъ къ вздорожанію товаровъ и слѣдовательно уменьшаетъ покупную способность небогатыхъ классовъ народа. Постараемся опредѣлить на сколько такое мнѣніе справедливо или иначе говоря, какъ дѣйствуетъ покровительственный тарифъ на экономическое положеніе означенныхъ классовъ народа, живущихъ по преимуществу мускульнымъ, ручнымъ трудомъ?

Но прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, необходимо условиться относительно той мѣрки, по которой возможно судить болѣе или менѣе вѣрно о степени благосостоянія рабочихъ классовъ. Такой мѣркой по нашему мнѣнію, можетъ служить высота заработной платы, получаемой рабочимъ. Рабочій живетъ на тѣ средства, которыя доставляетъ ему эта плата и чѣмъ болѣе ея размѣры увеличиваются, благодаря какому-нибудь обстоятельству, тѣмъ болѣе его положеніе улучшается и наоборотъ. И такъ нашъ вопросъ можно представить въ значительно упрощенномъ видѣ: во 1-хъ какое вліяніе покровительственный тарифъ *долженъ* оказывать на заработную плату и во 2-хъ какое вліяніе онъ *въ дѣйствительности оказываетъ?*

Степень развитія какой-нибудь мануфактуры въ странѣ опредѣляется весьма разнообразными условіями: она зависитъ отъ природныхъ условій, отъ высоты предпринимательскаго процента и заработной платы, распространенности техническихъ знаній и т. д.

Относительное значеніе всѣхъ этихъ условій для отдѣльныхъ странъ точно также весьма различно. Благопріятныя природныя условія конечно составляютъ главную причину великаго мануфактурнаго развитія Англіи, но ихъ нельзя отнюдь считать всегда играющими первенствующую роль. Достаточно припомнить что $^9/_{10}$ всего хлопка въ мірѣ производитъ Америка, а между тѣмъ главная переработка хлопку—мануфактура его совершается въ Англіи за нѣсколько тысячъ верстъ отъ мѣста его добыванія. Очевидно, что другія условія, именно слишкомъ высокая сравнительно заработная плата, перевѣшиваетъ въ Америкѣ всю выгоду природнаго положенія. Но мало того: могутъ существовать такія вліянія на ходъ развитія промышленности, которыя сами по себѣ крайне трудно опредѣлимы, но тѣмъ не менѣе имѣютъ важное значеніе въ общей экономіи производства. Сюда относится напр. такъ называемая экстенсивность труда, или его сравнительная успѣшность, которая опредѣляетъ и самую его

выгодность. Это различіе, практически весьма важное, замѣчается не только у отдѣльныхъ лицъ, но даже и цѣлыхъ націй. Еще давно Милль утверждалъ, что два Миддльсекскихъ косца могутъ сработать въ одинъ день столько же, сколько шестеро русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и слѣдовательно первымъ выгодно для хозяина дать значительно большую заработную плату. Новѣйшія наблюденія надъ экстенсивностью труда у разныхъ народовъ доставляютъ поэтому предмету массу фактовъ. Трудъ англичанъ напр. признано опытомъ, экстенсивнѣе, выгоднѣе, нежели ирландцевъ, и обоихъ этихъ народовъ выгоднѣе нежели французовъ. При постройкѣ напр. Руанской желѣзной дороги извѣстнымъ англійскимъ концессіонеромъ-строителемъ Томасомъ Брассей мѣстные французскіе рабочіе при рытьѣ туннеля получали въ день по $2^1/_2$ шиллинга, а выписанные изъ Англіи рабочіе получали ровно вдвое т. е. по 5 шил. и тѣмъ не менѣе по количеству вынутой земли и вообще результатомъ труда оказались гораздо выгоднѣе для строителя *).

И такъ слѣдовательно весьма различныя условія опредѣляютъ мануфактурное и торговое значеніе страны на международномъ рынкѣ. Чѣмъ большее количество благопріятныхъ условій соединяются вмѣстѣ у одного народа, тѣмъ онъ успѣшнѣе конкурируетъ и побѣждаетъ своихъ соперниковъ въ борьбѣ за промышленное превосходство. Но не нужно забывать, что исходъ этой международной борьбы весьма много зависитъ и отъ усилій самаго народа, помимо всякихъ природныхъ условій. Усиливая и улучшая свое техническое образованіе, напр. народъ тѣмъ самымъ увеличиваетъ свою способность конкурировать съ иностранцами. Къ такимъ же средствамъ уменьшить, если не уничтожить чужую конкуренцію, слѣдуетъ отнести и учрежденіе покровительственнаго тарифа. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ заключается сущность этой мѣры? На иностранный товаръ, однородный которому производится въ самой странѣ, налагается пошлина. При покровительственномъ тарифѣ размѣръ этой пошлины долженъ быть такой величины, чтобы достаточно уравновѣшивать невыгодныя условія туземнаго производства сравнительно съ болѣе благопріятнымъ положеніемъ иностранца. Искусство законодателя при этомъ заключается въ

*) Th *Brassey* Work and Wages, 1872, стр. 81.

томъ, чтобы по возможности точнѣе опредѣлить и оцѣнить размѣръ этихъ невыгодъ и затѣмъ соображаясь съ ними уже назначить и самый тарифъ. Понятно поэтому, что тарифъ возможенъ и допустимъ, только при одномъ непремѣнномъ условіи, когда мѣстное производство даетъ надежду на будущее развитіе.

Первымъ послѣдствіемъ установленнаго тарифа будетъ большее, или меньшее, смотря по его размѣрамъ, исключеніе иностранныхъ продуктовъ съ туземнаго рынка. Иностранная конкуренція ослабѣваетъ, если несовсѣмъ устраняется, и туземные производители на собственномъ рынкѣ получаютъ монополію, или исключительное право снабженія своего рынка продуктами, которымъ законъ оказалъ покровительство. Таковъ результатъ новаго тарифа, покрайней мѣрѣ, первое время; цѣны продуктовъ благодаря этой монополіи должны подняться; но затѣмъ позднѣе, съ развитіемъ этой промышленности должна усилиться внутренняя конкуренція и цѣна можетъ не только сравняться съ иностранной, но даже сдѣлаться и ниже ея. Много доказательствъ въ пользу этого мнѣнія можно было бы привести изъ американской торговой статистики *).

Какъ бы то не было такой результатъ возможенъ только спустя нѣкоторое время и при успѣшномъ ходѣ развитія данной отрасли мануфактуры. Первоначально тарифъ, ограничивая иностранную конкуренцію, даетъ возможность туземному производителю возвысить цѣну своихъ продуктовъ и слѣдовательно получить лучшую прибыль, нежели какую онъ имѣлъ прежде. Но съ увеличеніемъ прибыли или предпринимательскаго профита въ извѣстной, покровительствуемой закономъ отрасли мануфактуры, должно произойти и другое явленіе: привлекаемые высотой прибыли въ этой мануфактурѣ къ ней непремѣнно должны прилить свободные туземные и какъ теперь часто бываетъ, и иностранные капиталы. Черезъ это явится усиленный спросъ на рабочіе руки для данной промышленности, а новый спросъ на трудъ отвѣчаемый прежнимъ предложеніемъ долженъ необходимо привести и къ поднятію заработной платы, въ большей части европейскихъ государствъ, единственнаго источника существованія

*) См. напр. *H. Greely*: Essays designed to elucidate the science of political Economy, 1870, стр. 101, 103, 105.

рабочаго класса. Но разъ рабочій начинаетъ получать большую заработную плату, благосостояніе его поднимается: онъ тратитъ больше денегъ на пищу, питье, одежду и вообще его потребности расширяются, а слѣдовательно возрастаетъ новый спросъ на различнаго рода продукты и промышленность получаетъ новый толчекъ, дающій въ свою очередь стимулъ къ возвышенію заработной платы. Такимъ образомъ образуется своего рода очарованный кругъ: возвышеніе заработной платы, вслѣдствіе тарифа, въ концѣ концовъ опять ведетъ къ подобному же возвышенію, крайній предѣлъ котораго опредѣляется совокупностью условій даннаго рынка. Но рядомъ съ этимъ описаннымъ благопріятнымъ вліяніемъ тарифа на возрастаніе заработной платы, есть еще другое соображеніе которое говоритъ въ пользу того же положенія. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ что извѣстная отрасль промышленности, нуждающаяся въ покровительственномъ тарифѣ не получила его. Результатомъ этого должна быть успѣшная конкуренція со стороны иностранцевъ и паденіе мѣстнаго производства. Но съ паденіемъ производства явятся свободныя рабочія руки, которыя должны искать себѣ употребленія; онѣ обратятся къ другимъ отраслямъ промышленности, предложеніе труда слѣдовательно увеличиться, а съ нимъ быстро долженъ понизиться существующій размѣръ заработной платы. Нужно замѣтить между прочимъ, на основаніи опыта, что увеличенное предложеніе труда понижаетъ обыкновенно заработную плату весьма быстро и непропорціально сильно. Такъ были замѣчены случаи, когда излишекъ въ 5% въ предложеніи труда вызывалъ паденіе заработной платы на цѣлыхъ 50%.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ установленіе покровительственнаго тарифа для падающей мануфактуры можетъ поддержать ее и тѣмъ устранить возможный кризисъ въ положеніи рабочаго класса.

Этихъ общихъ разсужденій достаточно, чтобы судить о всей важности вліянія тарифа на заработную плату. По высказаннымъ теоретическимъ соображеніямъ тарифъ *долженъ оказывать* выгодное вліяніе на благосостояніе рабочихъ классовъ, возвышая заработную плату, составляющую источникъ ихъ существованія. Обратимся за тѣмъ къ реальной жизни и посмотримъ какое вліяніе покровительственный тарифъ оказываетъ въ дѣйствительности на интересы этихъ классовъ.

Юридическій кабинетъ В. Л. К.

Добросовѣстный американскій изслѣдователь Кольтонъ *) приводитъ рядъ наблюденій надъ исторіей тарифа соединенныхъ штатовъ, которыя указываютъ на возрастаніе заработной платы непосредственно за усиленіемъ покровительственнаго тарифа. Такъ въ 1842 г. былъ введенъ тамъ новый тарифъ съ значительно увеличенными размѣрами пошлинъ: онъ сразу подѣйствовалъ на возвышеніе заработной платы. До тарифа этого года средняя заработная плата составляла 1 долларъ въ день на человѣка, послѣ же его введенія $1^1/_2$ доллара. По другимъ свѣдѣніямъ (англійскимъ) этотъ тарифъ произвелъ слѣдующее возвышеніе: каменьщикъ получалъ въ 1842 году 11 шиллинговъ въ день, а сельскій рабочій 7 шил., черезъ три же года послѣ тарифа первый получалъ уже 14 шил., а второй 8, несмотря даже на то что въ этотъ періодъ времени число тѣхъ и другихъ рабочихъ успѣло возрасти отъ 50—75%.

Другой интересный примѣръ вліянія тарифа сообщаетъ извѣстный американскій публицистъ Горасъ Грили (издатель «Нью-іоркской Трибуны»): женскій фабричный трудъ въ Америкѣ въ теченіи 35 лѣтъ съ 1810—45 г. началъ оплачиваться *въ четверо* болѣе подъ непосредственнымъ вліяніемъ покровительственной системы. Каждое значительное возрастаніе совпадаетъ съ усиленіемъ тарифа той отрасли промышленности, гдѣ женскій трудъ имѣетъ приложеніе **).

Вообще американцы вѣрятъ въ тѣсную связь покровительственнаго тарифа съ благосостояніемъ рабочихъ классовъ и упорно держатся главнымъ образомъ на этомъ основаніи протективной системы, несмотря на всѣ временныя невыгоды, съ которыми она связана. Какъ извѣстно, Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны 1863 г. приняли тарифъ даже почти запретительный по своей высотѣ и не покидаютъ его донынѣ; тоже самое сдѣлали и австралійскія колоніи Великобританіи. Едва лишь онѣ получили въ послѣднее время большую независимость въ своей внутренней политикѣ, какъ немедленно, не обращая вниманія на негодованіе всей Англіи, обложили ея мануфактурныя произведенія высокимъ тарифомъ, дабы развить собственную, туземную промышленность. Въ этомъ стремленіи

---

*) C. *Cotton*. Public Economy of United States.

**) *Greely* Protection and Free-Trade. New-Uork, стр. 15.

австралійскіе колонисты доходятъ даже до какого-то страннаго фанатизма. „Въ Англіи говоритъ извѣстный Чарльсъ Дилкъ въ своемъ интересномъ путешествіи по Австраліи и Америкѣ, не рѣдко можно встрѣтить надписи „изъ Парижа“ на товарахъ англійскаго издѣлія, въ колоніи же Викторіи практикуется обманъ другаго рода. Надпись гласящая: „ручательство за колоніальную фабрикацію“ помѣщается на привозныхъ въ сущности товарахъ на томъ только основаніи, что многіе готовы платить за свой колоніальный продуктъ гораздо дороже, чѣмъ за иностранный“ „Австралійскіе рудокопы и американскіе фермеры, замѣчаетъ по этому поводу Ч. Дилкъ, являютъ міру великій примѣръ самопожертвованія для національнаго дѣла. Сотни и тысячи этихъ грубыхъ людей довольствуются съ своими семьями меньшимъ чѣмъ могли бы иначе пользоваться допустивши свободный провозъ иностранныхъ продуктовъ. Они дѣлаютъ это для того только чтобы остальная масса ихъ соотечественниковъ могла зарабатывать болѣе высокую плату, нежели та, которой довольствуются ихъ собратья въ Старой Англіи *).“ Австралійцы и американцы, по словамъ того же писателя, требуютъ покровительственныхъ тарифовъ не желая допустить въ своихъ рабочихъ классахъ нищету и пауперизмъ, который доставляетъ Англіи легкую возможность конкурировать съ американской и австралійской промышленностью.

Но кромѣ этихъ прямыхъ указаній на благопріятность тарифа для интересовъ рабочаго класса, много косвенныхъ доказательствъ представляетъ экономическая исторія Англіи, которая почти всецѣло уничтожила свой покровительственный тарифъ. Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ Англія съ развитой и сильной мануфактурой объявила принципъ свободной торговли въ своей политикѣ и постепенно уничтожала у себя покровительственную систему успѣшно повидимому конкурируя со всей Европой. Тѣмъ не менѣе послѣднее время въ возрѣніяхъ англійскаго общественнаго мнѣнія какъ-бы начинается рѣшительный поворотъ, чаще и чаще слышатся голоса, осуждающіе принятую торговую политику и требующіе реформъ совершенно въ противномъ духѣ. Байльсъ, Сюлливанъ, Робертсъ, Прайсъ, Дж. Вудъ и цѣлый рядъ

*) Cl. *W. Dilke*: Greater Britain, 1868, vol. II, 59. 67.

другихъ писателей одинаково рѣзко осуждаютъ оставленіе покровительственной системы и выставляютъ на видъ необходимость ея возстановленія главнымъ образомъ въ интересахъ рабочихъ классовъ. Для характеристики такихъ мнѣній приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій означенныхъ публицистовъ. Англійскій рабочій говоритъ ученый юристъ Байльсъ, предсѣдатель верховнаго суда (chief justice of Higt Court) еще при старой системѣ покровительства добился себѣ высокой заработной платы и сталъ питаться и одѣваться лучше, нежели прочіе европейскіе рабочіе. Но вслѣдствіе иностранной торговой конкуренціи, открытой благодаря принятой системѣ свободной торговли, англійскій рабочій въ настоящее время вполнѣ предоставленъ соперничеству иностранцевъ, которые хуже живутъ, хуже питаются и хуже одѣваются нежели англичане. Для того чтобъ успѣшно конкурировать съ ними и англичанинъ долженъ самъ хуже жить, хуже одѣваться и хуже питаться. Иностранный работникъ неизбѣжно вытѣснитъ англичанина съ рынка, до тѣхъ поръ пока они встрѣчаются на неравныхъ условіяхъ, созданныя отсутствіемъ покровительственнаго тарифа *). И такъ возвращеніе къ старой протективной системѣ Байльсъ считаетъ необходимымъ условіемъ для того чтобы избѣжать дальнѣйшаго экономическаго кризиса и сохранить англійскому рабочему высокую плату. Ту же совершенно мысль повторяетъ и другой современный англійскій писатель Джемсъ Робертсъ, который заканчиваетъ свою книгу по данному вопросу заключеніемъ „что такъ называемая политика свободной торговли, которая считается многими благодѣтельною для всѣхъ, въ дѣйствительности неоказала никакого благодѣянія рабочимъ классамъ Англіи и мы поэтому, говоритъ онъ, не колеблясь назовемъ ее *гигантской ошибкой*“ **). Еще лучше конечно въ этомъ вопросѣ выслушать голосъ самихъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ напр. нѣкто Джонъ Вудъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Рабочій вопросъ для рабочихъ людей“ только что вышедшей въ настоящемъ году точно также рекомендуетъ возстановить англійскій тарифъ въ его прежнемъ покровительственномъ видѣ, считая такую мѣру необходимо нужной для

*) Sophisms of Free Trade, 9th ed. 1870, стр. 246, 247.

**) *Y. Roberts*: Practical Political Economy. Second Paper, Free-Trade a Gigantic Mistale. 1867, стр. 65.

блага рабочаго класса. Онъ совѣтуетъ настоятельно сдѣлать это, начиная съ немедленнаго введенія старыхъ хлѣбныхъ законовъ, или пошлины на иностранный хлѣбъ въ видахъ поощренія туземнаго земледѣльческаго класса. Такую мѣру Вудъ находитъ даже необходимой и важной для его родины въ политическомъ отношеніи. „Если Россія, Соединенные Штаты и Франція вступятъ въ союзъ между собой и объявятъ Англіи войну, то онѣ могутъ сдѣлать ничтожными всѣ наши военныя средства защиты и дорогія сооруженія; имъ достаточно для этого запретить ввозъ хлѣба въ Англію и черезъ эту мѣру голодомъ принудить насъ къ покорности“.....*). Не менѣе рѣшительный протестъ противъ свободной торговли въ интересахъ рабочихъ представляетъ собой сочиненіе изданное Прайсомъ, которое во многихъ тысячахъ экземпляровъ читается преимущественно сельскими рабочими классами **). Покровительственная система, по мнѣнію автора памфлета, болѣе ведетъ ко взаимному соглашенію интересовъ капитала и труда, нежели политика свободной торговли. Послѣдняя по его словамъ, имѣла бы смыслъ исключительно только при условіи взаимности со стороны иностранцевъ. Поэтому авторъ требуетъ пересмотра англійскаго тарифа въ видахъ большаго покровительства промышленности и національнаго труда, составляющаго базисъ народнаго богатства. Бѣдственное положеніе сельскаго рабочаго въ послѣднее время приписывается имъ главнымъ образомъ односторонней системѣ свободной торговли. Ей обязана Англія увеличеніемъ необузданной конкуренціи, которая убила многія отрасли британской промышленности и стремится держать заработную плату на возможномъ минимумѣ.

Но лучше всего это воззрѣніе англійскаго рабочаго класса можно характеризовать приведя отрывокъ изъ оригинальнаго адреса, который приведенный памфлетъ рекомендуетъ разослать ко всѣмъ націямъ міра отъ имени Англіи. „Я, Джонъ Буль имѣлъ когда-то очень выгодное дѣльцо и на меня всѣ смотрѣли, какъ на генерала отъ мануфактуры всей вселенной. Мое

*) John *Wood*: Free-Trade. A Labour Question for Working Men 1877 стр. 44.

**) „The Skelton at the Plough“ ed. by Price 187(?), 24, 25.

имя было такъ извѣстно, а барыши отъ моего занятія такъ велики, что я ежечасно повторялъ съ Псалмопѣвцемъ „твердыня моя стоитъ прочно и никто не сдвинетъ ее съ мѣста“. Но вотъ мои предпріимчивые приказчики—Пиль, Кобденъ, Брайтъ и Гладстонъ—задумали ввести вмѣсто тѣсной монополіи, которой я долгіе годы наслаждался, торговлю на широкихъ началахъ конкуренціи. Подобно старому дураку я далъ имъ волю дѣлать, что угодно, и нѣжно прислушивался къ ихъ рапсодіямъ на счетъ свободной торговли, которая должна весь свѣтъ соединить въ одинъ братскій союзъ. Я упустилъ спицу изъ рукъ и не поймалъ сокола. Правда согласно моимъ бухгалтерскимъ *синимъ книгамъ* у меня огромная коммерція, мой ввозъ и вывозъ очень огромны, но увы я уже давно не вижу въ балансахъ стараго профита! Мой рабочій людъ, хотя можетъ быть, и получаетъ высшее жалованье, однако живетъ далеко не такъ хорошо, какъ прежде, такъ какъ цѣны всѣхъ предметовъ необходимости выросли еще выше жалованья. Спросъ на трудъ вовсе не увеличивается вмѣстѣ съ народонаселеніемъ и моя молодежь эмигрируетъ чтобы обогащать чужія страны своимъ трудомъ. Бѣдность возрастаетъ такъ, что я только и дѣлаю, что строю новые рабочіе дома. Желая наконецъ все это покончить разомъ я, Джонъ Булль, объявляю Вамъ, что съ этого времени я немогу допускать къ себѣ вашихъ мануфактурныхъ товаровъ свободно отъ пошлины иначе, какъ на началахъ взаимности, я не буду уже болѣе такимъ глупцомъ, чтобы допускать къ себѣ всѣ наши товары безъ нѣкоторой контрибуціи, въ свою пользу, въ то время какъ вы налагаете 50% ad valorem на мои собственныя произведенія. По сему и принимая все сказанное въ вниманіе, я Джонъ Булль, объявляю во всеобщее свѣдѣніе что мои приказчики получили отъ меня ордеръ такого содержанія: „Всѣ сырые товары ввозятся свободно отъ пошлины и вывозятся одинаково свободно въ тѣ страны, гдѣ ихъ не будутъ облагать пошлинами. Всѣ же обработанныя иностранныя произведенія облагаются при ввозѣ пошлиной, согласно ихъ цѣнѣ и пропорціонально обложенію другихъ странъ.... И такъ вотъ къ какому заключенію приходятъ англійскіе рабочіе классы о своей торговой политикѣ: систему свободной конкуренціи они считаютъ крайне вредной для ихъ интересовъ и требуютъ возвращенія къ покровительственному тарифу. Такимъ образомъ сами запи-

тересованныя лица рѣшаютъ занимающій насъ вопросъ о вліяніи тарифа на благосостояніе этихъ классовъ: Благоразумная защита, слѣдовательно, посредствомъ тарифа, отъ излишней иностранной конкуренціи, составляетъ необходимый залогъ экономическаго процвѣтанія всего народа *).

И. Янжулъ.

*) Будетъ продолженіе.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННОЙ ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЕЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

1) Stintzing, Macht und Recht. 1876. Штинцингъ, сила и право. 1876. Эта брошюра посвящена разъясненію весьма важнаго вопроса, имѣющаго въ настоящее время особенный интересъ въ виду извѣстнаго ученія Іеринга о борьбѣ за право. Штинцингъ, подвергнувъ серьезной провѣркѣ вопросъ о силѣ, приходитъ къ тому убѣжденію, что принудительная сила составляетъ существенно необходимый элементъ права, что право есть ничто иное какъ порядокъ господствующій надъ общественною жизнію людей и обладающій принудительною силою, но эта сила не предшествуетъ праву и не есть его основаніе. Никогда не умолкающее требованіе нашей нравственной природы говоритъ намъ, что право для того и существуетъ, чтобы человѣческія дѣйствія ему подчинялись, что та только сила можетъ заслужить наше нравственное одобреніе, которая подчиняется закону, что чувство права только тогда находитъ себѣ удовлетвореніе, когда оно встрѣчается съ господствомъ закона, а съ силою какъ средствомъ, орудіемъ, слугою закона. Какимъ же образомъ, какими путями право, юридическое положеніе пріобрѣтаетъ эту принудительную силу? Разрѣшенію этого вопроса и посвящена вся почти брошюра. Главная же мысль проводится та, что право пріобрѣтаетъ свою силу при помощи власти того или другаго общественнаго авторитета и при помощи дѣйствія совѣсти, ибо повиноваться праву, его признавать, не нарушать

есть нравственная обязанность для человѣка. Точку зрѣнія автора нельзя не считать правильною и соотвѣтствующею дѣйствительному порядку вещей, природѣ человѣка и общества.

2) Boas, der Kampf um's Recht ein Pflichtgebot? 1876, Боасъ, борьба за право составляетъ ли нравственную обязанность? Это небольшое разсужденіе направлено противъ извѣстной брошюры Іеринга о томъ же предметѣ. Боасъ старается доказать несостоятельность ученія Іеринга въ цѣломъ и во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и вопросахъ, но нельзя назвать всѣ возраженія автора удачными и вѣскими. Ошибка ученія Іеринга заключается лишь въ томъ, что онъ и возникновеніе права полагаетъ непремѣнно въ борьбѣ, утверждаетъ что такое возникновеніе непремѣнно сопровождаесся борьбою. Въ такомъ общемъ абсолютномъ утвержденіи это положеніе едва ли можетъ быть допущено. Абстрактное объективное право, чтобы вызвать борьбу, должно уже существовать, должно возникнуть въ нашемъ *сознаніи*. Если цѣль права—миръ, а борьба—средство, орудіе для достиженія этой цѣли, то самая эта борьба предполагаетъ уже существованіе права, ради цѣли котораго примѣняется принужденіе.

Всякое же существующее право, какъ естественное такъ и положительное, должно имѣть непремѣнно принудительный характеръ; иначе оно не будетъ правомъ, иначе оно будетъ лишь пустымъ словомъ. Борьба, въ какой бы формѣ она ни обнаруживалась, должна непремѣнно соединяться съ правомъ; одно только можно сказать, что примѣненіе физической силы можетъ быть лишь послѣднимъ моментомъ въ охраненіи права, физическая сила можетъ и должна прилагаться лишь послѣ нравственныхъ усилій, средствъ и способовъ. Это свойство права признавали и всѣ философы, такъ что Іерингъ неправъ, говоря что философія права и положительная юриспруденція допускали *ужасную* ошибку, т. е. занимались болѣе вѣсами провосудія нежели его мечомъ, считали право единственно отвлеченнымъ порядкомъ жизни, а не понятіемъ о силѣ. Заслуга Іеринга состоитъ въ томъ, что онъ принужденіе права развилъ подробно и указалъ приложеніе его во всѣхъ почти жизненыхъ отношеніяхъ и сферахъ.

3) Seber, Gründe und Zwecke der Strafe. 1876. Зеберъ, основанія и цѣли наказанія. Необходимость наказанія авторъ выводитъ изъ необходимаго сожительства людей. Если человѣкъ можетъ найти полное удовлетвореніе своимъ духовнымъ и тѣле-

снымъ потребностямъ, соотвѣтствующимъ его естественнымъ способностямъ и задаткамъ, лишь въ тѣсномъ общемъ сожительствѣ съ себѣ подобными, если ему можетъ дать то, чего онъ не можетъ достигнуть самъ своими силами, лишь взаимное общеніе, обмѣнъ, взаимная помощь, взаимодѣйствіе, если далѣе общее сожительство людей требуется самою природою, есть естественная необходимость, если это сожительство притомъ возможно мыслить только какъ мирное, исключающее произвольныя нарушенія, такъ какъ они препятствовали бы достиженію цѣлей этого общежитія, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что alterum non laede лежитъ въ самомъ естественномъ порядкѣ, въ порядкѣ всей природы, что всякое дѣйствіе, идущее въ разрѣзъ съ этимъ запрещеніемъ, является неуваженіемъ этого порядка. Изъ необходимости государственнаго сожительства людей вытекаетъ необходимость земнаго наказанія, ибо въ интересѣ государства—поддерживать сознаніе о наказуемости и дѣйствительномъ наказаніи извѣстныхъ дѣйствій, предупреждать послѣдствія, которыя могли бы повлечь за собою ненаказуемыя дѣйствія. Если бы дозволялись дѣйствія, нарушающія чужіе интересы, то каждый, преслѣдуя свои собственныя выгоды, вмѣсто alterum non laede, осуществлялъ бы противоположный принципъ. При господствѣ же этого принципа цѣли положенныя человѣчеству природою были бы абсолютно недостижимы. Представленіе о выгодѣ, наслажденіи, котораго можно достигнуть преступнымъ дѣяніемъ, увеличивало бы естественное побужденіе къ злому; если бы такое представленіе не ослаблялось другимъ—о наказаніи, то каждое преступленіе, принесшее желаемый результатъ, влекло бы за собою дальнѣйшія нарушенія. Преступникъ наконецъ своею уступчивостью передъ чувственными наклонностями ослаблялъ бы стойкость своей воли и постоянно давалъ бы просторъ дальнѣйшимъ преступнымъ попыткамъ. Въ интересахъ цѣлей человѣчества такіе новые преступные замыслы и попытки должны предупреждаться; посредствомъ принятія извѣстнаго страданія преступникъ долженъ быть направляемъ къ веденію борьбы противъ чувственности и пріобрѣтать, возвращать себѣ силу и крѣпость воли. Въ этомъ основаніи наказанія заключается и цѣль наказанія и непосредственно изъ него вытекаетъ. Другихъ цѣлей быть не можетъ. Цѣли наказанія по Зеберу заключаются въ слѣдующемъ: поддержаніе сознанія о наказуемости данныхъ дѣяній, ослабленіе представленій о возможно-дости-

жимыхъ выгодахъ и наслажденіяхъ, возвращеніе силы воли, утерянной преступленіемъ.

4) Bluntschli, Lehre vom modernen Staat. 3 Theile. 1875—76. Блунчли, ученіе о новѣйшемъ государствѣ. 3 части. Сочиненіе это извѣстно русской читающей публикѣ по переводу перваго тома на русскій языкъ. Въ настоящее время трудъ Блунчли претерпѣваетъ 5 изданіе. Въ первыхъ двухъ частяхъ помѣщено общее ученіе о государствѣ, общее государственное право, въ третьей, появившейся въ первый разъ въ печати, изложена политика (эта часть у насъ запрещена цензурой).

Авторъ пользуется у насъ большою извѣстностью и имѣетъ безусловныхъ поклонниковъ. Научное направленіе Блунчли привлекло къ себѣ общее вниманіе тѣмъ, что онъ отбросилъ такъ называемую формальную юриспруденцію и внесъ историческій элементъ въ изученіе государства. Онъ поставилъ себѣ задачею историческое выясненіе силъ, вызывающихъ существованіе права, выясненіе реальныхъ жизненныхъ отношеній, лежащихъ въ основѣ правоваго порядка, а не изысканіе абстрактныхъ юридическихъ принциповъ, хотя абстрактное и формальное не чуждо книгѣ Блунчли, какъ не чуждо и многимъ другимъ изслѣдованіямъ подобнаго рода. Это и понятно. Нужно только понимать правильно абстрактное и логически-формальное. И прежніе мыслители пріобрѣтали свои познанія не изъ ничего. Ихъ мышленіе также имѣло свое содержаніе. Если они впадали въ ошибки, если результаты ихъ оказывались неудовлетворительными, то причина лежала въ томъ, что небольшое число явленій или одно какое-либо явленіе матеріальнаго или духовнаго міра считали достаточнымъ для построенія общихъ положеній или цѣлой системы. Самый же процессъ пріобрѣтенія познаній былъ, есть и будетъ одинъ и тотъ же. И въ настоящее время всякій мыслитель слѣдуетъ тому же пути. Сколько бы ни изучали исторію, ея движеніе, реальныя силы, какіе бы законы ни открывали, въ результатѣ все-таки будетъ абстрактное и формальное ученіе, ибо оно отвлечено будетъ отъ цѣлаго класса явленій. Пріобрѣтши извѣстныя представленія, изслѣдователь оперируетъ уже далѣе этими пріобрѣтенными представленіями, соединяетъ ихъ въ сложныя представленія, въ понятія, идеи, законы, разъединяетъ ихъ, разлагаетъ на составные элементы. Прилагая же различающую и соединяющую дѣятельность своей познавательной способности, человѣкъ въ то же время не обходится безъ

извѣстныхъ руководящихъ, направляющихъ категорій и нормъ мышленія, хотя самъ того не замѣчаетъ, хотя подчиняется имъ прежде всего безсознательно и познаетъ ихъ внутреннимъ воспріятіемъ и самонаблюденіемъ.

Въ первой части сочиненія Блунчли помѣщены нѣкоторыя новыя прибавки, напр. о вліяніи возрожденія на развитіе идеи государства, о клирѣ какъ сословіи, о климатѣ, почвѣ и физическихъ свойствъ страны, о вторичныхъ формахъ возникновенія государства, именно о возникновеніи новыхъ государствъ изъ существующихъ посредствомъ раздѣленія и соединенія. Пятая книга совершенно новая—о цѣли государства. Во второй части прибавлена глава объ административной юстиціи.

5) Beccaria, über Verbrechen und Strafen. Uebersetzung von Jul: Glaser. 2 Aufl. 1876. Беккаріа, о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Перевелъ Юлій Глазеръ. 2-е изд. Это обще-извѣстное сочиненіе появилось вторымъ изданіемъ въ нѣмецкой литературѣ. Глазеръ предпослалъ свое предисловіе, гдѣ показалъ связь сочиненія Беккаріа съ просвѣщеніемъ и литературою XVIII вѣка, всѣ заблужденія и предразсудки, съ которыми долженъ былъ бороться Беккаріа. Въ сочиненіи этого мыслителя содержатся зародыши всѣхъ теорій уголовнаго права, развившихся вполнѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Несмотря на недостатокъ историческаго матеріала, на многія ошибки и заблужденія, книга Беккаріа должна быть прочитана всякимъ, кто интересуется наукою уголовнаго права.

6) Egenter, über Duell und Ehre. 1875. Эгентеръ, о дуэли и чести. 1875. Эта небольшая брошюра выясняетъ понятіе чести, неумѣстность, несостоятельность, безнравственность дуэли и предлагаетъ обратить наибольшое вниманіе на суды чести. Авторъ различаетъ абсолютную честь, имѣющую значеніе нравственное и предполагающую признаніе нравственнаго человѣческаго достоинства, и относительную, заключающуюся въ признаніи за лицемъ извѣстнаго преимущества. Эта послѣдняя честь не имѣетъ ничего общаго съ нравственною сферою. Въ виду неясныхъ представленій у насъ о чести, въ виду измѣняемости понятій о ней, эту брошюру юристу прочесть не безполезно.

7) Göring, über die menschliche Freiheit und Zurechnungsfähigkeit. 1876. Гёрингъ, о человѣческой свободѣ и вмѣняемости. Этотъ основной вопросъ для юристовъ и моралистовъ разобранъ въ этой книгѣ со всею подробностью и обстоятельностью.

Всѣ воззрѣнія и ученія провѣрены въ ихъ состоятельности и разсмотрѣно понятіе о вмѣняемости. Авторъ держится при выясненіи свободы воли метода эмпирико-критической философіи, который былъ приложенъ имъ въ его системѣ критической философіи. Гёрингъ даетъ слѣдующее опредѣленіе свободы: «свобода не что иное какъ отсутствіе принужденія, а въ логическомъ смыслѣ—противоположность необходимости.»

8) Bethmann-Hollweg, über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1876. Бетманъ-Гольвегъ, о законодательствѣ и наукѣ права. Авторъ касается прежде всего извѣстнаго спора, бывшаго 60 лѣтъ тому назадъ между Савиньи и Тибо о кодификаціи гражданскаго права и высказывается вполнѣ за необходимость такой кодификаціи для Германіи въ наше время. Подвергнувъ критикѣ прусское земское право, австрійскій гражданскій кодексъ, Code civil, Бетманъ-Гольвегъ установляетъ условія и требованія для кодификаціи гражданскаго права, предостерегаетъ законодателя отъ возможной ошибки создать самую юриспруденцію или замѣнить ее кодексомъ. Въ заключеніе своей книги авторъ обращаетъ вниманіе на состояніе науки права въ нѣмецкихъ университетахъ и желаетъ продлить срокъ изученія ея до четырехлѣтняго. Послѣдній годъ, по его мнѣнію, долженъ проходить въ общемъ юридическомъ образованіи и въ примиреніи теоріи съ практикою. Въ этотъ годъ должны преподаваться философія права, политика, политическая экономія и новый общій гражданскій кодексъ съ практическими упражненіями.

9) Meister, Gedanken über Staat, Kirche und Wissenschaft. 1876. Мейстеръ, мысли о государствѣ, церкви и наукѣ. Проводится хотя весьма неясно та мысль, что государство не можетъ отрѣшиться отъ божественнаго откровенія, а слѣдовательно и отъ церкви, что наука есть вполнѣ независимая отъ государственной власти сила или равноправная ей. Книга не имѣетъ никакого научнаго значенія, наполнена одними фразами, заключаетъ въ себѣ рядъ безсвязныхъ мыслесплетеній и схоластическихъ представленій.

10) Schlossmann, der Vertrag. 1876. Шлоссманъ, договоръ. Авторъ проводитъ оригинальный взглядъ: понятіе договора совершенно пустое и излишнее понятіе и для юриспруденціи не имѣющее никакого значенія. Догмы о договорѣ въ ея общихъ чертахъ не можетъ быть; это особенно видно изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ договоръ объявляется необяза-

тельнымъ по причинѣ ошибки, обмана, принужденія или безнравственнаго содержанія. Законъ, обычай, наука не даютъ мѣста подобной догмѣ; однимъ словомъ понятіе договора нужно вычеркнуть изъ области права.

Кто сочувственно относится ко всякой новинкѣ и не любитъ стараго, потому только что это старое, тотъ можетъ съ удовольствіемъ поупражнять свое измышленіе надъ этою книгою и впослѣдствіи повторять: «въ наше практическое время, когда все формальное и абстрактное должно умолкнуть, все апріорное (пугало для всѣхъ) изчезнуть, когда должны дѣйствовать не логическіе методы, а *практическіе*, понятіе договора должно быть изгнано изъ юриспруденціи.»

11) Opitz, die Grenzen der Staatsaufgabe. Опицъ, границы задачи государства. Статья эта помѣщена въ Philosophische Monatshefte за 1876 г. Авторъ проводитъ слѣдующія мысли: государство имѣетъ своею задачею осуществлять во всей совокупности своихъ единичныхъ проявленій общность человѣчества. Государство — правный организмъ, въ которомъ находятъ себѣ общее, единое существованіе всѣ основные элементы человѣчества: религія, наука, искусство, воспитаніе, торговля, промышленность. Задача государства болѣе формальная чѣмъ реально творческая. Оно не должно вторгаться во внутреннюю жизнь различныхъ культурныхъ сферъ, не должно создавать или опредѣлять извѣстную систему науки, искусства, воспитанія. Оно должно сохранять объективное положеніе ко всѣмъ отраслямъ знанія и дѣятельности, установляя лишь условія, въ которыхъ онѣ нуждаются для своего развитія и взаимнаго восполненія. Государство далѣе имѣетъ свою жизненность въ индивидахъ, свою власть въ сознаніи быть выраженіемъ воли совокупности.

12) Rümelin, Reden und Aufsätze. 1875. Рюмелинъ, рѣчи и статьи. Въ этой книгѣ помѣщены многія интересныя статьи, напр. о понятіи соціальнаго закона, о чувствѣ права, о понятіи народа, объ отношеніи политики къ нравственности, къ теоріи статистики и проч. Въ первой статьѣ авторъ опредѣляетъ законъ, такъ: это есть выраженіе для элементарнаго постояннаго образа дѣйствія силъ, распознаваемаго во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ въ видѣ основной формы, подъ соціальнымъ же закономъ разумѣется выраженіе для элементарной основной формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ. Возможность существованія соціальныхъ законовъ Рюмелинъ доказываетъ въ области

политической экономіи и статистики. Весьма интересенъ психологическій анализъ чувства права, которое авторъ признаетъ однимъ изъ существующихъ элементовъ человѣческой души. Совѣсть и чувство права — два соподчиненныхъ, родственныхъ и тѣсно связанныхъ вида, въ которыхъ проявляется нравственная потребность человѣка въ порядкѣ.

13) Brie, über Nationalität. 1876. Бри, о національности. Идея національности всецѣло принадлежитъ новѣйшему времени въ исторіи народовъ. Она возникла, окрѣпла и достигла до своего господства въ XIX вѣкѣ. Къ идеямъ равенства и свободы, провозглашеннымъ и отчасти осуществленнымъ въ XVIII в., присоединилась новая, также могучая, неотступно заявляющая себя — идея національности. Ея существованіе и господство въ XIX в. указываютъ на весьма важный процессъ въ духовной жизни народовъ, на пробужденіе, возникновеніе народнаго самосознанія. Выясненію этой идеи и посвящена брошюра Бри, бывшаго профессора въ Гейдельбергскомъ университетѣ, а нынѣ въ Ростокскомъ. Подъ идеею національности онъ разумѣетъ разумно необходимое для государства духовное общеніе народа, хотя національность и государство и не совпадаютъ необходимо другъ съ другомъ. Каждая нація, пока она существуетъ, имѣетъ разумное (неотъемлемое) право создать для себя государство, ибо только общею совокупною дѣятельностью въ національномъ государствѣ и содѣйствіемъ со стороны національнаго государства можетъ достигнуть особенность націи до своего полнаго развитія и совершенства; наоборотъ, часть націи, отдѣленная отъ національнаго государства, нація разъединенная и вошедшая въ составъ различныхъ государствъ, неизбѣжно ослабляется и пріостанавливается въ своемъ естественномъ развитіи.

14) Garnier, le droit au repos. Lyon. 1876. Гарнье, право на отдохновéніе. Ліонъ. Право на отдохновеніе разсматривается въ связи съ правомъ на трудъ; это право не есть завоеваніе человѣческаго духа, но милостивый даръ божественнаго духа. Право на трудъ и отдохновеніе священно само по себѣ и стоитъ выше всякаго законодательства. Ни народы, ни государи не въ состояніи уничтожить его ни въ своихъ хартіяхъ, ни въ конституціяхъ. Оно выше всего остальнаго; исходя отъ Творца, оно остается неразрушимымъ и вѣчно присущимъ великой организаціи обществъ. Брошюра Гарнье предназначена для всего рабочаго люда, для всѣхъ тружениковъ во всѣхъ видахъ труда.

Она требуетъ непремѣннаго освященія одного дня въ недѣлѣ—воскреснаго для отдохновенія.

15) Alex, du droit et du positivisme. 1876. Алэ, о правѣ и позитивизмѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе юристовъ на методъ позитивной философіи, на классификацію наукъ Ог. Конта, на періоды развитія человѣческаго сознанія—теологической, метафизическій и положительный, на соціологію, указываетъ на необходимость широкаго примѣненія этого метода къ наукѣ права, которая должна составлять часть соціологіи, подкрѣпляетъ свои мысли образцами истинно научнаго изслѣдованія въ области права.

16) Corniola, manuale di filosofia del diritto. 1876. Корніола, руководство къ философіи права. Книга написана въ духѣ гегеліанской философіи. Развивается прежде всего понятіе свободы. «Духъ, возвысившійся до свободнаго хотѣнія воли, другими словами — духъ, возвысившійся до свободы, хотящій свободы, и реализирующійся въ этомъ направленія есть духъ объективный. Эта объективность свободы, какъ дѣйствительность, постулируемая и требуемая духомъ, есть именно юридическая дѣйствительность.» Моменты свободы суть право, мораль и ихъ единство—нравъ (нравственность). Моменты права или нравственности суть: семейство, гражданское общество и ихъ единство — государство. Въ этихъ моментахъ заключается развитіе каждаго народа, каждой націи какъ формальное развитіе идеи, какъ вѣчная схема духа.

Самая система права Корніолы напоминаетъ систему Гегеля. Строгое право (собственность, договоръ, неправда), мораль, нравъ или нравственность (семейство, гражданское общество, государство).

17) Livy, filosofia del diritto. 1875. Ліой, философія права. Этой книги мы не могли найти въ продажѣ.

18) Guelfi, Enciclopedia giuridica. 1875. Гуэльфи, юридическая энциклопедія. Это руководство составлено авторомъ для студентовъ какъ пособіе при слушаніи лекцій. Направленіе, міросозерцаніе усвоено авторомъ этико-органическое, приближающееся къ ученію Краузе и его послѣдователей, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ несогласное съ этимъ ученіемъ. Право опредѣляется авторомъ такъ: «норма для свободныхъ внѣшнихъ дѣйствій индивидовъ и общественнаго цѣлаго.» Общее основаніе для права и нравственности—идея добра. Право и нравствен-

ность формы осуществленія добра человѣческою дѣятельностью. Въ общей части сочиненія излагается ученіе о положительномъ правѣ и наукѣ положительнаго права. Энциклопедію права Гуэльфи опредѣляетъ какъ «науку, трактующую о правѣ со стороны его единства и которую можно называть органическимъ синтезомъ различныхъ отраслей права.» Въ отличіе отъ философіи права энциклопедія имѣетъ своимъ предметомъ положительное право, а не идеальное. Энциклопедія беретъ идею права какъ данное, какъ необходимое предположеніе и не доказываетъ этой идеи.

19) Ier. Bentham, an introduction tothe principles of morals and legislation. 1876. Іер. Бентамъ, введеніе въ изученіе началъ нравственности и законодательства. Это сочиненіе, заключающее въ себѣ общее ученіе, основоположенія утилитарной философіи Бентама, издано вновь въ прошломъ году безъ всякихъ измѣненій и представляетъ простую перепечатку съ изданія 1823 г., просмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ. Первое изданіе этого труда напечатано было въ 1780 г., появилось же въ продажѣ, обнародовано лишь въ 1789 г.

II.

1) Ritschl, über das Gewissen. 1876. Ричль, о совѣсти. Эта брошюра содержитъ въ себѣ психологическій анализъ великаго душевнаго элемента, называемаго совѣстью. Авторъ различаетъ двоякую совѣсть: осуждающую, наказывающую и законодательную. Первая относится къ каждому отдѣльному, совершенному дѣйствію, вторая къ группѣ дѣйствій какъ общая норма, предшествующая дѣйствіямъ, повелѣвающая, запрещающая, дозволяющая, предостерегающая.

2) Fischer, über des Gesetz der Entwickelung auf psychisch-ethischem Gebiete. 1875. Фишеръ, о законѣ развитія въ области психо-этической жизни. Теорія Дарвина выдвинула ученіе о постоянномъ, непрерывномъ, преемственномъ развитіи и измѣненіи видовъ, авторъ же настоящей книги изслѣдуетъ законъ развитія въ духовной жизни человѣка и человѣчества. Прослѣдивъ законъ развитія въ органической природѣ, Фишеръ обращаетъ затѣмъ свое вниманіе на психическую жизнь и находитъ въ ней аналогическія явленія. Особенно подробно выясняетъ онъ такъ называемыя простыя ощущенія и нравственный про-

грессъ во всемірной исторіи. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ онъ приходитъ къ утвердительному отвѣту и расходится поэтому съ Боклемъ, Мекинтошемъ и др., допускавшими неподвижность и неизмѣнность нравственныхъ понятій.

3) Winter, vom zwick des Daseins. Ethische Betrachtungen. 1876. Винтеръ, о цѣли бытія. Размышленія о нравственности. Конечная и высшая цѣль бытія заключается въ нравственномъ совершенствованіи человѣка, заканчивающемся въ царствѣ Божіемъ. Она проявляется непосредственно въ ея всеобщности, но постоянно открывается въ различныхъ сферахъ общественной жизни: въ семействѣ, обществѣ, государствѣ, церкви. Эти всѣ общественныя сферы имѣютъ цѣль и законъ своего бытія въ царствѣ Божіемъ.

4) Maier, Versuch einer monistischen Begründung des Sittlichkeitsidee. 1876. Майеръ, опытъ монистическаго обоснованія идеи нравственности. О монизмѣ мы имѣли уже случай говорить въ первомъ нашемъ обозрѣніи и упомянули, что онъ представляетъ собою нѣчто иное какъ матеріалистическое направленіе въ новой формѣ. Это таже овца, но въ волчьей шкурѣ. Авторъ усвоилъ себѣ это направленіе и прилагаетъ его къ нравственности. Онъ желаетъ доказать, какъ высшая, самосознанная нравственность можетъ развиться и дѣйствительно развивается путемъ естественнымъ изъ болѣе или менѣе несознательнаго права и изъ прирожденной природы человѣка по естественнымъ законамъ.

Но монистическаго обоснованія идеи нравственности мы все таки не находимъ у автора; мы читаемъ только сближенія, сопоставленія, аналогіи, но самаго обоснованія нѣтъ, потому что оно и не можетъ быть. Такъ авторъ говоритъ, повторяя слова Гекеля, что нравственность въ смыслѣ порядка основывается на раздѣленіи труда и встрѣчается у общежительныхъ животныхъ, у насѣкомыхъ, у растеній и въ неорганической природѣ, но почему только у человѣка встрѣчается самосознанная нравственность, дѣйствующая по опредѣленнымъ принципамъ, почему человѣкъ стоитъ во главѣ земныхъ тварей, почему онъ одинъ обладаетъ способностью *сознавать* законы порядка и потребности любви, отвѣта на это мы не находимъ у Майера, хотя всѣ эти отличія онъ признаетъ. Сознательное самопожертвованіе ради высшихъ идей и цѣлей, сознательное и безкорыстное дѣйствіе въ пользу другихъ существъ, пониманіе изящнаго, творческая дѣятельность человѣка, стремленіе къ истинѣ и проч.,

почему все это встрѣчаемъ только у человѣка? Если это только высшая ступень развитія, то и высшія животныя путемъ воспитанія должны были бы доходить до того же самаго, но фактовъ такихъ преобразованій мы не имѣемъ.

5) Hoppe, die Erforschung der Gefühle und moralischen Begriffe. 1876. Гоппе, выясненіе чувствъ и нравственныхъ понятій. Брошюра заключаетъ въ себѣ три рѣчи и не имѣетъ научнаго значенія. Авторъ имѣетъ въ виду церковную борьбу католицизма, общее безвѣріе мірянъ, но изслѣдованія собственно нѣтъ никакого.

6) Frederichs, über Kant's Princip der Ethik. 1876. Фредерихсъ, принципъ этики Канта. Новаго въ брошюрѣ ничего нѣтъ, но нѣкоторыя рельефныя стороны ученія Канта выяснены популярно, разсмотрѣны также принципы этики у прежнихъ философовъ до Канта.

7) Bradley, ethical studies. 1876. Брадлей, этюды о нравственности. Книга не содержитъ въ себѣ построенія системы нравственной философіи и не имѣетъ формы систематическаго руководства, но представляетъ рядъ критическихъ этюдовъ. Новаго въ книгѣ нѣтъ ничего, но выясняются удовлетворительно нѣкоторые этическіе вопросы, напр. объ отвѣтственности, о долгѣ и обязанностяхъ. Авторъ близокъ въ своихъ разсужденіяхъ къ философіи Гегеля.

8) Iohn Grote, a treatise on the moral ideals. 1876. Гротъ, трактатъ о нравственныхъ идеалахъ. Книга издана профессоромъ Меромъ (Mayor) по смерти автора. Книга имѣетъ научное значеніе, обстоятельна и полна. Въ ней между прочимъ можно найти много серьезныхъ мыслей, направленныхъ противъ утилитарной философіи.

9) Kodrle, die Idee der Freicheit. 1875. Кодрле, идея свободы. Сочиненіе не имѣетъ никакого научнаго значенія.

III.

1) Reich, Studien über die Volksseele. 1876. Рейхъ, изслѣдованія о душѣ. Мы имѣли случай замѣтить въ первомъ нашемъ обозрѣніи, что нельзя такъ поспѣшно выкидывать за бортъ ученіе исторической школы о духѣ народа, что это ученіе никакъ нельзя назвать диковинкою, ветошью, какъ называли его нѣкоторые. Лацарусъ, Штейнталь, Арнольдъ, Перти и др. не только

не считаютъ ветошью духъ народа, но по мѣрѣ силъ своихъ (полагаю, не скудныхъ) выясняютъ, изслѣдуютъ этотъ духъ. Рейхъ въ этомъ сочиненіи проводитъ между прочимъ слѣдующія мысли: „подобно тому какъ мы разумѣемъ подъ душею совокупность проявленій умственной и нравственной жизни индивида, такъ точно подъ душею народа разумѣемъ совокупность проявленій умственной и нравственной жизни націи, касты или класса народа. Душа народа не есть реальная личность, но только слово для выраженія совокупности состояній и феноменовъ.» Эта совокупность измѣняется по народамъ и Рейхъ поставляетъ себѣ задачу изслѣдовать законы, по которымъ возникаетъ, образуется, измѣняется и проявляется эта совокупность, т. е. духъ народный. Чтобы знать душу, духъ народа, нужно знать съ одной стороны состояніе индивидовъ, съ другой явленія, вытекающія изъ ихъ соединенія и образующія всѣ вмѣстѣ душу народа и затѣмъ уже наблюдать проявленія этой души, когда она образовалась.

Юристамъ мы рекомендуемъ это сочиненіе.

2) Carneri, Gefühl, Bewusstsein, Wille. 1876. Карнери, чувство, сознаніе, воля. Эта книга заключаетъ въ себѣ психологическій этюдъ, касающійся весьма важныхъ явленій нашего духа. Авторъ склоняется къ монизму, который весьма близокъ или почти тождественъ съ матеріализмомъ, хотя онъ отрицаетъ это. Чувство у Карнери является лишь высшею ступенью ощущенія, состояніемъ сознаваемости ощущенія, а ощущеніе простымъ реагированіемъ на (нервное) возбужденіе, воспринятіемъ впечатлѣнія.

Ощущеніе путемъ представленія становится чувствомъ, чувство—путемъ понятія, сознаніемъ. Воля—потребность самосохраненія души, которая въ соединеніи съ сознаніемъ образуетъ волю.

Этюдъ Карнери, проба силъ и написанъ съ предвзятыми мыслями.

3) Horwicz, zur Entwickelungsgeschichte des Willens. 1876. Горвичъ, къ уясненію стадій развитія воли. Этотъ психологическій анализъ, исполненный интереса, касающійся весьма важнаго предмета, популярно изложенный, заслуживаетъ вниманіе юристовъ. Авторъ разсматриваетъ потребность, желаніе, обсужденіе и волю. Этотъ анализъ важенъ для выясненія этической сферы.

4) Horwicz, zur Naturgeschichte der Gefühle. 1876. Горвичъ, къ ученію о природѣ и видахъ чувствъ. Эта брошюра весьма

интересна, изложена общедоступно. Чувства, какъ всякому кажется на первый взглядъ, весьма извѣстны, между тѣмъ нѣтъ болѣе спорныхъ отдѣловъ въ психологіи какъ ученіе о чувствахъ. Этотъ анализъ равнымъ образомъ важенъ для философіи права при выясненіи этическихъ чувствъ.

5) Slenle, anthropologische Vorträge. 1. Heft. 1876. Лекціи по антропологіи. Тетрадь первая. Для философіи права важны отдѣлы о физіологіи аффекта, о вкусѣ и совѣсти, о темпераментахъ. Авторъ между прочимъ признаетъ въ человѣкѣ прирожденное чувствованіе праваго и обязанности, проявляющіяся первоначально въ видѣ инстинктивнаго побужденія.

6) De Moissey, nouveau traité des sensations. 2 vol. 1876. Де Муассей, новый трактатъ ощущеній. 2 тома. Ощущеніе полагается главною основою всей психической жизни человѣка, источникомъ познанія. Человѣкъ — машина удивительно устроенная, въ своихъ дѣйствіяхъ побуждается впечатлѣніями внѣшняго міра. Всѣ явленія жизни человѣка авторъ подводитъ подъ двѣ главнѣйшія категоріи: въ одной разсматривается человѣкъ пассивный, т. е. побуждаемый внѣшними окружающими его предметами, во второй активный, т. е. воздѣйствующій съ своей стороны на эти предметы. Сочиненіе весьма полное и обстоятельное, охватывающее всѣ стороны психической жизни человѣка.

7) Iocobson, über die Auffindung des Apriori. 1876. Якобсонъ, о познаваніи признаковъ апріорнаго. Что такое a priori, какъ нужно его понимать, какіе критеріи апріорнаго, существуетъ ли апріорное познаніе, какимъ образомъ можно его открыть или доказать?—Всѣ эти вопросы весьма важны и отъ болѣе или менѣе вѣрнаго разрѣшенія ихъ зависитъ окончаніе всѣхъ пререканій, господствующей путаницы понятій между мыслителями вообще, но въ особенности между юристами-дилетантами. Якобсонъ справедливо замѣчаетъ, что Дж. Ст. Милль и прежде него Бенеке, доказывая эмпирическое происхожденіе элементовъ познаній, считающихся апріорными, доказываютъ въ тоже время, сами того не замѣчая, апріорность ихъ, напр. кто желаетъ вывести законъ причинности изъ теоріи опыта, опирающейся на законъ ассоціаціи представленій и слѣдовательно *предполагающей* уже *признаніе* воздѣйствія двухъ представленій другъ на друга, тотъ доказываетъ этимъ самымъ метафизическое происхожденіе закона причинности.

Якобсонъ далѣе доказываетъ существованіе апріорнаго въ познаніи, указываетъ его критеріи: всеобщность и необходимость.

8) Harms, über den Begriff der Wahrheit. 1876. Гармсъ о понятіи истины. Гармсъ, профессоръ Берлинскаго университета, заступилъ мѣсто Тренделенбурга въ Берлинской академіи наукъ и вотъ уже напечатанъ третій его мемуаръ по философіи. Первый—о реформѣ логики, второй—о понятіи психологіи, третій—понятіе истины. Всѣ изслѣдованія его ясны и отчетливы, вовсе не походятъ на обыкновенныя тяжелоязычныя произведенія нѣмецкой литературы.

Понятіе истины Гармсъ считаетъ апріорнымъ, всеобщимъ и основнымъ понятіемъ, первымъ принципомъ всѣхъ наукъ. Въ понятіи истины заключаются два постулата: все дѣйствительное должно мыслиться и все мыслимое должно быть дѣйствительнымъ; безъ этихъ требованій истина не существуетъ. Бытіе должно соотвѣтствовать мысли и мысль бытію.

9) Billewicz, zur Orientirung über Speculation und Empirie. 1876. Биллевичъ, къ разрѣшенію вопроса о спекулятивномъ и эмпирическомъ элементѣ въ познаніи. Эта брошюра содержитъ нѣкоторыя данныя для разъясненія господствующей путаницы понятій объ эмпиріи и спекуляціи (умозрѣніи) въ научныхъ изслѣдованіяхъ и въ процессѣ познаванія.

IV.

1) Schmid, die darwinschen Theorien und ihre Stellung zur Philosophie, Religion und Moral. 1876. Шмидъ, теоріи дарвиновой школы и отношеніе къ философіи, религіи морали. Эта книга имѣетъ въ виду ознакомить съ ученіями различныхъ послѣдователей Дарвина и выяснить отношеніе ихъ къ высшимъ интересамъ человѣчества—религіознымъ, нравственнымъ и научнымъ. Авторъ написалъ свою книгу для тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ ни времени, ни возможности изучить теорію Дарвина въ ея развѣтвленіяхъ и въ тоже время ощущаютъ потребность ориентироваться въ такихъ вопросахъ, какъ философія, нравственность и религія.

2) Tangermann, Philosophie und Christenthum in ihren Beziehungen zur Cultur und Religionsfrage. 1876. Тангерманъ, философія

и христіанство въ ихъ отношеніяхъ къ культурѣ и религіи. Для философіи права книга полезна многими своими частями, въ которыхъ излагаются вопросы, существенно важные для юриста, напр. о научной и нравственно-религіозной потребности, о знаніи и вѣрѣ, о религіозномъ чувствѣ, о свободѣ и необходимости, о разумѣ и его функціяхъ и пр.

3) Laichinger, das System der christlichen Glaubens-und Sittenlehre. 1876. Лайхингеръ, система христіанскаго вѣроученія и морали. Сочиненіе собственно относится къ богословской литературѣ, но въ немъ заключаются нѣкоторыя общія мысли, имѣющія значеніе для философіи права, напр. ученіе о свободѣ воли, о законѣ, о формахъ закона, о нравственныхъ и религіозныхъ основахъ семейной жизни, государственной, церковной.

4) Sparkes, man considered socially and morally. 1876. Сперксъ, о человѣкѣ въ его соціальной и нравственной жизни. Заглавіе довольно заманчивое и многихъ можетъ заставить купить себѣ эту книгу. Авторъ въ теченіи многихъ лѣтъ записывалъ различныя мнѣнія, какія слышалъ или читалъ по вопросамъ соціальнымъ и моральнымъ, подвергъ ихъ обработкѣ, присоединилъ свои размышленія и издалъ въ свѣтъ означенную небольшую книгу, которая пережила уже второе изданіе. Въ ней читатель, имѣющій общее образованіе, найдетъ благочестивыя разсужде- о предметахъ, имѣющихъ жизненную важность, найдетъ себѣ и удовлетвореніе въ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ и вопросахъ, найдетъ истолкованія этихъ вопросовъ въ духѣ религіозной вѣры, напр. какъ произошелъ міръ, объ свойствахъ божества, о происхожденіи различныхъ религій, объ ангелахъ, матеріи и силѣ, о твореніи и пр.

5) Faliés, études historiques et philosophiques sur les civilisations. 2 vol. 1875. Фалье, историческія и философскія изслѣдованія о цивилизаціяхъ. 2 тома. Авторъ поставилъ своею задачею разсмотрѣть всеобщую исторію культуры человѣчества въ трехъ періодахъ. Первый періодъ обнимаетъ цивилизацію европейскую и цивилизацію всѣхъ историческихъ народовъ, второй долженъ касаться доисторическихъ временъ, третій — періодъ ледниковъ. Въ первыхъ двухъ томахъ разсмотрѣнъ первый періодъ. Весьма интересны и важны цивилизаціи американскія и культурный очеркъ Океаніи.

6) Bertrand, étude philosophique sur l'homme. 1876. Бертранъ, философскій этюдъ о человѣкѣ. Изслѣдованіе касается вопросовъ о происхожденіи человѣка, первоначальномъ развитіи его языка и разума, его физическаго положенія, его назначенія и его общественной жизни. Авторъ имѣетъ въ виду между прочимъ указать на согласіе между естественными науками и откровеніемъ.

Пр. П. Л. Карасевичъ.

къ вопросу о правѣ залога свободныхъ частей цѣнности заложеннаго имѣнія.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Юридическаго Общества въ ноябрѣ 1876 года обсуждался вопросъ о правѣ залога свободной части цѣнности имѣнія, когда первымъ залогодержателемъ является не кредитное установленіе.

Вопросу этому, послѣ обсужденія его юридическимъ обществомъ, до сихъ поръ не суждено было сдѣлаться предметомъ общаго печатнаго обсужденія; не суждено было даже появиться на страницахъ органа юридическаго обществ—аЮридическаго Вѣстника *).

Такъ, повидимому, мало отдано вниманія этому вопросу между тѣмъ уже не говоря о томъ, что указанный вопросъ затрогиваетъ одно изъ замѣтныхъ явленій современнаго экономическаго быта, явленій, сущность которыхъ заключается въ стремленіи къ наибольшему расширенію обезпеченнаго кредита,— и съ этой одной стороны представляется вполнѣ жизненнымъ, указанный вопросъ представляетъ нѣкоторый интересъ еще и потому что не имѣетъ за собою ни однообразнаго разрѣшенія въ судебной практикѣ, ни твердо установившагося мнѣнія въ нашей литературѣ.

Всего этого, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы сообщить вышеуказанному вопросу такое значеніе, которое должно спасти его отъ опасности затеряться въ ряду той массы вопросовъ, которые обсуждаются въ юридическомъ обществѣ.

---

*) Обсужденіе этого вопроса Юридич. Общ. помѣщено въ 3—4 кн. Юрид. Вѣст. 1877 г. Ред.

Обсудить подобный вопросъ съ точки зрѣнія залоговаго права вообще и началъ залоговаго права по дѣйствующему законодательству, установить взглядъ на достоинство существующихъ мнѣній о немъ, выполнить все это въ собраніи юристовъ теоретиковъ и юристовъ-практиковъ, составляющихъ изъ себя цѣлое юридическое общество—далеко не значитъ уклониться отъ выполненія назначенія самаго общества.

Вотъ почему мы не можемъ не выразить своего совершеннаго несогласія съ мнѣніемъ, высказаннымъ нѣкоторыми членами въ засѣданіи общества, при самомъ началѣ обсужденія приведеннаго вопроса, что будто бы обсуждаемый вопросъ есть вопросъ чисто практическій, частный, даже и не подлежащій, по самому своему свойству, обсужденію юридическаго общества, которое, какъ было выражено, не есть ни судъ, ни судебная палата, призванные къ разрѣшенію подобныхъ вопросовъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что предубѣжденіе преслѣдовало указанный вопросъ съ самаго его возникновенія въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не былъ устраненъ отъ обсужденія общества, оно его разрѣшило и разрѣшило, большинствомъ голосовъ,—*отрицательно.*

Мы позволимъ себѣ высказать посильное и притомъ противоположное мнѣніе по выставленному вопросу, рѣшаясь на это единственно въ надеждѣ, что, болѣе насъ свѣдущіе, выскажутъ и болѣе основательное мнѣніе и такимъ образомъ этотъ жизненный вопросъ подвергнется, можетъ быть, наиболѣе обстоятельному обсужденію и получитъ вполнѣ правильное разрѣшеніе.

Останавливаясь, прежде всего, на основномъ началѣ залоговаго права вообще, нельзя не признать, что, по характеру своему, оно является обязательствомъ, соединеннымъ для кредитора съ правомъ на вещь или имущество, принадлежащія должнику. По содержанію же своему такое право кредитора составляетъ управомочіе его, какъ залогодержателя, на удовлетвореніе себя изъ цѣнности заложеннаго имущества въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ суммѣ платежа, причитающагося съ должника въ пользу кредитора по обязательству, обусловившему самое установленіе залоговаго права.

Такимъ образомъ, если цѣнность имущества, состоящаго въ залогѣ, превышаетъ сумму платежа, по обязательству, то излишекъ такой цѣнности, по самому существу залоговаго права, не можетъ не почитатся вполнѣ свободнымъ отъ обремененія

существующимъ залоговымъ правомъ, а слѣдовательно и могущимъ быть предметомъ обезпеченія новаго обязательства.

Такова такъ сказать теоретическая конструкція залоговаго права. Изъ сего нельзя не заключить, что вообще установленіе нѣсколькихъ залоговыхъ правъ по различнымъ обязательствамъ на одно и тоже имѣніе, нисколько не противорѣчитъ существу залоговаго права.

Такое пониманіе значенія залоговаго права и объема его дѣйствія на имущество, составляющее предметъ залога, вполнѣ соотвѣтствуетъ той степени развитія ученія о залоговомъ правѣ, по которому залогъ служитъ единственно и исключительно средствомъ обезпеченія обязательства, а потому не создаетъ для кредитора ни собственности, ни владѣнія или пользованія заложеннымъ имуществомъ, а создаетъ лишь право на удовлетвореніе себя изъ цѣнности заложеннаго имущества и при томъ только въ той ея части, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ залоговаго требованія. Такое право можетъ быть вполнѣ независимымъ отъ правъ третьихъ лицъ на тоже имущество.

Очевидно, что при такомъ сознаніи основныхъ началъ залоговаго права, вся задача института залога должна заключаться въ томъ, чтобы установить прежде всего тѣ необходимыя гарантіи, коими обезпечивается кредитоспособность имущества при установленіи на немъ нѣсколькихъ залоговыхъ правъ т. е. установить законныя препятствія для должника воспользоваться кредитомъ свыше кредитоспособности самаго имущества въ ущербъ правомъ залогодержателей.

Затѣмъ, безспорно, необходимо установленіе началъ правильнаго разрѣшенія случаевъ стеченія и столкновенія залоговыхъ правъ нѣсколькихъ залогодержателей на одно и тоже имущество, при удовлетвореніи ихъ изъ цѣнности заложеннаго имущества. Обращаясь къ римскому праву этому родоначальнику юридическихъ институтовъ оказывается что въ немъ институтъ залоговаго права прежде чѣмъ вылиться въ свою окончательную форму, прошелъ различныя ступени своего развитія переходя отъ своихъ первичныхъ формъ, къ наиболѣе совершеннымъ, онъ вылился, наконецъ въ форму *ипотеки*. Институтъ римской ипотеки, и былъ первымъ выразителемъ идеи и основныхъ началъ ученія о залоговомъ правѣ въ томъ именно смыслѣ, на который мы выше указали.

Римское ученіе, возможность стеченія нѣсколькихъ залоговыхъ

правъ на одномъ и томъ же имуществѣ допускало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Для того же чтобы разрѣшенія случаевъ самаго исполненія нѣсколькихъ залоговыхъ правъ, лежащихъ на одномъ и томъ же имуществѣ подчинить одному основному началу римское право установило принципъ, вполнѣ согласный съ самымъ существомъ залоговаго права, принципъ старшинства залоговыхъ правъ: prior tempore, potior jure.

Правда, вслѣдствіе отсутствія въ римской ипотекѣ начала спеціализаціи залога и черезъ чуръ широкаго пользованія правомъ установленія нѣсколькихъ залоговыхъ правъ на имущества, на практикѣ скоро обнаружились нѣкоторыя злоупотребленія должниковъ и вообще недостаточная обезпеченность обязательствъ, соединенныхъ съ залогомъ имущества.

Допущеніе исключеній изъ основнаго принципа старшинства обязательствъ, при удовлетвореніи по нимъ, также не могло способствовать правомѣрному дѣйствію института ипотеки, но въ концѣ концовъ уклоненія практики отъ истиннаго назначенія института ипотеки, вызвали самую энергическую дѣятельность къ устраненію ихъ.

Такъ, извѣстно, между прочимъ что уже при Императорѣ Львѣ было принято начало публичности при установленіи залоговаго права. Мѣра эта была направлена на предупрежденіе случаевъ совершенія закладныхъ заднимъ числомъ. Не мѣсто здѣсь входить въ подробное перечисленіе всѣхъ мѣръ, вызванныхъ злоупотребленіями началомъ свободы залоговаго права.

Для насъ гораздо важнѣе замѣтить здѣсь, что римскій юридическій смыслъ слишкомъ былъ развитъ, чтобы понять, что обнаруженныя злоупотребленія залоговымъ правомъ сами по себѣ нисколько не подрывали основныхъ началъ ученія о правѣ залога; касаясь лишь области примѣненія этихъ началъ въ жизни, они вызывали необходимость только въ измѣненіи одной конструкціи института, для достиженія его практической пригодности, а не въ измѣненіи самыхъ основныхъ началъ залоговаго права.

Основнымъ началамъ римскаго ученія о залоговомъ правѣ суждено было перейдти въ юридическое сознаніе и другихъ народовъ. Германское право, подъ вліяніемъ ученыхъ романистовъ, весьма скоро усвоило себѣ эти начала. Но это, однако, не помѣшало ему выработать вполнѣ самобытную организацію института залоговаго права и такимъ образомъ, при сохраненіи основ-

ныхъ началъ римскаго ученія, послужить образцомъ новѣйшей системы залоговаго права подъ именемъ ипотечнаго права, системы дѣйствующей въ Западной Европѣ.

Основнымъ принципомъ организаціи института западной ипотеки является именно то чего не доставало въ римскомъ правѣ. Западная ипотека усвоила себѣ вмѣстѣ съ принципомъ гласности весьма важный принципъ *спеціальности*, залога вполнѣ обезпечивающаго и опредѣлительность и прочность залоговаго права.

Наше залоговое право также не явилось сразу въ видѣ законченнаго института.

Окончательное установленіе существа системы дѣйствующей у насъ и до сихъ поръ слѣдуетъ относить къ изданію банкротскаго устава (1800 г.).

Обращаясь къ разсмотрѣнію основныхъ началъ нашей системы, оказывается, прежде всего, что и у насъ залоговое право, по существу своему, является только средствомъ обезпеченія обязательства; при установленіи залоговаго права ни передача права собственности на заложенное имущество, ни владѣнія, по нашей системѣ, не допускаются. По нашему праву допускается обремененіе залоговымъ правомъ даже такого имѣнія, которымъ собственникъ самъ не владѣетъ.

Признаніе такого характера и значенія залоговаго права, по дѣйствующему у насъ законодательству, представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что въ немъ-то и заключается все основаніе для признанія всѣхъ другихъ началъ залоговаго права, выработанныхъ исторіею этаго института на западѣ.

Такимъ образомъ, продолжая разсмотрѣніе существа дѣйствующей у насъ системы залоговаго права, мы находимъ, что ей не чуждо и начало *спеціальности* залога. По закону залогу можетъ подлежать только часть цѣльнаго имѣнія и эта часть только и служитъ обезпеченіемъ обязательства.

Далѣе, хотя по закону и допускается залогъ нѣсколькихъ имѣній въ однѣ руки *по одному акту*, но и тогда требуется точное обозначеніе какая именно сумма долга лежитъ на каждой части цѣлаго залога (1644 ст.). Приведенныя узаконенія хотя и имѣютъ характеръ частныхъ предписаній, тѣмъ не менѣе не могутъ не служить вполнѣ достаточнымъ аргументомъ въ пользу признанія въ нашемъ законодательствѣ явныхъ признаковъ сознанія начала спеціализаціи залога. Но начало спеціальности весьма важное само по себѣ, представляется еще болѣе важнымъ вслѣдствіе того

что оно служитъ логическимъ основаніемъ и условіемъ для возможности стеченія нѣсколькихъ залоговыхъ правъ на одномъ и томъ же имѣніи. Строго отграничивая объемъ дѣйствія залоговаго права въ каждомъ данномъ случаѣ, начало спеціальности тѣмъ самымъ открываетъ логическую возможность установленія другихъ или другаго залоговаго права на томъ же имуществѣ въ той его части, которая остается свободною отъ обремененія старѣйшимъ залоговымъ правомъ.

Логическая связь начала спеціализаціи залога съ началомъ стеченія залоговыхъ правъ на одномъ и томъ же имѣніи настолько тѣсна, что признаніе его, при существованіи начала спеціальности залога, даже и не нуждается непремѣнно въ особомъ предписаніи закона. Отсутствіе формулированныхъ предписаній такого рода весьма обыкновенно въ законодательствахъ несовершенныхъ, казуистичныхъ и вообще чуждыхъ пріемамъ яснаго формулированія основныхъ началъ своихъ опредѣленій. Въ подобныхъ законодательствахъ основныя начала какого-либо ученія приходится извлекать изъ отдѣльныхъ опредѣленій объ отдѣльныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, безспорно, мы не найдемъ въ нашей дѣйствовавшей до 1862 года системѣ залоговаго права общаго опредѣленія по предмету возможности стеченія нѣсколькихъ залоговыхъ правъ на одномъ и томъ же имѣніи. Но въ законѣ между прочимъ есть опредѣленіе, по которому при казенныхъ подрядахъ и поставкахъ дозволяется принимать имѣніе по копіи свидѣтельства въ свободной части его цѣнности обезпеченіемъ другой операціи въ томъ же вѣдомствѣ. (1611 ст.). Изъ этого закона мы видимъ, что начало спеціальности залога уже получило свое логическое развитіе и не осталось безъ вліянія на дальнѣйшія опредѣленія закона относящіяся къ области практическаго примѣненія этого начала. Правда,—это вліяніе, по буквѣ закона, выразилось только въ отдѣльномъ случаѣ и притомъ въ такой сферѣ дѣйствія залоговаго права, которая по закону поставлена въ особыя условія. Но для того, чтобы умалить общее значеніе приведеннаго предписанія закона, какъ логическаго вывода изъ начала спеціализаціи залога нужно не только устранить признаніе этого начала спеціальности залога, по нашему дѣйствующему праву, но и указать на существованіе въ немъ прямаго предписанія закона, запрещающаго стеченія залоговыхъ

правъ на одномъ и томъ же имѣніи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не подходятъ подъ дѣйствіе 1611 ст.

Обыкновенно, въ подтвержденіе мнѣнія о существованіи въ законѣ прямаго запрещенія на обремененіе одного и того же имѣнія нѣсколькими залоговыми правами, ссылаются на 1630 ст., въ которой выражено, что имѣніе состоящее подъ запрещеніемъ или въ залогѣ не можетъ быть закладываемо въ другія руки.

По смыслу приведеннаго закона, повидимому, дѣйствительно представляется, что ни размѣры требованія, охраняемаго запрещеніемъ, ни размѣры требованія по залоговому праву по отношенію ко всей стоимости имѣнія не имѣютъ никакаго значенія: какъ бы ни были малы размѣры этихъ требованій, хотя бы цѣнность имѣнія въ нѣсколько разъ превышала ихъ, они, въ силу одного существованія своего, обременяютъ все имѣніе во всемъ его объемѣ.

Но останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣніи 1630 ст. нельзя не замѣтить, что законъ этотъ *во всемъ* своемъ содержаніи вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему придаютъ.

Оказывается, что содержаніе закона изложеннаго въ 1630 ст. вовсе не исчерпывается однимъ вышеприведеннымъ въ существѣ опредѣленіемъ его. Въ немъ заключается еще, и прежде всего, общее опредѣленіе, въ связи съ которымъ только и возможно правильно истолковать смыслъ приведеннаго выше опредѣленія.

Общее опредѣленіе 1630 ст. заключается въ томъ, что «принимать и отдавать въ залогъ можно только *свободное* имущество.»

Точный смыслъ этого общаго опредѣленія, самъ по себѣ, является прямымъ подтвержденіемъ основнаго начала залоговаго права, по коему залогъ служитъ только средствомъ обезпеченія залоговаго требованія и при томъ только въ размѣрахъ этого требованія. Для достиженія же цѣли дѣйствительнаго обезпеченія, безспорно, требуется прежде всего свободность имѣнія отъ обремененія другими требованіями, падающими на него по праву залога. Залоговое право, по существу своему, есть вполнѣ самостоятельное и при томъ исключительное право на чужое имущество, по сколько оно является обезпеченіемъ залоговаго требованія.

Поэтому для дѣйствительности этого права, безъ сомнѣнія, необходима свободность имѣнія. Таковъ по нашему мнѣнію, смыслъ общаго опредѣленія 1630 ст. Опредѣленіемъ этимъ, по нашему мнѣнію, нисколько не установляется запрещенія относительно возможности стеченія залоговыхъ правъ на одномъ и

томъ же имѣніи, поскольку свободность частей цѣнности имѣнія допускаетъ такое стеченіе. Такое истолкованіе общаго опредѣленія 1630 ст. вполнѣ согласуется и съ началомъ спеціальности залоговаго права, установленнымъ нашимъ законодательствомъ.

Кажется, слѣдуетъ признать, что, и разсматриваемые въ связи съ общимъ опредѣленіемъ, частные 2 пункта ст. 1630 не должны давать основанія къ заключенію о требованіи закона безусловной и всеобщей свободности имѣнія, а не частичной.

И дѣйствительно. Запрещая отдавать въ залогъ имѣніе, состоящее въ залогѣ, или подъ запрещеніемъ, законодатель, въ видѣ необходимаго послѣдствія за нарушеніе сего запрещенія, установилъ уголовное преслѣдованіе, въ одномъ случаѣ должника (и именно во второмъ), а въ другомъ чиновъ присутственнаго мѣста.

Уголовное преслѣдованіе есть послѣдствіе преступленія.

Преступность же отдачи въ залогъ имѣнія заложеннаго обусловлена намѣреніемъ должника воспользоваться кредитомъ (похитить) подъ мнимое обезпеченіе имѣнія не кредитоспособнаго, вслѣдствіе существующаго на немъ полнаго обремененія первымъ залоговымъ правомъ. Ссылка закона на 1705 ст. Улож. съ несомнѣнностью подтверждаетъ наше истолкованіе смысла запрещенія изложеннаго во 2 п. 1630 ст.

Такимъ образомъ нельзя не признать, что въ ст. 1630 заключается запрещеніе только на вторичный залогъ одного и того же имѣнія уже обремененнаго залогомъ т. е. несвободнаго во всей своей стоимости. Если бы законодатель имѣлъ въ виду воспретить залогъ и свободныхъ частей цѣнности имѣнія, при существованіи залогового права на другихъ частяхъ его, то объ уголовномъ преступленіи и преслѣдованіи должника за нарушеніе сего запрещенія не могло бы быть и рѣчи. Одно простое нарушеніе гражданскаго закона, при установленіи недозволеннаго права отношенія, можетъ за собою влечь только гражданскія же послѣдствія.

Говорятъ, что значеніе разсматриваемыхъ пунктовъ 1630 ст. въ смыслѣ гражданскихъ послѣдствій нарушенія запрещенія, заключающагося въ этихъ пунктахъ, состоятъ въ томъ, что залогъ заложеннаго или состоящаго подъ запрещеніемъ имѣнія *недѣйствителенъ*, слѣдовательно послѣдующіе залоги того же имѣнія не допускаются вообще.

Такое указаніе имѣло бы свое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы недѣйствительность втораго залога была единственнымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ нарушенія запрещенія изложеннаго въ 2-хъ пунктахъ 1630 ст. Но какъ выше указано, въ нарушеніи пунктовъ 1630 ст. законъ, прежде всего, усматриваетъ преступленіе должника. А извѣстно, что всякая гражданская сдѣлка, когда она является послѣдствіемъ преступленія (обмана) есть недѣйствительна.

Такимъ образомъ, кажется, здѣсь идетъ рѣчь о недѣйствительности сдѣлки (второмъ залогѣ) не самой по себѣ, что собственно имѣло бы значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ, а о недѣйствительности сдѣлки, являющейся послѣдствіемъ преступленія.

Совокупность приведенныхъ указаній, по нашему мнѣнію, даетъ полное основаніе заключить, что въ дѣйствующей у насъ до 1862 года системѣ залоговаго права, не заключалось прямыхъ запрещеній на залогъ свободныхъ частей цѣнности заложеннаго имѣнія, и что существованіе въ ст. 1611 спеціальнаго разрѣшенія на совершеніе вторичнаго залога одного и того же имѣнія въ свободной его части не слѣдуетъ разсматривать какъ исключеніе, оно вполнѣ согласуется съ основными началами ученія о залоговомъ правѣ, принятымъ нашимъ законодательствомъ.

Думаемъ, что только несовершенства законодательныхъ опредѣленій, ихъ казуистичность и неточность лишили законодателя возможности вполнѣ опредѣлительно и въ точной формулѣ выразить сознаваемыя имъ основныя начала залоговаго права. Появленіе закона 12 февраля 1862 года съ тѣмъ его содержаніемъ, какое въ немъ заключается можно объяснить только сознаніемъ законодателя необходимости наиболѣе опредѣлительнаго выраженія началъ положенныхъ имъ въ основаніе его ученія о залоговомъ правѣ.

По закону 12 февраля 1862 года помѣщичьи имѣнія заложенныя въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ дозволено закладывать, съ вѣдома спхъ установленій, въ другія руки.

За этимъ закономъ обыкновенно признаютъ чисто спеціальное значеніе, подобному опредѣленію 1611 ст. X т. 1 ч. и утверждаютъ, что онъ касается въ 1-хъ имѣній только помѣщичьихъ, а во 2-хъ заложенныхъ только въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Законъ этотъ, говорятъ далѣе, какъ въ вызван-

ный спеціальною потребностью, не можетъ быть распространяемъ въ своемъ примѣненіи. Самое же появленіе его уже есть доказательство отсутствія въ нашемъ дѣйствовавшемъ законодательствѣ того, что разрѣшаетъ новый законъ.

Едвали правильно изъ одного приведеннаго сопоставленія дѣлать столь важные выводы, какъ выводъ о существованіи въ старомъ законѣ запрещенія того, что разрѣшается новымъ закономъ. Если бы шла рѣчь о гражданскомъ кодексѣ имѣющемъ строгую систему и ясно выраженныя начала, то сопоставленіе подобное приведенному, могло бы имѣть свое основаніе. Но мы имѣемъ дѣло съ X т. 1 ч. свода гражд. законовъ, образовавшимся путемъ механическихъ наслоеній отдѣльныхъ опредѣленій и въ этомъ же смыслѣ продолжающимъ свое развитіе. Поэтому для изъясненія смысла и значенія закона необходимо, прежде всего вникнуть въ его буквальное содержаніе. Останавливаясь же на однихъ сопоставленіяхъ, можно придти къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ.

Такъ, нельзя не обратить вниманія на то, что какъ въ законѣ о правѣ залога свободныхъ частей одного и того же имѣнія при казенныхъ подрядахъ, такъ и въ законѣ 12 февраля 1862 года, законодателю пришлось провозглашать освобожденіе залоговаго права отъ стѣсненій въ такой области его дѣйствія, которая всегда находилась въ исключительномъ и даже привилегированномъ положеніи: въ области соприкосновенія залоговаго права съ казною.

Казалось бы такое освобожденіе залоговаго права менѣе всего соотвѣтствуетъ исключительнымъ интересамъ казны.

Не слѣдуетъ ли изъ такого сопоставленія заключить, что стѣсненія свободы залога, въ смыслѣ запрещенія стеченія залоговыхъ правъ на одномъ и томъ же имѣніи, и существовало только для уравненія казны въ этомъ отношеніи съ другими лицами и понадобились спеціальные законы, вызванные настоятельными требованіями современной экономической жизни. Представляется какъ бы непослѣдовательнымъ допустить противоположное заключеніе и признать, что право залога освобожденное въ соприкосновеніи своемъ съ казною, оставлено въ стѣсненіи въ отношеніи частныхъ сдѣлокъ. Мы охотно отказались бы отъ принятія приведенныхъ заключеній извлеченныхъ изъ сдѣланнаго нами сопоставленія, если бы они не подтверждались самымъ содержаніемъ закона 12 февраля 1862 года.

Въ законѣ этомъ выражено: «Долги государственнымъ кредитнымъ установленіямъ по первоначальному въ нихъ залогу имѣнія, отвѣтственность по выданнымъ для залога, въ дѣлахъ съ казною, копіямъ со свидѣтельствъ и *долги обезпеченные закладными на то же имѣніе*, а равно *запрещенія по всѣмъ симъ долгамъ не служатъ препятствіемъ къ совершенію новой закладной.*

Таково буквальное содержаніе новаго закона. При разсмотрѣніи его нельзя не обратить вниманія на подчеркнутыя нами выраженія его. Изъ выраженій этихъ съ очевидностью явствуетъ, что въ законѣ идетъ рѣчь о разрѣшеніи совершать вторыя закладныя не только на имѣнія заложенныя въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ или состоящихъ въ залогѣ въ дѣлахъ съ казною, но на имѣнія заложенныя *по закладнымъ*, т. е. обремененныя частнымъ залоговымъ правомъ какъ равно и на имѣнія, состоящія подъ запрещеніемъ по долгамъ всякаго изъ указанныхъ видовъ залога.

Между тѣмъ разсматриваемый законъ состоялся на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта «о нѣкоторыхъ льготахъ и обезпеченіяхъ помѣщикамъ и землевладѣльцамъ.» Такое спеціальное назначеніе закона, имѣвшаго своею прямою цѣлью облегченіе залоговъ помѣщичьихъ имѣній, заложенныхъ только въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, повидимому не представляло для законодателя ни повода, ни необходимости не только установлять какое-либо новое правило, касающееся общихъ началъ залоговаго права по дѣйствующему законодательству, но даже и затрогивать самый вопросъ объ этихъ началахъ. Спеціальная задача установленія нѣкоторыхъ «*льготъ*» одному классу общества, слишкомъ мало имѣетъ общаго съ задачей развитія самыхъ началъ залоговаго права. Тѣмъ не менѣе въ законѣ 12 февраля 1862 года заключаются вполнѣ опредѣлительныя указанія на счетъ возможности стеченія залоговыхъ правъ на одномъ и томъ же имѣніи и внѣ тѣхъ случаевъ, для которыхъ состоялся самый законъ.

Едва ли не слѣдуетъ изъ сего заключить, что законъ 12 февраля 1862 года въ отношеніи дозволенія залога свободныхъ частей цѣнности заложенныхъ имѣній между частными лицами только подтвердилъ то, что такъ сказать скрытымъ лежало въ основѣ дѣйствовавшей системы залоговаго права, скрытымъ только потому, что самое законодательство развивалось путемъ от-

дѣльныхъ законоположеній для отдѣльныхъ случаевъ, чему примѣромъ можетъ служить самъ же законъ 12 февраля 1862 года.

Точно также разсматриваемый законъ въ отношеніи залоговъ свободныхъ частей имѣній, состоящихъ въ залогѣ по дѣламъ съ казною, только подтвердилъ и безъ того существовавшее начало прямо выраженное въ законѣ, изображенномъ въ 1611 ст. X т. 1 ч.

Во всякомъ случаѣ изданіемъ закона 12 февраля 1862 г. вопросъ о правѣ залога между частными лицами свободныхъ частей заложеннаго имѣнія разрѣшился въ положительномъ смыслѣ. Въ виду этаго закона, надо думать, составлена и 1215 ст. Уст. Гр. Суд. предписывающая взысканіе по залогу производить *по старшинству закладныхъ*.

К. Ан—ровъ.

О ПОНЯТІИ НОЧНАГО ВРЕМЕНИ, КАКЪ УВЕЛИЧИВАЮЩАГО ВИНУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

(*Опытъ комментарія на ст. 1607, 1642, 1659 Уложе. о наказ. и 2 п. 170 уст. о наказ. налаг. миров. суд.*).

Есть юридическія понятія, которыя воплощаются въ выраженіяхъ, повидиму совершенно ясныхъ для каждаго, но технической смыслъ которыхъ въ сущности вовсе не является безспорнымъ и точно опредѣленнымъ. Что проще и яснѣе для каждаго какъ выраженіе „*ночь, ночное время*“. А между тѣмъ понятіе *ночи* въ уголовномъ правѣ являющееся увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, но не опредѣляемое въ большинствѣ случаевъ закономъ *), служитъ предметомъ споровъ и разногласій и въ судебной практикѣ и среди теоретиковъ-юристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія признаки этого понятія, гдѣ грань ночнаго и дневнаго времени, эти вопросы постоянно разрѣшались и разрѣшаются различно. Обыкновенно говорятъ, что общаго понятія ночи установить нельзя, что вопросъ о ночи можетъ быть разрѣшенъ исключительно по соображенію всѣхъ особенностей даннаго слу-

*) Къ немногимъ законодательствамъ, нормирующимъ понятіе *ночи* принадлежатъ кодексы Веймарскій, Саксенъ-Альтенбургскій, Базельскій, Люцернскій, Фрейбургскій, Ватландскій, и Цюрихскій. Въ первыхъ шести кодексахъ точно опредѣляется грань ночнаго и дневнаго времени: такъ Веймарскій кодексъ разумѣетъ подъ ночью время между 10 часовъ вечера и 4 часовъ утра въ періодъ съ 1-го апрѣля по 30-е сентября, и между 8-ми часовъ вечера и 5-ти часовъ утра съ 1-го октября по 30-е марта (ст. 152). Въ Цюрихскомъ кодексѣ ночью признается время, въ которое обитатели извѣстнаго дома или мѣстности обыкновенно предаются сну (ст. 212). Osenbrüggen, Casuistik des Criminalrechts (ст. 211).

чая и этимъ объясняется и оправдывается молчаніе закона. Но если уголовный законъ вообще затрудняется дать въ этомъ отношеніи точную формулу, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не должно было домогаться нахожденія раскрытія общихъ признаковъ занимающаго насъ понятія. Наука и судебная практика всегда стремилась установить руководящую нить при обсужденіи тѣхъ судебныхъ случаевъ, въ которыхъ появляется увеличивающее вину обстоятельство ночи и понятно почему: такая руководящая нить требуется вслѣдствіе настоятельныхъ потребностей уголовнаго судопроизводства. Такъ въ странахъ гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, предсѣдательствующій долженъ разъяснить присяжнымъ, какими соображеніями они должны руководствоваться при разрѣшеніи вопроса, было ли совершено преступленіе ночью, т. е. дать имъ общее опредѣленіе понятія ночнаго времени. Такъ, далѣе, по нашему уставу уголовнаго судопроизводства (ст. 760) самая постановка вопроса о *ночи* должна совершаться не посредствомъ помѣщенія въ вопросѣ законнаго термина (*ночное* время), а посредствомъ общеупотребительныхъ, описательныхъ выраженій, которыя должны заключать въ себѣ сущность этого понятія.

Изъ изложеннаго видно, что вопросъ о ночномъ времени имѣетъ интересъ не столько отвлеченный и теоретическій, сколько практическій. Въ настоящей статьѣ мы постараемся обозрѣть мнѣнія криминалистовъ и рѣшенія разныхъ судовъ относительно занимающаго насъ вопроса, что должно разумѣть на языкѣ закона подъ выраженіемъ *ночное время* и указать, на чемъ можно остановиться въ этомъ разнообразіи воззрѣній, какъ на прочномъ пріобрѣтеніи для судебной практики. Припомнимъ, что нашей русской судебной практикѣ приходится имѣть дѣло съ понятіемъ ночнаго времени въ раздѣлахъ уложенія о наказаніяхъ о грабежѣ и кражѣ (ст. 1642 и 1659) и въ раздѣлѣ о поджогѣ (ст. 1607). Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями также упоминаетъ о ночномъ времени, какъ увеличивающемъ вину обстоятельствѣ, въ кражѣ (п. 2 ст. 170). Чаще всего вопросъ о ночномъ времени возникаетъ въ дѣлахъ о кражѣ, по этому-то наши выводы будемъ преимущественно пріурочивать къ этому преступленію. И такъ что же такое *ночное время*, по мысли уголовнаго закона, какіе его признаки?

Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, приходится обращаться къ мотивамъ, руководившимъ законода-

теля къ созданію изъ понятія ночи увеличивающаго вину и отвѣтственность обстоятельства. Понятно, что если при равенствѣ всѣхъ другихъ условій изъ двухъ кражъ, та, которая совершена ночью, наказывается строже, значитъ ночное время признается съ одной стороны наиболѣе благопріятнымъ для преступника, а съ другой стороны наиболѣе опаснымъ для общества. Изъ этого слѣдуетъ, что ночное время будетъ синонимомъ того свойства, того признака ночи, который поощряетъ преступную дѣятельность и содѣлываетъ ее особо опасною. Какой же это признакъ? Криминалисты обыкновенно отвѣчаютъ на это: *ночной мракъ* и обусловленные имъ безмолвіе и уединеніе ночи (что хорошо обозначается напр. въ выраженіи „*глухая полночь*“): подъ покровомъ ночи воръ можетъ разсчитывать и на большій успѣхъ своего предпріятія и на меньшій рискъ *). И такъ первый существенный признакъ ночи, это *ночной мракъ* въ природѣ. Въ признаніи этого главнаго, физическаго признака ночи, сходится большинство теоретиковъ и практиковъ, но къ этому признаку нѣкоторые присоединяютъ еще и *другой*. Такъ, говорятъ, ночь не только облегчаетъ работу вора вслѣдствіе ночнаго мрака, она помогаетъ вору также вслѣдствіе наступающаго вмѣстѣ съ нею *состоянія сна и отдохновенія*, когда человѣкъ лишается возможности оберегать свои имущественныя права и сопротивляться пришельцу въ его жилищѣ. Такимъ образомъ являются слѣдовательно два признака ночи: *ночной мракъ* и *состояніе отдохновенія и сна*. Но чрезвычайно важно разрѣшить какой изъ этихъ признаковъ наиболѣе существенный, который изъ нихъ, такъ сказать, главный и который придаточный, менѣе важный, такъ какъ легко себѣ представить случаи, гдѣ они не совпадаютъ, гдѣ ночной мракъ безспорно на лицо, а между тѣмъ никто и не помышляетъ о снѣ, (что напр. бываетъ у насъ, въ Москвѣ, зимою около пяти, шести часовъ по полудни), или на оборотъ, люди преданы сну, а на дворѣ день. Въ этомъ отношеніи криминалисты и судебная практика расходятся. Такъ изъ французскихъ криминалистовъ Эли, Моленъ, Боатаръ указываютъ на ночной мракъ какъ существенный признакъ ночи въ глазахъ закона; мотивируя строгость закона къ ночному вору благопріятнымъ для совер-

*) Faustin Helie, Theorie du Code penal T. V. стр. 171.

шенія преступленія свойствомъ мрака *). Того же воззрѣнія держится нѣмецкій криминалистъ Меркель въ своей монографіи о кражѣ **); онъ опредѣляетъ ночь, какъ время, начинающееся съ наступленіемъ мрака и оканчивающееся съ разсвѣтомъ и замѣчаетъ, что если съ ночнымъ временемъ связывать единственно понятіе о времени *сна* и *спокойствія*, то это будетъ толкованіе произвольное. Иначе начала держится другой нѣмецкій криминалистъ, извѣстный въ наукѣ Саксонскій оберъ-прокуроръ Шварце. Въ монографіи своей, посвященной преступленію кражи съ увеличивающими обстоятельствами ***). Шварце опредѣляетъ ночь, какъ время ночнаго покоя, время ночнаго сна. Мотивомъ строгости закона къ преступленіямъ, совершеннымъ въ ночное время, по мнѣнію Шварце, является охрана ночнаго покоя. Но какъ точно ограничить этотъ періодъ отдохновенія отъ времени бодрствованія и дѣятельности? Тутъ являются затрудненія вслѣдствіе разнообразія привычекъ отдѣльныхъ лицъ и разнородныхъ условій, которыхъ не существуетъ, если принимать ночь за синонимъ ночнаго мрака. Шварце принимаетъ въ разсчетъ эти затрудненія и поэтому не хочетъ знать какой-нибудь презумпціи ночнаго покоя и сна; онъ отвергаетъ на этомъ основаніи одно рѣшеніе Прусскаго верховнаго трибунала, по которому разрѣшеніе вопроса, можно ли считать извѣстные часы въ теченіи сутокъ за *ночные*, должно совершаться не на основаніи спеціальныхъ условій даннаго случая или исключительныхъ особенностей образа жизни извѣстныхъ лицъ, а по соображеніи времени года и обычаевъ мѣстности или страны. Законодатель, говоритъ Шварце, отождествляетъ ночь съ ночнымъ покоемъ, ночь дѣйствительно предназначена для отдохновенія, но если въ какомъ-нибудь случаѣ предназначеніе *ночи* не осуществляется (т. е. люди бодрствуютъ) то и увеличеніе отвѣтственности не можетъ имѣть мѣста. Примѣненіе понятія ночи какъ общаго начала возможно, по мнѣнію Шварце, лишь

---

*) Faustin Helie. Theorie du Code penal loc. cit. Molenes, De l'humanité dans les lois criminelles стр. 432, Boitard leçons de droit criminel стр. 400.

**) См. Holtzendoff. Handbuch des deutschen Strafrechts T. 4 т. XXVII. Diebstahl und Unterschlagung fon Professor Dr. Merkel стр. 684. См. также статью Меркеля Diebstahl въ Holtzendorff Rechtslexicon I стр. 380.

***) Schwarze. Das Ferbrechen des ausgezeichneten Diebstahls nech den penen deutschen Gesetzbuchern стр. 173—177.

въ одномъ случаѣ когда кража совершена въ обычные часы ночнаго покоя, а между тѣмъ воръ не можетъ доказать, чтобы обитатели дома еще не ложились. Въ разъясненіе вышеизложенныхъ доводовъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ практики, гдѣ, по его мнѣнію, увеличивающее обстоятельство ночи немыслимо. Таковы похищеніе въ питейномъ домѣ послѣ десяти часовъ вечера верхняго платья одного изъ посѣтителей, или кража во время званаго ужина въ тѣ же часы вечера серебряной табакерки изъ висѣвшаго въ передней пальто одного изъ гостей, когда въ сосѣднихъ домахъ наступило полнѣйшее ночное спокойствіе, а тамъ, гдѣ давался ужинъ, господствовало оживленіе. Въ своемъ стремленіи къ индивидуализаціи понятія ночи Шварце доходитъ до признанія ночнаго времени даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ обитатели извѣстнаго жилища предаются покою до наступленія обще-обычнаго времени, если только обстоятельство это извѣстно вору, до признанія ночнаго времени въ одномъ изъ этажей и до отрицанія его въ другомъ изъ этажей одного и того же дома, смотря по наличности или отсутствію признака покоя. Мы съ умысломъ привели теорію Шварце съ большою подробностью; она замѣчательна послѣдовательностью начала индивидуализаціи вытекающаго изъ убѣжденія, что лишь такимъ образомъ возможно примѣненіе усиленной репрессіи закона сообразно его цѣли и справедливости *). Она имѣетъ также и многихъ послѣдователей изъ русскихъ криминалистовъ, къ воззрѣніямъ Шварце примыкаетъ Неклюдовъ **). Разсматривая преступленіе ночной кражи Неклюдовъ находитъ, что понятіе ночи слагается изъ двухъ признаковъ: а) потемокъ и в) успокоенія или сна. Первый признакъ можетъ быть уничтоженъ, по его мнѣнію, искусственнымъ свѣтомъ—освѣщеніемъ и за тѣмъ самое понятіе потемокъ исчезаетъ. Второму признаку Неклюдовъ придаетъ рѣшающее значеніе: „успокоеніе или сонъ самый существенный признакъ ночи". На этомъ основаніи, ссылаясь при томъ на единогласную практику западныхъ государствъ (что, какъ увидимъ, совсѣмъ невѣрно) Неклюдовъ исключаетъ понятія ночи при кражѣ изъ тѣхъ помѣщеній „гдѣ еще не улеглись и не успокоились, въ которомъ еще бодрству-

*) Schwarze loc cit. стр. 177.

**) Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права т. II. Преступленія и проступки противъ собственности 1876 г. стр. 148, 149.

ютъ или въ которомъ еще кипитъ полнѣйшая жизнь и движеніе". При этомъ приводятся примѣры, подобные приведенные у Шварце и допускается точно также какъ у Шварце различная квалификація двухъ кражъ, совершенныхъ одновременно изъ одного и тогоже дома, но изъ разныхъ этажей, при чемъ однако различеніе дѣлается не только по наличности или отсутствію состоянія покоя, но по соображеніи яркаго освѣщенія въ одномъ и потемокъ въ другомъ помѣщеніи. Въ концѣ концовъ Неклюдовъ впрочемъ обусловливаетъ признаніе кражи ночною тѣмъ случаемъ „когда судомъ будетъ установлено, что воръ совершилъ кражу пользуясь темнотою и сномъ ея владѣльцевъ". Однако тутъ-же авторъ дѣлаетъ оговорку, что понятіе ночи не зависитъ отъ того обстоятельства, дѣйствительно-ли спали обитатели извѣстнаго помѣщенія или только улеглись. Сходнаго съ Неклюдовымъ воззрѣнія держится, повидимому, Лохвицкій, утверждая, что ночь слѣдуетъ разумѣть въ общественномъ смыслѣ, т. е. когда люди преданы сну, при чемъ также голословно ссылается на западную практику *).

Читатель видитъ такимъ образомъ, что при установленіи понятія о ночномъ времени криминалисты распадаются на двѣ группы, изъ коихъ каждая выставляетъ какой-либо одинъ моментъ ночнаго времени (*ночной мракъ* или *состояніе сна* и *успокоенія*) и придаетъ одному какому-либо моменту первенствующее значеніе. Но сверхъ этихъ двухъ, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга группъ, мы видѣли у Неклюдова воззрѣніе, которое хотя ближе всего и подходитъ къ теоріи ночного покоя, тѣмъ не менѣе повидимому придаетъ значеніе и моменту мрака или потемокъ, по выраженію этого автора. Но моментъ мрака понимается Неклюдовымъ своеобразно: это не только отсутствіе солнечнаго свѣта и мракъ въ природѣ, а также отсутствіе искусственнаго свѣта, такъ, что по мнѣнію Неклюдова, яркое освѣщеніе бальной залы или улицы уничтожаетъ призракъ мрака и понятіе ночи. На какой же сторонѣ, спрашивается, лучшее право? Мы, не колеблясь, становимся на сторону тѣхъ цитованныхъ нами французскихъ юристовъ и нѣмецкаго Меркеля, которые отождествляютъ понятіе ночи съ признакомъ *ночнаго мрака*. Въ самомъ дѣлѣ, кладя этотъ признакъ въ основу разбираемаго понятія,

*) Курсъ русскаго уголовнаго права изд. 2-е стр. 223.

мы получаемъ чрезвычайно твердое, опредѣленное представленіе, а опредѣленность и твердость—это необходимость въ юридическихъ понятіяхъ; этотъ признакъ легко распознаваемъ въ каждомъ данномъ случаѣ, онъ не подаетъ поводъ къ сомнѣніямъ и колебаніямъ вслѣдствіе своей неизмѣнности и всеобщности, свойственной ему наравнѣ съ другими законами природы. Стоитъ только сравнить съ нимъ моментъ *ночнаго покоя*: если держаться системы Шварце и внимательно разсматривать каждый отдѣльный случай, сколько можетъ возникать сомнѣній и разнообразныхъ воззрѣній. При кражѣ, совершенной изъ извѣстнаго дома, будетъ-ли кража ночною, если напр. прислуга уже спала, а хозяева бодрствовали или наоборотъ? Мы видѣли у Неклюдова, что для признанія кражи ночною, онъ не требуетъ, чтобы люди уже спали, а только улеглись на покой и эта уступка вытекаетъ изъ сознанія невозможности уловить во множествѣ случаевъ перехода отъ приготовленія ко сну къ дѣйствительному сну и успокоенію. А между тѣмъ мы можемъ себѣ представить примѣры, гдѣ люди дѣйствительно улягутся съ намѣреніемъ уснуть, но долгое время будутъ бодрствовать (какъ отъ безсонницы), а потому кража, совершенная въ такой моментъ, слѣдуя строго началу *ночнаго покоя* и *сна*, должна была бы считаться не ночною. И такъ первое возраженіе наше противъ оспариваемой нами теоріи—это шаткость ея исходной точки, непригодность ея въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что для того, чтобы увеличивающее обстоятельство могло быть справедливо вмѣнено въ вину вору, нужно, чтобы онъ, по собственной волѣ, избралъ тотъ способъ дѣйствія, съ которымъ законъ связываетъ усиленіе кары. Если наприм. законъ особенно наказываетъ кражу, при совершеніи которой воръ имѣлъ при себѣ оружіе, то этотъ законъ не будетъ примѣняться къ тѣмъ случаямъ, гдѣ кража была совершена изъ комнаты, въ которой было развѣшено по стѣнамъ оружіе, хотя бы даже самая кража заключалась въ похищеніи найденнаго оружія. Теперь соображая моментъ ночнаго *покоя* по отношенію къ волѣ преступника, мы должны признать, что увеличивающее обстоятельство ставится внѣ воли субъекта преступника. Мы можемъ сказать, что избраніе часа ночной темноты для совершенія преступленія совершенно зависитъ отъ плана и соображеній вора; но нахожденіе имъ обитателей извѣстнаго жилища спящими или бодрствующими будетъ во множествѣ слу-

чаевъ отъ вора не зависѣть, а слѣдовательно усиленная кара будетъ обусловлена не особой преступностью умысла, а случайностью. Если бы приверженцамъ теоріи ночнаго покоя захотѣлось бы устранить это возраженіе, то имъ пришлось бы требовать разрѣшенія въ каждомъ случаѣ того вопроса: зналъ ли воръ, проникая въ чужое жилище, что онъ застанетъ тамъ спящихъ людей? и допускать квалификацію лишь при утвердительномъ отвѣтѣ. Но такое требованіе разумѣется было бы абсурдомъ. Наконецъ противъ теоріи ночнаго покоя есть и третье, наиболѣе существенное возраженіе. Мы указывали въ началѣ на несомнѣнный фактъ удобства и облегченіе доставляемаго ночнымъ мракомъ для преступной дѣятельности. Этотъ фактъ совершенно игнорируется, когда центръ тяжести понятія ночнаго времени переносится исключительно на сонъ. Припомнимъ примѣры Шварце о кражѣ верхняго платья изъ питейнаго дома, о кражѣ серебряной табакерки во время званаго ужина. Въ этихъ случаяхъ Шварце только потому отвергать квалификацію, что въ мѣстахъ совершенія кражи ночной покой еще не наступилъ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе, что при наличности обстоятельствъ, приводимыхъ въ этихъ двухъ примѣрахъ, воръ могъ дѣйствовать подъ условіями, для него особо благопріятными: внѣ питейнаго дома и помѣщенія, гдѣ дается вечеръ, ночь съ обусловленными ею явленіями, мракомъ и малочисленностью людей на улицѣ, по этому вору проникнуть для совершенія кражи несомнѣнно легче, чѣмъ днемъ, точно также гораздо легче ускользнуть незамѣтно и припрятать украденное въ надежное мѣсто. Спрашивается, есть ли какое-нибудь разумное основаніе не признавать *ночною* кражу, совершенную при такихъ условіяхъ, не существующихъ днемъ? Если такимъ образомъ на основаніи теоріи *ночнаго покоя* и сна преступникъ во многихъ случаяхъ будетъ избавленъ отъ усиленнаго наказанія, то съ другой стороны эта теорія должна приводить къ ненормальному усиленію отвѣтственности обвиняемаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ возьмемъ кражу совершенную въ лѣтнее время около восьми часовъ утра изъ какого нибудь обитаемаго дома. Солнце давно на небѣ, вездѣ давно кипитъ утренняя жизнь, неужели же кража будетъ признана ночною, потому что обитатели извѣстнаго помѣщенія, изъ коего совершена кража, одни погружены въ сонъ и отдохновеніе. Это будетъ очевидно несправедливо, но оставаясь послѣдовательными, приверженцы начала ночнаго покоя

должны признавать кражу при указанныхъ условіяхъ *ночною;* въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ того, что предназначеніе ночи—покой, они не въ силахъ однако опредѣлить, сколько же часовъ долженъ продолжаться *ночной покой.*

Намъ остается еще прежде чѣмъ покончить съ теоріей *ночнаго покоя* разсмотрѣть тѣ воззрѣнія, которыя, примыкая къ ней, придаютъ искусственному освѣщенію силу парализовать понятіе ночи. Теорія ночнаго покоя вообще совершенно игнорируетъ признакъ мрака, признакъ физическій, противупоставляя ему признакъ общественный; но нѣкоторые приверженцы этой теоріи отводятъ извѣстное время физическому признаку, какъ мы видѣли у Неклюдова, и стараются лишь парализовать его значеніе, противупоставляя естественному мраку искусственное освѣщеніе, приравнивая послѣднее къ дневному свѣту. Вопросъ о значеніи искуственнаго освѣщенія представлялся въ 1813 г. во Франціи кассаціонному суду, который призналъ «что установляя ночное время какъ увеличивающее обстоятельство законъ не ставилъ это понятіе въ зависимость отъ какихъ-либо случайныхъ явленій *). Мы съ своей стороны полагаемъ, что та же шаткость и колебаніе, къ которымъ приводится практика принятіемъ теоріи ночнаго покоя, связываются съ принципомъ искусственнаго освѣщенія. Можно спросить какая степень освѣщенія необходима для того, чтобы уничтожать понятіе ночи? если кража изъ бальной залы ярко освѣщенной не будетъ ночная, въ смыслѣ закона, то будетъ ли ночной кража изъ комнаты сосѣдней, менѣе или почти неосвѣщенной? Не ясно ли, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ произвольное. Мы встрѣчаемся здѣсь съ узкостью воззрѣнія, которая не обнимая цѣлостной обстановки, ограничивается отдѣльной комнатой, отдѣльнымъ домомъ. Что за дѣло, что кража будетъ совершена изъ освѣщеннаго дома, и отчего совершившій ее воръ будетъ наказанъ менѣе строго, чѣмъ воръ, забравшійся въ темное помѣщеніе, если оба они немедленно затѣмъ скрываются въ мракѣ, лежащемъ на улицахъ?

Мы показали, почему теорія ночнаго покоя должна быть признана несостоятельною для объясненія понятія ночи: за устра-

*) Codes annotés de Firey, Code penal, ст. 510.

неніемъ ея остается опредѣлить *ночь* какъ *время ночнаго мрака.* При такомъ опредѣленіи мы не думаемъ окончательно игнорировать значеніе ночнаго покоя и сна: этому элементу мы также придаемъ значеніе, но лишь второстепенное, придаточное, значеніе явленія обыкновенно бывающаго одновременно съ ночнымъ мракомъ, но могущаго и не быть. Въ нашей прежней русской, а равно въ западной практикѣ найдемъ рѣшенія, дающія одинаковое съ нашимъ опредѣленіе ночи. Такъ въ прежней практикѣ Государственнаго Совѣта ночь опредѣлялась какъ промежутокъ между заходомъ и восходомъ солнца. Точно такое же истолкованіе давалось французскимъ кассаціоннымъ судомъ въ рѣшеніяхъ 12 февраля 1813, 28 іюля 1813 и 11 марта 1830 года *). Мы видимъ въ этихъ опредѣленіяхъ ночи первую попытку къ установленію разбираемаго понятія въ защищаемомъ нами смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ основаніи рѣшеній какъ нашего Государственнаго Совѣта, такъ и французскаго кассаціоннаго суда безъ сомнѣнія лежитъ мысль, что ночь—это отсутствіе дневнаго свѣта и время наступленія мрака. Но нельзя не замѣтить, что эта мысль не совсѣмъ удовлетворительно выражена. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ захода солнца еще долго въ извѣстное время года бываетъ свѣтло. Точно также задолго до появленія солнца на горизонтѣ уже бываетъ свѣтло. Эти возраженія противъ приведеннаго истолкованія ночи французскимъ кассаціоннымъ судомъ повели къ новому опредѣленію, которое чрезвычайно отчетливо формулировано въ рѣшеніи Нимскаго суда 17 марта 1829 года. Мы приводимъ по этому мотивы этого рѣшенія:» хотя бы извѣстная кража была совершена послѣ захода и до восхода солнца, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы кража была совершена ночью; въ самомъ дѣлѣ между заходомъ солнца и ночью есть вечернія сумерки, какъ между разсвѣтомъ и восходомъ солнца—утренняя заря; промежутокъ между заходомъ и восходомъ солнца не наполняется ночью, въ этотъ промежутокъ входитъ вечерняя и утренняя заря; кража, совершенная во время вечернихъ сумерокъ или во время разсвѣта не можетъ считаться совершенною ночью, хотя бы она и происходила въ промежутокъ между заходомъ и восходомъ солнца». Это

*) Codes annotés de Firey loc. cit.

опредѣленіе Нимскаго суда, какъ видно совпадаетъ съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ Меркеля. Его одобряютъ также вышепоименованные криминалисты Моленъ и Эли, изъ которыхъ послѣдній, требуя для ночи совершеннаго отсутствія дневнаго свѣта, замѣчаетъ при этомъ, что какъ только слабый свѣтъ занимается на горизонтѣ, такъ уже воръ теряетъ помощь ночи *).

А. Вульфертъ.

*) Molénes, Hélie loc. cit.

КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ

ВЛАДИМІРСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

(Продолженіе).

Заочныя рѣшенія.

Постановленіе заочныхъ рѣшеній случается очень рѣдко; въ большей части волостей неявка отвѣтчика влечетъ за собою указанныя выше взысканія, и разборъ дѣла откладывается до слѣдующаго засѣданія. Изъ 12 волостей Владимірской губерніи только въ одной Боголюбовской, въ случаѣ неявки отвѣтчика, постановляется *заглазное* рѣшеніе въ пользу истца; въ одномъ изъ рѣшеній суда этой волости, по дѣлу о неплатежѣ по росписки 10 руб., судъ нашелъ жалобу просителя основательною, а отвѣтчика виновнымъ, такъ какъ онъ «отъ явки на судъ укрывается, вѣроятно потому, что не можетъ себя оправдать». *) Впрочемъ и въ Боголюбовской волости постановленіе заочныхъ рѣшеній не составляетъ общаго правила, такъ какъ изъ одного рѣшенія того же суда видно, что отвѣтчикъ, за неявку на судъ безъ уважительныхъ причинъ, былъ подвергнутъ аресту на 3 дня, а разбирательство дѣла было отложено до слѣдующаго засѣданія (7—62).

Изъ 42 волостей Московской губ. только въ двухъ, Кіясовской и Кукаринской, волостные судьи показали, что, въ случаѣ

*) Рѣшеніе Боголюбовскаго волостнаго суда за № 6, стр. 63.

неявки отвѣтчика, они постановляютъ заочныя рѣшенія; кромѣ того въ волостяхъ Зюзинской, Хатунской и Глазовской, хотя крестьяне и говорили членамъ коммисіи, что суды заочныхъ рѣшеній не постановляютъ, но изъ рѣшеній судовъ этихъ волостей видно, что заочные приговоры ими, хотя, правда, очень рѣдко,— постановляются. Такъ Зюзинскій волостной судъ въ 1871 г. постановилъ заочное рѣшеніе по жалобѣ крестьянина З. на крестьянина Т. въ неотдачѣ по росписке долга въ 19 руб., причемъ руководствовался 81 и 145 ст. уст. гражд. судопроизводства, (7—97); Хатунскій волостной судъ въ томъ же 1871 году постановилъ заочное рѣшеніе по дѣлу о потравѣ, такъ какъ отвѣтчикъ не являлся въ судъ по четыремъ вызовамъ (74—187); Глазовскій волостной судъ, въ томъ же году, по жалобѣ крестьянина Ф. на крестьянина Н. за невозвращеніе ему бичевы и денегъ 2 р. 50 к., постановилъ заочное рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ не только взыскать съ крестьянина Н. въ пользу Ф. 10 руб., денегъ, но и наказать Н. розгами 10 ударами за неисполненіе приказанія волостнаго старшины—неявку на судъ (9—290).

Впрочемъ въ Зюзинской, Хатунской и Глазовской волости рѣшенія судовъ, которыя мною здѣсь приведены, постановленіе заочныхъ рѣшеній представляется совершенно исключительнымъ, такъ какъ изъ всѣхъ рѣшеній судовъ этихъ волостей помѣщенныхъ во 2 т. трудовъ коммисіи, я только и нашелъ три указанныя здѣсь заочныя рѣшенія; такимъ образомъ, безъ всякой натяжки можно сказать, что обычай постановлять заочныя рѣшенія существуетъ только въ двухъ названныхъ выше волостяхъ Московской губ.—Кіясовской и Кукаринской, и одной Владимірской губ.—Боголюбовской, а въ остальныхъ встрѣчается только какъ исключеніе, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Въ Соголевской волости членамъ коммисіи было заявлено, что «заочныхъ рѣшеній не постановляютъ, такъ какъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ разъяснилъ, что это закономъ не дозволено, но что дозволить волостнымъ судамъ рѣшать дѣла заочно, когда отвѣтчикъ, вызванный на судъ, не явился, было бы очень полезно». Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ крестьянъ Соголевской волости, такъ какъ предоставленіе волостнымъ судамъ права постановлять заочныя рѣшенія уничтожило бы необходимость прибѣгать къ тѣмъ карательнымъ мѣрамъ, которыя теперь примѣняются волостными судами по отношенію къ неяв-

ляющимся на судъ отвѣтчикамъ; при допущеніи заочныхъ рѣшеній будетъ, конечно, необходимо уничтожить право волостныхъ судовъ налагать на отвѣтчиковъ взысканія за неявку въ судъ, такъ какъ безъ этаго волостные суды могутъ, постановивъ заочное рѣшеніе, еще и наказать неявившагося отвѣтчика, какъ это и сдѣлалъ Глазовскій волостной судъ, наказавшій розгами, за неявку, отвѣтчика, по дѣлу котораго постановлено было имъ заочное рѣшеніе (9—290); уже одно постановленіе заочнаго рѣшенія создаетъ отвѣтчику извѣстное неудобство, и подвергать его еще какому нибудь взысканію—значило бы противорѣчить народной пословицѣ—«съ однаго вола двухъ шкуръ не дерутъ». Необходимость допустить заочныя рѣшенія вызывается уже и тѣмъ, что многіе отвѣтчики дѣйствительно «упорно» не являются въ судъ и тѣмъ безконечно затягиваютъ дѣло, во вредъ интересамъ истца: изъ приведеннаго выше рѣшенія Хатунскаго волостнаго суда за № 74 видно, что отвѣтчикъ не являлся по вызову 4 раза; въ Вохринской волости, Московской губерніи, судьи жаловались членамъ коммисіи, что „теперь отвѣтчики и свидѣтели часто на судъ по вызову не являются, такъ что разовъ 4, 5, приходится откладывать разборъ за неявкою“.

Отводъ судей.

Въ засѣданіяхъ волостнаго суда участвуютъ обыкновенно не менѣе 3-хъ судей; въ одной только волости, Сандыревской, случается, что въ разбирательствѣ участвуютъ только 2 судей, «если третій не придетъ», въ случаѣ отвода отведенные судьи замѣщаются кандидатами или запасными судьями. Слѣдующія причины служатъ поводомъ къ отводу судей: родство, кумовство, и подкупъ деньгами или угощеніемъ; указанныя причины отвода наиболѣе часто встрѣчаются; въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ нимъ присоединяются еще: дружба съ кѣмъ-либо изъ тяжущихся (вол. Ногатинская, Кіясовская, Бородинская, Серединская, Бухоловская, Дубровицкая, Молодинская), злоба (вол. Кіясовская, Бородинская, Серединская, Бухоловская, Молодинская), свойство (вол. Бородинская, Серединская, Бухоловская, Дубровицкая, Молодинская), хлѣбосольство (вол. Пехорская, въ которой крестьяне говорили, что судьи могутъ быть отводимы по заявленію одной стороны о томъ, что судья состоитъ съ другой стороной

въ дружбѣ, родствѣ или *хлѣбосольствѣ*), сватовство (Боголюбовская вол.).

Въ Ямкинской волости единственнымъ поводомъ къ отводу судей служитъ родство, „такъ какъ трудно доказать отводъ, что судья находится съ тяжущимся въ дружбѣ или враждѣ, или что судья подкупленъ подарками или угощеніемъ“ (стр. 155).

Въ Ильинской волости отвода судей вовсе не бываетъ, даже если судья родственникъ тяжущимся, потому что „вѣдь онъ не одинъ сидитъ“.

Въ Соголевской волости отвода противъ судей никогда не заявлялось.

Объ отводѣ судей обыковенно заявляютъ волостному старшинѣ, который, если найдетъ отводъ уважительнымъ, устраняетъ судью; въ нѣкоторыхъ волостяхъ отводы судей дѣлаются самимъ старшиною, безъ особаго заявленія сторонъ, (волость Станковская, Владимірской губерніи), въ Ногатинской волости Московской губерніи, если нѣтъ отвода, то судьи сами себя никогда не устраняютъ отъ дѣлъ, хотя бы пришлось судить дѣло о ближайшемъ родственникѣ; въ Гжельской и Вохринской волостяхъ, если между судьями есть родственникъ истца или отвѣтчика, то онъ или самъ уходитъ, или старшина его устраняетъ; въ Непецинской волости «въ случаѣ родства кого-либо изъ судей съ истцомъ или отвѣтчикомъ, такой судья въ дѣло не вступается, или самъ уходитъ отъ разбора, если противникъ его роднаго того потребуетъ» (стр. 463).

Такимъ образомъ, въ случаѣ признанія отвода уважительнымъ, судей устраняетъ отъ разбора дѣлъ волостной старшина, по заявленію сторонъ или по собственному усмотрѣнію, или же судьи устраняются сами.

Порядокъ разбирательства дѣлъ въ волостномъ судѣ.

Разсмотрѣвъ порядокъ подачи жалобъ, вызова сторонъ и свидѣтелей, отвода судей, я считаю необходимымъ перейти къ изложенію того порядка, который принятъ волостными судами при самомъ разборѣ подлежащихъ ихъ сужденію дѣлъ.

Обыкновенный порядокъ разбирательства дѣлъ въ волостныхъ судахъ состоитъ въ слѣдующемъ: судьи прежде всего спрашиваютъ истца въ чемъ его жалоба состоитъ, потомъ отвѣтчика

что онъ можетъ объяснить противъ жалобы; послѣ обмѣна возраженій между истцомъ и отвѣтчикомъ, обмѣна, продолжающагося иногда очень долго, какъ это можно видѣть изъ отчетовъ о засѣданіяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ во 2 т. трудовъ коммиссіи, *) судьи стараются помирить тяжущихся, и, если примиреніе состоится, то писарь сейчасъ же пишетъ мировую, которая и подписывается сторонами (такія мировыя въ книгу рѣшеній вносятся рѣдко), если же стороны не согласятся покончить дѣла миромъ, то судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію доказательствъ. Допросъ свидѣтелей производится, большею частью въ присутствіи тяжущихся, и свидѣтели допрашиваются обыкновенно по одиначкѣ; **) въ дѣлахъ же, по которымъ требуется произвести мѣстное дознаніе, осмотръ или освидѣтельствованіе, производство ихъ поручается обыкновенно старостѣ съ добросовѣстными, которые рѣдко составляютъ актъ осмотра, а по большей части сообщаютъ суду на словахъ о результатахъ его; иногда, впрочемъ рѣдко, судъ самъ производитъ мѣстное дознаніе для провѣрки показаній сторонъ, преимущественно въ дѣлахъ о потравахъ, запахиванья полей, закосахъ сѣна и т. п. Случается также что судъ, по дѣламъ, по которымъ очень много свидѣтелей, выѣзжаетъ для опроса ихъ на мѣсто ихъ жительства.

За разсмотрѣніемъ доказательствъ слѣдуетъ постановленіе рѣшенія, для чего судьи не удаляются въ особую комнату, а совѣщаются въ той самой, въ которой производится и все разбирательство; въ этихъ совѣщаніяхъ принимаютъ обыкновенно большое участіе волостной писарь, а часто и волостной старшина, которые указываютъ на подходящіе къ дѣлу законы и совѣтуютъ судьямъ постановить то или другое рѣшеніе.

Рѣшеніе объявляется сторонамъ, причемъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ заявлено неудовольствіе, рѣшенія обыкновенно не исполняются въ теченіе мѣсяца.

---

*) См. стр. 3—8, 113—115, 136, 143, 377, 381.

**) Въ Вязниковской волости Владимірской губерніи свидѣтели допрашиваются порознь только по тѣмъ дѣламъ, которыя „по важнѣй“ въ трехъ волостяхъ допрашиваются по всѣмъ дѣламъ всѣ вмѣстѣ, въ трехъ волостяхъ — порознь, но въ отсутствіи тяжущихся; если на дознаніи, произведенномъ старостою съ добросовѣстными, свидѣтели были допрошены, то на судѣ они обыкновенно не допрашиваются вторично.

Разсмотрѣвъ общій порядокъ разбирательства въ волостныхъ судахъ, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя занимаютъ довольно важное мѣсто въ производствѣ дѣлъ на волостныхъ судахъ, и прежде всего изложить условія дачи свидѣтельскихъ показаній.

Показанія свидѣтелей.

Присяга на волостныхъ судахъ не употребляется, и свидѣтели нигдѣ не присягаютъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ судьи, передъ допросомъ свидѣтелей, предупреждаютъ ихъ объ обязанности, „показывать святую правду“, въ другихъ свидѣтели божатся въ томъ, что будутъ показывать правду „какъ передъ Богомъ“ или же, передъ дачей показаній, судьи говорятъ свидѣтелямъ, чтобы они *перекрестились на Спасителя* (Всеюдичевской вол. Влад. губер.)

Не всѣ свидѣтели признаются годными къ дачѣ показаній, и стороны имѣютъ право отвода свидѣтелей. Причины отвода свидѣтелей почти тѣ же, которыя указаны при разсмотрѣніи отвода судей: въ числѣ поводовъ къ отводу свидѣтелей первое мѣсто занимаетъ родство ихъ съ однимъ изъ тяжущихся, затѣмъ кумовство, дружба и вражда; въ Гжельской волости поводомъ негодности свидѣтеля признается вообще его неблагонадежность; въ Чаплыженской волости также „свидѣтелямъ, роднымъ тяжущихся, а также людямъ худымъ, судъ не вѣритъ, если бы даже ихъ и не устраняли стороны“ (стр. 429).

Заявленія объ отводѣ свидѣтелей дѣлаются судьямъ, которые, если признаютъ причины отвода уважительными, устраняютъ свидѣтелей; въ нѣкоторыхъ волостяхъ свидѣтели устраняются непосредственно самими судьями, безъ заявленія о томъ сторонъ, а въ Парфентьевской и Троицко-Голенищевской волостяхъ, свидѣтелей, устраняетъ и волостной старшина, въ тѣхъ случаяхъ, когда у него есть причины предполагать, что свидѣтель скроетъ истину или же дастъ лживое показаніе.

Въ ряду другихъ доказательствъ, употребляемыхъ на волостныхъ судахъ, свидѣтельскія показанія занимаютъ преобладающее мѣсто и имѣютъ преимущественное, передъ другими доказательствами, значеніе: они принимаются во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, ими можно, въ большинствѣ случаевъ, доказывать и отдачу денегъ взаймы, и уплату долга, и вообще

всякаго рода сдѣлки; „откуда взять другихъ доказательствъ при нашей неграмотности“, говорили членамъ коммисіи въ Пехорской волости.

Письменные документы.

Въ нѣкоторыхъ впрочемъ волостяхъ письменнымъ документамъ отдаютъ предпочтеніе передъ свидѣтельскими показаніями; такъ въ Зюзинской волости, Московской губерніи, крестьяне говорили, что „если одна сторона представитъ свидѣтелей, а другая письменныя доказательства, то *документъ считается по важнѣй* (стр. 92), въ Ногатинской и Буньковской волостяхъ письменнымъ документамъ отдаютъ также преимущество передъ свидѣтельскими показаніями, „такъ какъ свидѣтелей иногда и подкупаютъ“. (стр. 142); въ Троицко-Голенищевской хотя крестьяне и говорили, „что свидѣтелями можно доказывать всякое дѣло, даже и долгъ взыщется, если удостовѣрятъ свидѣтели“, но при этомъ прибавили, что „въ настоящее время что-то мало бываетъ такихъ случаевъ, чтобы одинъ давалъ другому деньги безъ росписки, должно быть люди стали теперь или умнѣе, или недобросовѣстнѣе; теперь на волостномъ судѣ зачастую производятся дѣла о взысканіи денегъ по векселямъ“. (стр. 111).

Для того чтобы документы имѣли доказательную силу, требуется чтобы они были подписаны тѣмъ лицомъ, которое ихъ выдало, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ—чтобы они были, кромѣ того, явлены и засвидѣтельствованы въ волостномъ правленіи. Письменные документы, подписанные крестами (что очень распространено при безграмотности большинства крестьянъ) въ нѣкоторыхъ волостяхъ вовсе не принимаются за доказательство, въ другихъ, въ случаѣ спора противъ такихъ документовъ, они должны быть подтверждены свидѣтелями; росписки, выданныя за неграмотныхъ другими лицами, имѣютъ силу доказательства только въ томъ случаѣ, если выдавшій ихъ не отрицаетъ своего долга и если подпись не оспаривается.

Освидѣтельствованія, осмотры, спросъ окольныхъ и свѣдущихъ людей.

Кромѣ свидѣтельскихъ показаній и письменныхъ документовъ, судъ, для лучшаго выясненія дѣла, прибѣгаетъ иногда къ осмот-

рамъ на мѣстѣ и освидѣтельствованію, а, при неимѣніи свидѣтелей, и къ спросу окольныхъ людей. Впрочемъ осмотры, какъ было сказано выше, производятся обыкновенно не самими судьями, а старостою съ понятыми, по поводу чего крестьяне Ивановской волости, Владимірской губерніи, говорили членамъ коммисіи, что было бы лучше, если бы судьи сами дѣлали осмотры.

Въ случаѣ разногласія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, судъ, для выясненія дѣла, передопрашиваетъ иногда свидѣтелей на очныхъ ставкахъ. Если же дѣло свидѣтельскими показаніями вообще не выясняется, то судъ старается добиться до истины черезъ опросы окольныхъ жителей, сосѣдей и свѣдущихъ людей. Такъ по одному дѣлу, разбиравшемуся въ Кіясовскомъ волостномъ судѣ, встрѣтилась надобность опредѣлить, какой работы полусапожки, составлявшіе предметъ спора: для этого судъ пригласилъ свѣдущихъ людей, сапожниковъ, и, кромѣ того, полусапожки примѣрялись, въ присутствіи суда, жалобщицею, утверждавшей, что полусапожки, о которыхъ шла рѣчь, принадлежатъ ей, и, на основаніи заключеній свѣдущихъ людей и опыта надѣванія полусапожекъ, судъ постановилъ рѣшеніе, которымъ полусапожки были присуждены въ пользу жалобщицы (26—167); въ томъ же волостномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ крестьянина Б. на крестьянина Ш. за неплатежъ денегъ за семилѣтнее пользованіе чаномъ, за что Б. просилъ взыскать съ Ш. 35 руб.; судъ, выслушавъ заключеніе свѣдущихъ людей, опредѣлившихъ стоимость солки въ чанѣ около 70 пудовъ въ годъ—3 руб., постановилъ: взыскать съ крестьянина Ш. въ пользу крестьянина Б. за держаніе чана въ теченіе 7 лѣтъ, по оцѣнкѣ свѣдущихъ людей, по 3 руб. въ годъ, а всего 21 р. (21—174).

Въ дѣлахъ о побояхъ часто примѣняется осмотръ потерпѣвшаго; такъ въ Селпнскомъ волостномъ судѣ, при разборѣ жалобы крестьянки Л. Е. на мужа своего С. Ф. за то, что онъ побилъ ее палкою, судъ произвелъ осмотръ, по которому оказалось, что на Л. Е., по прошествіи уже недѣли, имѣются знаки палки (мужъ утверждалъ, что онъ только ударилъ ее кнутомъ раза два), почти вся лѣвая ляжка въ синихъ пятнахъ, почему судъ, несмотря на показаніе свидѣтеля, что С. Ф. билъ жену не палкою, а кнутомъ, призналъ Ф. виновнымъ въ нанесеніи побоевъ палкою, и только вслѣдствіе примиренія сторонъ оставилъ дѣло безъ послѣдствій (15—607).

Въ тѣхъ случаяхъ когда доказательства недостаточны, и дѣло остается неразъясненнымъ, судъ прибѣгаетъ иногда къ рѣшенію дѣлъ на основаніи совѣсти тяжущихся, т. е. показанія, подкрѣпленнаго божбою, а также къ рѣшенію дѣла „по жребію“ или на основаніи правила „грѣхъ пополамъ“.

Божба.

„Божба“ однаго изъ тяжущихся примѣняется къ рѣшенію дѣлъ только въ немногихъ волостяхъ (шестнадцати), и допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ другихъ доказательствъ, такъ что невозможно добиться истины; въ этихъ случаяхъ тяжущимся предлагаютъ побожиться передъ образомъ; иногда къ божбѣ допускаютъ только подъ условіемъ, чтобы былъ человѣкъ хорошій; такъ въ Чаплыженской и Михалевской волостяхъ Московской губерніи крестьяне говорили, что, когда нѣтъ другихъ доказательствъ, то допускается и божба, если пожелаетъ побожиться человѣкъ хорошій. Если судъ найдетъ возможнымъ принять въ основаніе своего рѣшенія божбу, то онъ предлагаетъ тяжущимся „побожиться передъ образомъ“. Въ Сергѣевской волости Владимірской губерніи крестьяне относительно божбы говорили: „никому это не воспрещается, но въ резонъ не принимается; иное дѣло отвѣтчикъ или истецъ крестъ на себя положатъ, принимая грѣхъ на душу, это составляетъ уже полное доказательство для волостнаго суда“ (стр. 31).

Въ большей части волостей божба не принимается за доказательство и ей не вѣрятъ (см. засѣданія Шаловскаго волостнаго суда, стр. 136); въ Митинской волости судьи даже запрещаютъ божиться на судѣ.

Къ сожалѣнію, въ 2 т. трудовъ коммисіи не объяснено, какимъ образомъ суды поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оба тяжущіеся „побожатся“ въ подтвержденіе своихъ, противорѣчащихъ одно другому, показаній; надо думать, что въ такихъ случаяхъ судьи основываютъ свое рѣшеніе на той степени довѣрія, которую они имѣютъ къ тому или другому изъ тяжущихся.

Жребій.

„Жребій“ примѣняется почти исключительно въ дѣлахъ о раздѣлѣ имущества, когда ихъ нельзя рѣшить на основаніи пред-

ставленныхъ сторонами доказательствъ; въ такихъ дѣлахъ спорное имущество, подлежащее раздѣлу, предварительно раздѣляется на равныя части, и для опредѣленія того, какая часть изъ имущества достанется тому или другому лицу, спорщиковъ заставляютъ брать жребій. Впрочемъ, этотъ способъ рѣшенія дѣлъ имѣетъ очень ограниченное примѣненіе, и употребляется только въ дѣлахъ о раздѣлѣ имущества, жребія же о правотѣ того или другаго не кидаютъ.

На сколько можно видѣть изъ 2 т. трудовъ коммиссіи, жребій примѣняется къ рѣшенію дѣлъ только въ 2-хъ волостяхъ Владимірской и 9 волостяхъ Московской губерній.

Рѣшеніе дѣлъ по правилу „грѣхъ пополамъ".

По правилу „грѣхъ пополамъ" рѣшаютъ дѣла въ случаяхъ утраты или порчи чужаго имущества, когда невозможно съ точностью опредѣлить, произведена ли утрата или порча съ умысломъ или нечаянно, а также въ случаѣ причиненія кому-либо нечаянно убытка. Дѣла въ этихъ случаяхъ рѣшаются такимъ образомъ, что отвѣтчикъ присуждается къ уплатѣ истцу половины требуемой имъ цѣны за утраченную или испорченную вещь, или половину стоимости предмета, о которомъ идетъ споръ. „Грѣхъ пополамъ" дѣлятъ еще и тогда, когда судьи найдутъ что обѣ стороны, и истецъ и отвѣтчикъ, равно виноваты, (Ульянинская вол. Моск. губ.), или же когда истецъ могъ отвратить убытокъ, да не отвратилъ (Михалевская вол. Моск. губ.). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Московской губерніи (Сандыревской, Протопоповской, Царфентьевской) „грѣхъ пополамъ" примѣняется къ рѣшенію дѣлъ только въ случаяхъ утраты пастухами скота, ввѣреннаго ихъ охранѣ, да и то только тогда, когда съ ними не было заключено особаго условія на этотъ случай. Въ Соголевской волости дѣла рѣшаются по правилу „грѣхъ пополамъ" въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ, если, напр. „крестьянинъ возметъ у сосѣда лошадь на ярмарку съѣздить и она дорогой вдругъ падетъ, то съ него присуждаютъ половину, чтобы обѣимъ сторонамъ не такъ обидно было; также поступаютъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся сами запамятуютъ, какъ дѣло было, и сбиваются въ показаніяхъ" (стр. 588); непредставленіе ясныхъ доказательствъ служитъ также поводомъ къ рѣшенію дѣлъ по

правилу „грѣхъ пополамъ“ въ Селинской (35—612), и Метерской волостяхъ (12—48).

Кромѣ приведенныхъ основаній для рѣшенія дѣлъ, волостные суды часто основываютъ свои рѣшенія и на собственномъ признаніи отвѣтчика, которое бываетъ очень часто.

Склоненіе сторонъ къ примиренію.

Какъ мы видѣли выше, волостные суды, прежде постановленія рѣшенія по дѣлу, стараются обыкновенно примирить тяжущихся, „склонить ихъ къ миру“. Это склоненіе сторонъ къ примиренію составляетъ весьма характеристическую черту крестьянскихъ судовъ; благодаря присущему крестьянскимъ судьямъ стремленію „мирить“ много дѣлъ оканчивается, не доходя даже совсѣмъ до волостнаго суда, на сельскомъ сходѣ, у старосты со стариками или выборными, у волостнаго старшины, много дѣлъ оканчивается миромъ на самомъ волостномъ судѣ; разсказывая о порядкѣ разбирательства на волостномъ судѣ, крестьяне Протопоповской волости говорили, что „при разборѣ дѣлъ главная цѣль судей—помирить тяжущихся, а для этого они выслушиваютъ стороны и свидѣтелей, постановляя приговоръ только въ случаѣ упорства истца или отвѣтчика, или обоихъ вмѣстѣ“ (стр. 470). Склонность оканчивать примиреніемъ всякое дѣло развито въ такой сильной степени, что въ большей части волостей суды оканчиваютъ примиреніемъ дѣла по такимъ проступкамъ, по которымъ, по общему законодательству, примиреніе не допускается; такъ примиреніе возможно въ дѣлахъ о кражѣ, мошенничествѣ и т. п. Во многихъ волостяхъ волостной судъ предлагаетъ, прежде всего, тяжущимся помириться, по всякому дѣлу: „не дѣло судить, когда стороны идутъ на мировую“ (стр. 37). Въ Ставровской волости крестьяне разсуждаютъ такъ, что если хозяинъ вещи проститъ вору, то и суду не приходится наказывать за кражу, хотя при этомъ крестьяне прибавили, что въ такихъ случаяхъ принимается во вниманіе, въ первый-ли разъ виновный учинилъ кражу, да и вообще его поведеніе (стр. 52); вообще же въ волостныхъ судахъ проводится то начало, что „если воръ возвратитъ краденое, а хозяинъ его проститъ, *то незачѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло суду* (стр. 111). Въ Кукаринской волости крестьяне говорили, что „большая половина дѣлъ оканчивается миромъ, такъ какъ судьи прилагаютъ всѣ

свои усилія, чтобы помирить тяжущихся; мировыя допускаются даже въ дѣлахъ о кражѣ, мошенничествѣ, увѣчьѣ, въ томъ вниманіи, что судьи боятся приговаривать виновныхъ къ наказанію изъ опасенія ихъ мести (стр. 255). Въ иныхъ волостяхъ судьи, для того чтобы добиться примиренія сторонъ, откладываютъ иногда рѣшеніе по дѣлу нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока сторонамъ не наскучитъ и они не помирятся (Сандыревская вол. стр. 458).

Вообще, въ большей части волостей, свѣдѣнія о которыхъ помѣщены во 2 т. трудовъ коммисіи, примиреніе допускается по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ, только въ 13 волостяхъ не могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ дѣла о кражахъ, и въ одной, кромѣ того, и дѣла о нанесеніи увѣчья.

Дѣло можетъ быть оканчиваемо миромъ во всякое время, и въ началѣ разбирательства до допроса свидѣтелей, и въ концѣ, какъ передъ постановленіемъ рѣшенія, такъ и послѣ постановленія. Мировыя сдѣлки по большей части въ книгу рѣшеній не вносятся, и только въ 3-хъ волостяхъ онѣ записываются въ книгу въ томъ случаѣ, когда стороны обязываются одна передъ другою выполнить какое-либо условіе; въ одной волости (Бухоловской) мировыя сдѣлки вносятся въ книгу рѣшеній „не всегда“ въ одной (Хотебцовской) „почти всегда“ и въ одной волости (Бородинской), для записки ихъ заведена особая „книга мировыхъ сдѣлокъ“. Въ виду такого, почти общаго волостнымъ судамъ обычая—не записывать ни въ какія книги состоявшихся мировыхъ сдѣлокъ, во 2 т. трудовъ коммисіи встрѣчается очень мало дѣлъ, извлеченныхъ коммисіею изъ книгъ волостныхъ судовъ, которыя бы окончились примиреніемъ; между помѣщенными же встрѣчаются между прочимъ мировыя по дѣламъ о кражѣ, (19—8, 65—20, 10—450), и о нанесеніи побоевъ, сопровождавшимся насильнымъ отнятіемъ денегъ (10—450).

Если стороны «не смирятся», то судъ, по обсужденіи обстоятельствъ дѣла, постановляетъ рѣшеніе.

Постановленіе рѣшенія.

Рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ, постановляется единогласно, если же единогласія нѣтъ, то по большинству голосовъ, причемъ особое мнѣніе судьи, если онъ пожелаетъ, записывается въ книгу; впрочемъ во всей массѣ рѣшеній, помѣщенныхъ во

2 т. «трудовъ», есть только одно, по которому приведено особое мнѣніе судьи Звѣрева, не согласившагося съ остальными судьями (64—109).

Насколько самостоятельно дѣйствуютъ судьи, постановляя то или другое рѣшеніе, и какое вліяніе имѣютъ волостной старшина и писарь какъ на постановленіе рѣшенія, такъ и вообще на весь ходъ разбирательства? Вопросъ этотъ настолько важенъ, что я постараюсь возможно подробнѣе привести здѣсь всѣ данныя, относящіяся къ нему, которыя помѣщены во 2 т. трудовъ коммисіи.

Вліяніе волостныхъ старшинъ и писарей.

Изъ заявленій крестьянъ многихъ волостей видно, что, при разборѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ, «старшина внимательно слѣдитъ за обсужденіемъ дѣла, заявляетъ свое мнѣніе, направляетъ дѣло къ правильному рѣшенію» (стр. 59), «судьи обыкновенно обращаются къ волостному старшинѣ за совѣтомъ» (стр. 64), «старшина хотя и не принимаетъ участія въ самомъ разбирательствѣ, но даетъ судьямъ совѣты, какъ рѣшить дѣло, обыкновенно до разбирательства, такъ какъ всѣ дѣла хорошо извѣстны ему и до суда» (стр. 501), «совѣтуетъ заранѣе судьямъ, какъ дѣло порѣшить» (стр. 485). Указаніе на то, что судьи совѣтуются съ старшиною, было сдѣлано крестьянами во многихъ волостяхъ; въ Селинской волости старшина вмѣстѣ съ судьями участвуетъ въ разбирательствѣ (стр. 601). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всякій приговоръ волостнаго суда утверждается старшиною и только послѣ такого утвержденія можетъ быть исполняемъ; такое распоряженіе сдѣлано, по словамъ старшинъ Вохринской и Спасской волостей, мировыми посредниками; впрочемъ въ послѣдней волости мировой посредникъ объяснилъ членамъ коммисіи, что волостнымъ старшинамъ приказано отъ него не утверждать приговоровъ, а только просматривать ихъ, и тѣ, въ которыхъ они усмотрятъ неправильность, не исполнять, а представлять ему, мировому посреднику (стр. 412). Въ Чаплыженской волости старшина, если замѣтитъ ошибку въ разборѣ или въ рѣшеніи дѣла, «*велитъ* судьямъ *вновь* разобрать дѣло» (стр. 429). Въ Ульянинской волости крестьяне, говоря о томъ, что волостной старшина всегда разсматриваетъ приговоры суда и соображаетъ, можно-ли, въ отношеніи правильности, приводить

ихъ въ исполненіе, находили такой порядокъ совершенно правильнымъ, говоря «такъ и слѣдуетъ, ибо волостной старшина долженъ поддержать довѣріе къ суду, т.-е. если судъ что нибудь не такъ рѣшитъ, то воспротивиться приведенію въ исполненіе» (стр. 439). Въ Михалевской волости старшина, въ случаѣ недоразумѣнія судей о томъ, какъ рѣшить дѣло, призываетъ ихъ къ себѣ, когда они станутъ совѣщаться, и даетъ имъ нужныя указанія (стр. 451). Въ Станковской волости крестьяне заявили, что судьи не понимаютъ дѣла безъ помощи старшины и писаря, а мировой посредникъ при этомъ добавилъ, что было бы желательно, чтобы волостной старшина былъ сдѣланъ предсѣдателемъ суда, съ возложеніемъ на него отвѣтственности за безпорядки и упущенія на судѣ, а то въ настоящее время онъ на дѣлѣ участвуетъ въ разбирательствѣ, а между тѣмъ держится въ сторонѣ и ни за что не отвѣчаетъ. Въ Боголюбовской волости старшина также заявилъ, что, «для пользы дѣла, необходимо слѣдовало бы предоставить старшинамъ участвовать въ разборѣ дѣлъ и дѣлать судьямъ указанія, иначе судъ будетъ всегда подъ вліяніемъ писарей» (стр. 59).

Относительно участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ волостныхъ писарей, крестьяне говорили, что «во время разбирательства судьи обращаются за совѣтомъ къ писарю, который указываетъ и прочитываетъ относящіеся къ дѣлу законы» (стр. 64), что «судомъ руководитъ писарь» (стр. 23), что «писарь какъ человѣкъ къ дѣламъ болѣе привычный, объясняетъ судьямъ дѣло и указываетъ на законы» (стр. 92), что «писарь постоянно участвуетъ въ разрѣшеніи дѣлъ и совѣтуетъ судьямъ» (стр. 544), что «безъ помощи писаря судьи положительно обойтись не могутъ (стр. 587), что «писарь указываетъ и объясняетъ законы и излагаетъ письменно рѣшеніе, потому что судьи *на письмѣ не могутъ выражаться*». (стр. 578).

На сколько сильно вліяніе, которое можетъ оказывать волостной писарь на самое рѣшеніе суда, можно судить по слѣдующему факту, приведенному во 2-мъ т. трудовъ коммисіи: въ Сергіевской волости Московской губ., когда волостной старшина и писарь объяснили, что они въ судѣ участія не принимаютъ, то одинъ изъ судей заявилъ, что это не такъ, что старшина и писарь постоянно руководятъ судомъ, и это заявленіе вполнѣ подтвердилось при разсмотрѣніи членами коммисіи книги рѣшеній волостнаго суда: по одному изъ дѣлъ, занесенныхъ въ эту

книгу, 17 сентября 1872 г., за № 44, спрошенные судьи Тимофѣевъ и Карнѣевъ объяснили, что по этому дѣлу крестьянину Михайлову, обвинявшемуся въ нанесеніи оскорбленія старостѣ, предполагалось дать сперва 10 лозановъ, но затѣмъ постановлено было не наказывать, такъ какъ староста простилъ его; въ рѣшеніи же, записанномъ въ книгу волостнаго суда, значилось что подсудимый приговоренъ къ 20 ударамъ розгами, и это, какъ объяснили всѣ присутствовавшіе, тотчасъ же было приведено въ исполненіе, при чемъ удары считалъ судья Тимофѣевъ. На вопросъ, сдѣланный писарю относительно вписанія въ книгу рѣшенія о наказаніи Михайлова 20 ударами розогъ, когда судьи сочли дѣло оконченнымъ примиреніемъ, писарь отвѣчалъ, что судьи сами не помнятъ, что говорятъ; когда же ему было на это замѣчено, что изъ подробнаго разсказа судьями обстоятельствъ дѣла, разсмотрѣннаго 5 дней тому назадъ, ясно видно, что они хорошо помнятъ это дѣло, то писарь смѣшался и только повторялъ прежній отвѣтъ (стр. 579).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ разбирательствѣ дѣлъ и постановленіи рѣшеній волостной старшина и писарь принимаютъ весьма важное участіе, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшина присвоиваетъ себѣ права кассаціонной инстанціи и, если находитъ рѣшеніе суда неправильнымъ, то „велитъ“ судьямъ постановить новое. Такое значеніе старшины въ дѣлѣ суда замѣчательно особенно потому, что законъ не только не предоставляетъ волостнымъ старшинамъ права участія въ судѣ, но положительно запрещаетъ имъ вмѣшиваться въ производство суда и даже присутствовать при обсужденіи дѣлъ (ст. 104 общ. пол.), такъ что старшины, участвуя въ разбирательствѣ, дѣйствуютъ такимъ образомъ единственно вслѣдствіе захвата непринадлежащей имъ власти, что достигается ими легко при томъ первенствующемъ положеніи, которое они занимаютъ въ волости, и томъ подчиненіи, въ которомъ находятся относительно ихъ судьи. Вмѣшательство волостныхъ старшинъ и писарей въ дѣла суда составляетъ, въ Московской и Владимірской губ., почти общее явленіе: только въ весьма немногихъ волостяхъ крестьяне заявляли, что ни старшина, ни писарь не вмѣшиваются въ разборъ дѣлъ (Мстерская волость Владимірской г., Подчерковская, Протопоповская, Парфентьевская, Ильинская и Озерецкая Московской г.). Между прочимъ въ Протопоповской волости крестьяне говорили, что „волостной старши-

на и писарь въ настоящее время въ сужденіе судей не вмѣшиваются, а если это говорятъ, то говорятъ неправду; слухъ этотъ остался съ прежняго времени, когда, послѣ введенія положенія о крестьянахъ, все дѣлали старшина и писарь" (стр. 469).

Почти тоже заявили и крестьяне Парфентьевской волости, которые также объяснили, что прежде, въ первое время послѣ введенія положенія 19 февраля, старшина и писарь на судѣ гораздо болѣе значили (стр. 477).

Въ Ивановской волости Владимірской губерніи волостной старшина и писарь при разбирательствѣ дѣлъ участія не принимаютъ, и судьи *приказываютъ* писарю сдѣлать то, или другое (стр. 2).

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне говорили, что старшина не принимаетъ никакого участія въ разборѣ дѣлъ, но за то писарь оказываетъ сильное вліяніе на судей, или на оборотъ; такъ въ Вохринской волости гдѣ, при разборѣ дѣлъ, судьямъ даетъ совѣты писарь, крестьяне говорили, что старшина не принимаетъ никакого участія въ судѣ и, во время разбирательства, сидитъ даже въ другой комнатѣ, а не въ той, въ которой засѣдаетъ судъ (стр. 405); въ Богословской волости старшина также не принимаетъ никакого участія въ разборѣ дѣлъ и даже во время суда уходитъ изъ волостнаго правленія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ привлекаетъ кого-либо къ суду за неплатежъ податей и пьянство, но писарь постоянно участвуетъ въ разборѣ дѣлъ и совѣтуетъ судьямъ (стр. 547); въ другихъ же волостяхъ, на оборотъ, писарь никакого значенія на судѣ не имѣетъ, но за то всѣмъ руководитъ волостной старшина: такъ въ Ульянинской волости, гдѣ, какъ мы видѣли, приговоры волостнаго суда приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи ихъ старшиною, волостной писарь, по словамъ крестьянъ, «не то что старшина: онъ совѣтуетъ только тогда, когда его спрашиваютъ» (стр. 439); въ Непецинской волости, гдѣ судьи, ссылаясь на свою непривычность къ дѣлу, объяснили, что они рѣдко осуждаютъ безъ помощи старшины, прибавили, что они отчюдь не допускаютъ однако вмѣшиваться волостнаго писаря, который впрочемъ и не вмѣшивается, зная, что ему это воспретятъ старшина и судьи (стр. 463).

Кромѣ того участія, которое принимаютъ писаря въ самомъ разбирательствѣ дѣлъ, еще болѣе значенія имѣютъ они при составленіи рѣшеній, такъ какъ рѣшенія волостныхъ судовъ пи-

шутся обыкновенно писарями, утверждаются судьями, и затѣмъ писарями же записываются въ книгу рѣшеній; только въ Мстерской волости Владимірской губерніи рѣшенія пишутъ сами судьи, а писарь только переписываетъ ихъ въ книгу. Далеко впрочемъ не всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ записываются въ книгу: не говоря о мировыхъ сдѣлкахъ, которыя, какъ мы видѣли выше, очень рѣдко записываются, въ нѣкоторыхъ волостяхъ записываются въ книгу только рѣшенія по болѣе важнымъ дѣламъ, а по маловажнымъ не записываются, если не просятъ о томъ участвующія въ дѣлѣ лица *).

Случается, что рѣшенія вносятся въ книгу не въ томъ видѣ, въ какомъ были утверждены судьями: такъ въ Нагатинской волости Московской губерніи членами коммисіи было обнаружено, при обзорѣ книгъ, что въ книгу рѣшеніе было внесено писаремъ въ совершенно измѣненномъ видѣ: судьи присудили истцу требуемые имъ 20 руб., какъ было записано и въ черновомъ проектѣ рѣшенія, но затѣмъ писарь, переписывая это рѣшеніе въ книгу, искъ въ 20 руб. увеличилъ до 80 руб. и написалъ, что съ отвѣтчика присуждено 80 руб. (стр. 123).

Кромѣ того участіе писарей въ составленіи рѣшеній сказывается еще и тѣмъ, что они любятъ уснащать рѣшенія своимъ канцелярскимъ краснорѣчіемъ, многорѣчиво расписывая о святости брачныхъ узъ, о силѣ родительской власти, о вредѣ пьянства, и т. п., ссылаясь на статьи закона, кстати и некстати приводимыя, и вѣроятно совершенно неизвѣстныя судьямъ, такъ что въ рѣшеніяхъ послѣднимъ принадлежитъ, по большей части, только незначительная доля тѣхъ длинныхъ разсужденій, которыя въ нихъ часто встрѣчаются, и должны быть отнесены, по всей вѣроятности, къ изобрѣтательности писарей; не даромъ крестьяне Ямкинской волости говорили членамъ коммисіи, что „если судьи не знаютъ какъ рѣшить дѣло, то волостной писарь всегда пріищетъ законъ“ (стр. 153).

Въ виду того значенія которое, какъ видно изъ вышеприведеннаго, имѣютъ въ дѣятельности волостныхъ судовъ старшина и писарь, любопытно разсмотрѣть кѣмъ, въ большинствѣ слу-

*) Въ Талицкой волости Владимірской губерніи коммисіи было заявлено, что всѣ рѣшенія записываются въ книгу, но при разсмотрѣніи книгъ оказалось противоположное: съ 1862 по 1872 г. въ книгу записано не болѣе 10 рѣшеній.

чаевъ, заняты эти должности. Относительно замѣщенія должности волостныхъ старшинъ вообще извѣстно, что въ старшины выбираются обыкновенно мѣстные обыватели, изъ крестьянъ, большею частью зажиточные домохозяева, извѣстно также, что на выборъ того или другаго лица на должность старшины имѣли сильное вліяніе мировые посредники; относительно же писарей во 2 т. трудовъ Коммисіи приведены слѣдующія свѣдѣнія: изъ 46 волостей, по которымъ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія о писаряхъ, въ 33 волостяхъ должности эти заняты крестьянами (изъ нихъ двое занимались прежде въ окружномъ управленіи государственными имуществами, а одинъ въ помѣщичьей конторѣ), въ двухъ волостяхъ писаря изъ духовнаго званія, въ 4-хъ изъ мѣщанъ, въ одной—отставной почталіонъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ одной—изъ чиновниковъ (коллежскій секретарь), въ одной—изъ личныхъ дворянъ, въ одной — изъ бывшихъ чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ, въ одной—нѣжинскій грекъ, въ одной—изъ бывшихъ чиновниковъ окружнаго управленія госуд. имуществъ, въ одной — изъ однодворцевъ (прежде служилъ конторщикомъ по откупамъ). Изъ свѣдѣній о воспитаніи писарей видно, что одинъ окончилъ духовную семинарію, 5 обучались въ приходскихъ училищахъ, 3— у священниковъ, одинъ—у отца, 2 — въ писарскомъ училищѣ, состоявшемъ при окружномъ управленіи государ. имуществъ, одинъ — въ училищѣ кантонистовъ, 4 — въ уѣздномъ училищѣ, одинъ—въ 3-й Московской реальной гимназіи; о мѣстѣ обученія остальныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ трудахъ коммисіи не по всѣмъ волостямъ приведены указанія того, на сколько продолжительна служба писарей въ одной и той же волости; изъ имѣющихся же свѣдѣній видно, что одинъ писарь служилъ въ одной и той же волости съ 1862 г. (бывшій чиновникъ управленій государ. имуществами), одинъ съ 1865 г. (однодворецъ), одинъ 5 лѣтъ (почталіонъ), одинъ 8 лѣтъ (госуд. крестьянинъ), одинъ 6 лѣтъ (госуд. крестьян.). Нѣкоторыя изъ волостныхъ писарей служатъ въ этой должности (по разнымъ волостямъ), съ 1854 г. (крестьянинъ, учившійся въ приходскомъ училищѣ), съ 1861 г. (нѣжинскій грекъ, учившійся въ реальной гимназіи), по 20 лѣтъ (госуд. крестьянинъ). Одинъ писарь, обучавшій въ писарскомъ училищѣ при окружномъ управленіи госуд. имуществъ, служилъ сначала писаремъ въ разныхъ волостяхъ, потомъ работалъ на фарфоровомъ заводѣ, и нако-

нецъ опять поступилъ на писарскую должность въ Ямкинской волости.

Особеннаго неудовольствія на писарей крестьяне вообще не заявляли; только въ Кухарпнской и Ямкинской волостяхъ крестьяне жаловались на чрезмѣрное вліяніе писарей, „безъ которыхъ на судѣ ничего не дѣлается.“ Крестьяне нѣкоторыхъ волостей жаловались также на то, что писаря часто мѣняются, и кромѣ того большею частью люди нетрезваго поведенія. Вообще „нетрезвое поведеніе“, какъ кажется, встрѣчается часто у писарей: въ Сергѣевской волости крестьяне разсказывали, что ихъ прежній писарь „зашибался сильно хмѣлемъ, отчего и умеръ.“ Указаній на взяточничество писарей во 2 т. „трудовъ“ не встрѣчается, но едва ли отсутствіе такихъ указаній можетъ свидѣтельствовать въ пользу особеннаго безкорыстія писарей: какъ мы видѣли выше, во многихъ волостяхъ писаря получаютъ неособенно значительное жалованье, а между тѣмъ многіе изъ нихъ (бывшіе чиновники, напр.), успѣли пріобрѣсти, во время прежней своей службы, извѣстныя „городскія“ привычки, отъ которыхъ они едвали склонны отказаться, и трудно допустить чтобы они, имѣя возможность пополнять свое скудное жалованье, воздержались отъ взятокъ, имѣя всѣ средства къ тому, чтобы, пользуясь своимъ положеніемъ, получать ихъ подъ самыми разнообразными предлогами; отсутствіе же заявленій объ этомъ со стороны крестьянъ объясняется, мнѣ кажется, привычкою крестьянъ къ тому, что, для успѣха дѣла, необходимо дѣлать разнымъ должностнымъ лицамъ различныя приношенія, привычкою, съ которою они до того освоились, что только тогда возмущаются требованіемъ „приношеній,“ когда эти требованія уже слишкомъ чрезмѣрны. Что волостные писаря не безупречны въ этомъ отношеніи,—это подтверждается нѣкоторыми фактами, уже прежде приведенными мною: не безкорыстная же любовь къ тѣлесному наказанію побудила писаря Сергіевской волости (Моск. губ.) внести въ книгу несуществовавшее рѣшеніе волостнаго суда о наказаніи крестьянина Михайлова 20 ударами розогъ, не безъ выгоды для себя писаря передѣлываютъ рѣшенія волостныхъ судовъ при записке ихъ въ книгу, какъ мы это видѣли въ Ногатинской волости.

Въ виду всего этого нельзя не согласиться, что вліяніе, оказываемое теперь писарями на волостные суды, крайне вредно, но уменьшенія этого вліянія можно ожидать только отъ боль-

шаго развитія какъ тѣхъ, которые имѣютъ дѣла въ волостныхъ судахъ, такъ и тѣхъ, которые засѣдаютъ въ этихъ судахъ, въ качествѣ судей: пока судомъ будетъ руководить писарь, потому что «судьи безъ писаря положительно обойтись не могутъ» и онъ же будетъ объяснять дѣла и излагать рѣшенія, потому что «судьи на письмѣ выражаться не могутъ» до тѣхъ поръ и значеніе его какъ для судей, такъ и для тяжущихся, будетъ очень важно, и писаря, конечно, не откажутся извлекать изъ этого своего значенія всевозможныя выгоды.

Чѣмъ судьи руководствуются при постановленіи рѣшеній.

Разсмотрѣвъ условія, въ которыхъ обыкновенно постановляются рѣшенія волостныхъ судовъ, и степень участія въ постановленіи этихъ рѣшеній различныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, необходимо остановиться на весьма важномъ вопросѣ—чѣмъ судьи руководствуются при постановленіи рѣшеній, и на сколько при этомъ принимаются во вниманіе существующіе въ крестьянской средѣ обычаи? Трудно дать точный, опредѣленный отвѣтъ на поставленный вопросъ на основаніи матеріаловъ, помѣщенныхъ во 2 т. „трудовъ“ такъ какъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, въ этомъ томѣ „трудовъ“ не особенно много. Быть можетъ такой недостатокъ въ данныхъ зависитъ отъ причины, указанной г. Заруднымъ въ его статьѣ «опытъ изслѣдованія мѣстнаго крестьянскаго суда» (журналъ гражданскаго и уголовнаго права за 1874 г., кн. 2-я): онъ говоритъ, что крестьяне часто смѣшиваютъ обычай съ закономъ и употребляютъ оба эти выраженія безразлично. Часто случается, говоритъ г. Зарудный, что крестьянинъ проситъ волостной судъ постановить рѣшеніе по закону, «какъ законъ велитъ», иногда подразумѣвая подъ этимъ обычай. Быть можетъ, указанною причиною объясняется, что во многихъ волостяхъ Владимірской и Московской губерній крестьяне, на вопросъ объ обычаяхъ, отвѣчали: «особыхъ обычаевъ у насъ нѣтъ». Въ Зюзинской волости Московской губерніи крестьяне заявили, что при назначеніи наказаній судьи руководствуются сельскимъ судебнымъ уставомъ, при рѣшеніи дѣлъ—справедливостью и преимущественно законами, но иногда, хотя рѣдко, принимаютъ въ со-

ображеніе существующіе крестьянскіе обычаи (стр. 91); въ Троицко-Голенищевской—что особыхъ обычаевъ нѣтъ, и всѣ дѣла рѣшаются по закону, тѣми же правилами, которыми руководствовались въ прежнее время, теперь нельзя руководствоваться, «и люди и порядки теперь пошли совсѣмъ другіе. Теперь и судьи и тяжущіеся требуютъ рѣшенія дѣлъ по закону, хотя по настоящему ни мы, судьи, ни сами тяжущіеся законовъ не знаемъ; ихъ знаетъ, и то кажись не совсѣмъ, одинъ писарь», (стр. 111).

Любопытный отвѣтъ дали судьи въ Ногатинской волости, въ которой судьи также говорили, что они обычаями не руководствуются: «всякое дѣло стараемся рѣшить по закону и по правдѣ», но на вопросъ, знаютъ ли они законы, отвѣчали: «сами не знаемъ, а писарь нашъ знаетъ, указываетъ и объясняетъ» (стр. 124).

При рѣшеніи дѣлъ волостные суды обращаютъ особенное вниманіе на индивидуальныя свойства лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, и на особенности каждаго даннаго случая; отсюда выработался даже особенный терминъ для выраженія тѣхъ основаній, которыя служатъ судьямъ для рѣшенія дѣлъ: во многихъ волостяхъ судьи говорили, что они рѣшаютъ «глядя по дѣлу и человѣку». Такое отношеніе къ дѣлу, составляющее особенность волостныхъ судовъ, выражено въ слѣдующемъ заявленіи крестьянъ Буньковской волости, сдѣланномъ членамъ коммисіи: «гражданскія дѣла рѣшаются «по обыкновенію», которое, по объясненію волостныхъ судей, состоитъ въ томъ, что судъ соображается съ обстоятельствами и съ справедливостью. Такъ напр. принято въ крестьянствѣ, что сынъ изъ дома отца безъ его благословенія уйти не можетъ, но бываетъ и такой случай, что сынъ заявляя волостному суду, что онъ съ отцомъ болѣе жить не желаетъ, проситъ о выдѣлѣ ему части изъ имущества отца, въ такомъ случаѣ судъ и соображаетъ: если сынъ распутный, «слабый» то онъ оставляется при отцѣ и выдѣлъ ему не разрѣшается, но если на оборотъ отецъ слабъ, а сынъ человѣкъ трезвый и рабочій, то волостной судъ разрѣшаетъ ему отойти отъ отца, а иногда передаетъ ему все отцовское имущество, съ условіемъ чтобы онъ давалъ отцу содержаніе и прокормленіе» (ст. 143).

Кромѣ приведенныхъ отзывовъ крестьянъ, крестьяне тѣхъ волостей, въ которыхъ члены коммисіи предлагали вопросъ о

томъ, чѣмъ руководствуются волостные суды при рѣшеніи дѣлъ, большею частью отвѣчали, что они руководствуются преимущественно законами, при чемъ обыкновенно прибавляли, что судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, по справедливости, соображаясь съ человѣкомъ, «*глядя по человѣку*» «надо рѣшить такъ, говорили во Всеюдичевской волости, чтобы рѣшеніемъ не разорить мужика и не сдѣлать его неисправнымъ въ податяхъ, иначе разорительно будетъ для общества».

Въ Ивановской волости Владимірской губерніи волостной судъ, по заявленію судей, при обсужденіи дѣлъ, «руководствуется исключительно общими законами гражданскими (т. X, ч. 1)», въ этой волости даже споры о раздѣлѣ наслѣдствъ, разрѣшаемые вездѣ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, производятся на волостномъ судѣ, и къ нимъ примѣняются постановленія X т. (105—20).

Во многихъ волостяхъ крестьяне говорили, что особыхъ мѣстныхъ обычаевъ, которые соблюдались бы постоянно, у нихъ нѣтъ, и только въ 4-хъ волостяхъ, (Шаловской, Мстерской, Станковской и Ставровской) крестьяне прямо указали, что при рѣшеніи дѣлъ они руководствуются и мѣстными обычаями; въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ крестьяне говорили, что дѣла рѣшаются по убѣжденію судей, и «глядя по дѣлу и человѣку» (Митинская волость), что судьи «законами не руководствуются, а дѣла рѣшаютъ главнымъ образомъ по свидѣтельскимъ показаніямъ и по личному убѣжденію (Соголевская волость), что «волостные судьи болѣе всего обращаютъ вниманія на показанія свидѣтелей, и рѣшаютъ дѣло глядя по обстоятельствамъ, такъ чтобы по совѣсти было» (Морозовская волость).

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ сдѣланы были указанія на то что судьи, при рѣшеніи дѣлъ, руководствуются и сельскимъ судебнымъ уставомъ.

Въ Селинской волости судьи говорили, что хотя они руководствуются, при разрѣшеніи дѣлъ, собственнымъ убѣжденіемъ, но писарь иногда отъискиваетъ и читаетъ подходящія статьи закона.

Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ во 2 т. трудовъ коммисіи, прямо указано, что рѣшенія эти постановлены на основаніи мѣстныхъ обычаевъ; такъ Ямкинскій волостной судъ разбиралъ дѣло по жалобѣ крестьянина В. на 3-хъ крестьянъ за неотдачу денегъ за стережбу лошадей, и

несмотря на заявленіе отвѣтчиковъ, что они не пускали своихъ лошадей на пастьбу, нашелъ, что по мѣстнымъ обычаямъ за всѣхъ лошадей, попавшихъ въ списокъ при наймѣ конюха, хозяева ихъ должны заплатить слѣдуемую плату, пускали-ли они лошадей или нѣтъ, почему, согласно 107 ст. общ. полож., положилъ взыскать съ отвѣтчиковъ просимую истцомъ сумму—3 р. 75 коп. (43—172).

Въ Глазовскомъ волостномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ крестьянина Ѳ. и жены его А. на крестьянина В. въ томъ, что онъ, въ бытность сельскимъ старостою, взялъ у нихъ хомутъ стоимостью въ 5 руб. за то, что А. не заплатила пастушни 30 коп., почему жалобщики просили о возвращеніи хомута и о взысканіи штрафа съ В., за самовольное взятіе его, 5 руб. На судѣ оказалось, что хомутъ былъ взятъ не бывшимъ старостою В., а всѣмъ сельскимъ сходомъ, согласно приговору, за то, что жалобщики не заплатили пастушни, и что въ тоже время были взяты и у другихъ крестьянъ вещи за неплатежъ денегъ пастуху, что взятый у Ѳ и А. хомутъ былъ проданъ за 60 коп., которыя и были зачтены въ «пастушній сборъ». Волостной судъ, «принимая во вниманіе дѣйствіе общества относительно отобранія хомута правильнымъ, и собственно потому, что *по мѣстному обычаю* такъ въ подобныхъ случаяхъ и прочія общества поступаютъ, опредѣлилъ: въ жалобѣ отказать» (67—252).

Братья Н. и П. жаловались Кукаринскому волостному суду на крестьянина Л. за обруганіе ихъ разбойниками; на судебномъ разбирательствѣ обнаружилось, что передъ тѣмъ, какъ Л. назвалъ ихъ разбойниками, между ними была въ питейномъ домѣ ссора, во время которой П. чуть не прибилъ Л., что Л. былъ въ то время сильно пьянъ; спрошенный въ качествѣ свидѣтеля староста подтвердилъ тотъ фактъ, что были шумъ и ссора, при чемъ дополнилъ, что П. былъ сильно пьянъ, а Н. только на веселѣ. Судъ опредѣлилъ: «такъ какъ проситель П. и отвѣтчикъ Л. были сильно пьяны, и хотя Н. въ это время былъ только на веселѣ, вѣрно потому, что у него не было денегъ, но всегда чаще бываетъ онъ пьянѣе брата своего П., по мѣстнымъ обычаямъ, въ жалобѣ имъ отказать» (41—267).

Крестьянинъ Г. жаловался Сергіевскому волостному суду на крестьянина Н. за то, что онъ, Н. въ присутствіи старосты сдѣлалъ у него обыскъ украденныхъ вещей, чѣмъ принесъ ему обиду. При разбирательствѣ оказалось, что Г. добровольно дозъ-

волилъ Н. сдѣлать у него обыскъ, и что Н. имѣлъ подозрѣніе на Г., такъ какъ его увѣряли, что вещи его находятся у Г.; волостной судъ, «имѣя въ виду добровольное согласіе Г. произвести у него обыскъ, на основаніи здраваго смысла и согласно мѣстныхъ обычаевъ, такъ какъ обыскъ въ обиду въ нашей мѣстности не ставится,..... опредѣлилъ оставить это дѣло безъ послѣдствій». (29—585).

Съѣзды мировыхъ посредниковъ отмѣняютъ иногда рѣшенія волостныхъ судовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они основаны на мѣстныхъ обычаяхъ, примѣняемыхъ къ такимъ дѣламъ, которыя, по мнѣнію съѣздовъ, не могутъ быть рѣшаемы «по обычаю». Такъ Коломенскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ отмѣнилъ рѣшеніе Глѣбовскаго волостнаго суда, которымъ дѣло рѣшено было на основаніи мѣстныхъ обычаевъ при существованіи письменнаго условія, сдѣлки, утвержденной мировымъ судьею, но признанной волостнымъ судомъ неясною и неимѣвшею прямаго примѣненія къ разбиравшемуся дѣлу. Отмѣну этого рѣшенія съѣздъ мотивировалъ тѣмъ, что оно постановлено вопреки 107 ст. общ. полож., такъ какъ между тяжущимися есть письменное условіе, утвержденное мировымъ судьею, почему волостной судъ не въ правѣ былъ рѣшать этого дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Кромѣ отмѣны рѣшенія, съѣздъ мировыхъ посредниковъ опредѣлилъ еще подвергнуть штрафу волостныхъ судей, постановившихъ его.

Наиболѣе широкое примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ встрѣчается въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ въ особенности же крестьяне руководствуются обычаями, какъ это мы увидимъ ниже, въ дѣлахъ о раздѣлахъ наслѣдства.

Изъ изложеннаго выше видно, что волостные суды, при постановленіи рѣшеній, руководствуются общимъ положеніемъ о крестьянахъ, сельскимъ судебнымъ уставомъ, обычаями, и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, 1-й частью X т. св. зак., послѣднее встрѣчается, впрочемъ, лишь въ немногихъ волостяхъ, и преимущественно примѣняется къ дѣламъ, возникающимъ изъ раздоровъ между супругами и между родителями и дѣтьми, и очень рѣдко къ имущественнымъ отношеніямъ.

Объявленіе рѣшенія.

Когда рѣшеніе постановлено судомъ, оно объявляется тяжущимся, причемъ только въ немногихъ волостяхъ отъ нихъ отби-

раются подписки въ выслушаніи рѣшенія, въ большей же части волостей этого не дѣлаютъ.

Обжалованіе рѣшеній.

Если на рѣшеніе суда изъявлено неудовольствіе, то оно неприводится въ исполненіе до истеченія 30 дневнаго срока. Впрочемъ, далеко не во всѣхъ волостяхъ, выжидается 30 дневный срокъ, да и тамъ, гдѣ онъ соблюдается болѣе строго, онъ примѣняется не ко всѣмъ дѣламъ, разбираемымъ волостными судами: такъ тридцати дневнаго срока почти никогда не выжидаютъ въ дѣлахъ о неисправномъ платежѣ податей: хотя бы приговоренные къ наказанію недоимщики и изъявили неудовольствіе на рѣшеніе суда, ихъ всетаки сѣкутъ немедленно, тотчасъ же по постановленіи рѣшенія, не выжидая никакихъ сроковъ. Въ Богородской волости сроковъ для обжалованія рѣшеній не выжидаютъ ни по какимъ дѣламъ, въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ сроки не всегда соблюдаются, а «глядя по человѣку». Только въ Боголюбовской и Всеюдичевской волостяхъ Владимірской губерніи; Гжельской, Вохринской, Михалевской, Сандыревской, Парфентьевской, Морозовской, Митинской, Подчерковской, Ильинской, Озерецкой, Богословской, Давыдковской, Соголевской и Селинской волостей Московской губерніи, въ случаѣ заявленія неудовольствія, тридцати дневный срокъ для приведенія рѣшенія въ исполненіе соблюдается по всѣмъ дѣламъ; исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ, въ Михалевской волости, рѣшенія, постановленныя на основаніи собственнаго сознанія отвѣтчика, а въ Соголевской—по жалобамъ родителей на дѣтей; по этимъ дѣламъ рѣшенія приводятся въ исполненіе немедленно, не выжидая тридцатидневнаго срока, хотя бы на нихъ и было заявлено неудовольствіе.

Жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ подаются очень рѣдко, отчасти потому, что крестьяне находятъ неудобнымъ настоящій порядокъ обжалованія рѣшеній: «никто не знаетъ на что и жаловаться, говорятъ что въ съѣздѣ по существу на неправильное рѣшеніе нельзя жаловаться, на что же послѣ того жаловаться»? говорили крестьяне Буньковской и Ямкинской волостей Московской губерніи. Въ Станковской волости Владимірской губерніи крестьяне, какъ видно, жалуются очень часто: «рѣдко бываетъ», говорили въ этой воло-

сти, «чтобы истецъ, которому судомъ отказано въ искѣ, сказалъ бы: болѣе не хочу искать».

Изъ одного рѣшенія коломенскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ видно, какъ безцеремонно относятся иногда волостные суды къ заявленію неудовольствія: крестьянинъ Сысоевъ былъ приговоренъ, за неявку въ судъ, къ наказанію розгами, и несмотря на заявленное имъ противу этаго рѣшенія неудовольствіе, приговоръ этотъ былъ тогда же приведенъ въ исполненіе.

Исполненіе рѣшеній.

Самое исполненіе рѣшеній поручается, въ большей части волостей Владимірской и Московской губерній, сельскимъ старостамъ, которые исполняютъ ихъ обыкновенно подъ наблюденіемъ волостнаго старшины; въ 13 волостяхъ рѣшенія исполняются волостными старшинами, которые, впрочемъ, иногда поручаютъ исполненіе рѣшеній, особенно по маловажнымъ дѣламъ, сельскимъ старостамъ; въ 8 волостяхъ рѣшенія исполняются то старшиною, то старостами, «кому судъ поручитъ»; въ 2-хъ волостяхъ — помощниками волостнаго старшины, въ одной—старшиною или засѣдателемъ. Жалобы на неисполненіе рѣшеній и на медленность исполненія приносятся обыкновенно мировому посреднику, а въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ исполняютъ рѣшенія сельскаго старосты—волостному старшинѣ.

Нельзя сказать, чтобы въ исполненіи рѣшеній замѣтенъ былъ порядокъ; данныя имѣющіяся по этому предмету въ 2 т. трудовъ коммисіи, свидѣтельствуютъ, что въ большинствѣ случаевъ рѣшенія волостныхъ судовъ приводятся въ исполненіе крайне медленно, а иногда и совсѣмъ не исполняются; такъ въ Вохринской волости, по пересмотру дѣлъ членами коммисіи и по соображеніи объясненій волостнаго старшины съ объясненіями волостнаго писаря, оказалось что порядка исполненія никакого нѣтъ, такъ что исполненіе или неисполненіе, или же большая или меньшая скорость исполненія рѣшеній зависятъ совершенно отъ старшины и писаря; кромѣ того изъ заявленій крестьянъ нѣкоторыхъ волостей о порядкѣ исполненія рѣшеній видно, что иногда рѣшенія не исполняются въ теченіе 5 мѣсяцевъ; въ особенности медленно приводятся въ исполненіе рѣшенія суда по дѣламъ о взысканіи присужденныхъ денегъ; причины медленнаго исполненія рѣшеній крестьяне Всеюдичевской волости

объясняли тѣмъ, что «старшина и старосты только и заботятся о взысканіи податей, и при томъ волостное правленіе, старшина и старосты, обременены разнородными обязанностями, и перепискою до того, что имъ часто и некогда заботиться о приведеніи приговоровъ въ исполненіе. Случается и такая причина, что староста боится исполнить приказаніе старшины вслѣдствіе угрозъ того лица, съ котораго слѣдуетъ производить взысканіе; крестьяне смотрятъ на избранныхъ ими лицъ, какъ на равныхъ себѣ и грозятся отомстить за наказаніе ихъ. Конечно бываетъ и такъ, что присужденный къ уплатѣ денегъ не имѣетъ никакихъ средствъ даже къ уплатѣ податей» (стр. 70).

Рѣшенія судовъ по дѣламъ уголовнымъ приводятся въ исполненіе вообще гораздо скорѣе, чѣмъ по гражданскимъ; въ Нагатинской волости Московской губерніи крестьяне говорили, что рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ исполняются по истеченіи 30-ти дневнаго срока, по гражданскимъ же очень медленно, а часто и вовсе не исполняются, «по неимуществу отвѣтчиковъ». Въ Серединской и Буховловской волостяхъ рѣшенія остаются часто неисполненными, такъ какъ за исполненіемъ ихъ никто не слѣдитъ, почему въ послѣдней волости крестьяне находили нужнымъ установить срокъ, и за неисполненіе въ теченіе его рѣшенія привлекать старостъ къ отвѣтственности, а самое взысканіе предоставить судебному приставу. Такіе сроки установлены въ нѣкоторыхъ волостяхъ: въ Кіясовской и Хатунской волостяхъ принятъ такой порядокъ, что если староста не исполнитъ, по порученію суда, рѣшенія въ 30-ти дневный срокъ, то истецъ объявляетъ объ этомъ старшинѣ, который даетъ старостѣ еще 7 дней, и если староста и въ этотъ срокъ не исполнитъ рѣшенія, то привлекается къ отвѣтственности; въ Клементьевской волости староста, за неисполненіе рѣшенія въ 2-хъ недѣльный срокъ, привлекается къ отвѣтственности волостнымъ судомъ.

Исполненіе рѣшеній замедляется также иногда и оттого, что для бѣдныхъ и хорошихъ людей исполненіе рѣшенія часто отсрочивается, по ихъ просьбѣ и смотря по ихъ обстоятельствамъ, (Непецинская вол.).

Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, волостяхъ рѣшенія судовъ приводятся въ исполненіе исправно: такъ въ Глазовской волости крестьяне говорили, что рѣшенія исполняются быстро и точно, если только должникъ состоятеленъ; въ волости Гжельской, Ча-

плыженской, Ульяниинской и Михалевской время исполненія рѣшеній отмѣчается въ книгѣ рѣшеній и жалобы на неисполненіе случаются очень рѣдко.

Какъ видно изъ приведенныхъ заявленій крестьянъ, медленное исполненіе рѣшеній, а часто и совершенное ихъ неисполненіе объясняется тѣми причинами, на которыя указали сами крестьяне: нерадивостью старшинъ и старостъ, на которыхъ возлагается исполненіе рѣшеній, обремененіемъ ихъ другими занятіями, отсутствіемъ отвѣтственности ихъ передъ волостными судами, такъ какъ они не подсудны этимъ судамъ за проступки по должности, отсутствіемъ въ большинствѣ волостей опредѣленныхъ сроковъ, въ теченіе которыхъ должны быть исполняемы рѣшенія, и кромѣ того, при взысканіяхъ—и невозможностью иногда исполнить рѣшеніе, при всѣмъ извѣстной бѣдности нашего крестьянства. Соображенія, заставляющія въ Непецинской волости откладывать иногда исполненіе рѣшеній—«смотря по обстоятельствамъ» хотя и нарушаютъ строгій порядокъ исполнительности, тѣмъ не менѣе не могутъ не вызвать сочувствія, такъ какъ безъ такого снисхожденія, безъ такого вниманія «къ обстоятельствамъ» человѣка, строгое и точное исполненіе рѣшеній по взысканіямъ нерѣдко могло бы повлечь за собою разореніе цѣлаго крестьянскаго семейства—явленіе, весьма часто сопровождающее чуждое подобной снисходительности взысканіе податей. Но если нельзя не относиться сочувственно къ такому примѣненію „къ обстоятельствахъ“, то ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить проволочекъ въ исполненіи рѣшеній, происходящихъ отъ небрежности, а, быть можетъ, и не совсѣмъ безкорыстнаго отношенія къ дѣлу исполнителей рѣшеній—старшинъ и старостъ; въ этомъ отношеніи можетъ быть внесено болѣе порядка и правильности въ исполненіе рѣшеній, дѣло весьма важное, такъ какъ безъ правильнаго исполненія остаются безсильными самыя справедливыя рѣшенія, „къ чему рѣшеніе, когда нѣтъ исполненія“, говорили крестьяне въ Ставровской волости—только тогда, когда исполнители судебныхъ рѣшеній будутъ подчинены суду, который имѣлъ бы дѣйствительную возможность контролировать ихъ дѣйствія и привлекать ихъ къ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія ими своихъ обязанностей.

Повѣренные.

Въ заключеніе этого краткаго обзора порядковъ судопроизводства, принятыхъ въ волостныхъ судахъ Владимірской и Московской губерній, я считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ объ условіяхъ допущенія волостными судами *повѣренныхъ* для веденія дѣлъ. Въ большей части волостныхъ судовъ тяжущіеся обязаны лично подавать жалобы и лично являться на разбирательство ихъ дѣлъ въ судъ, и повѣренные вовсе не допускаются, въ нѣкоторыхъ же судахъ какъ подача жалобъ, такъ и представленіе объясненій на судѣ можетъ быть поручаемо повѣреннымъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы повѣренный имѣлъ отъ своего довѣрителя довѣренность, засвидѣтельствованную въ волостномъ правленіи или въ полиціи, или же, по крайней мѣрѣ, подписанную самимъ довѣрителемъ и сельскимъ старостою; требованіе такихъ довѣренностей примѣняется, въ нѣкоторыхъ волостныхъ судахъ, на столько строго, что даже члены одной семьи не допускаются къ объясненіямъ на судѣ другъ за друга безъ довѣренности; такъ Боголюбовскій волостной судъ не допустилъ мужа крестьянки П. къ разбирательству потому что у него не было довѣренности, (21—62), а по другому дѣлу не допустилъ къ судоговоренію брата истца на томъ основаніи, что представленное имъ вѣрющее письмо не было никѣмъ засвидѣтельствовано (5—62). Въ нѣкоторыхъ волостныхъ судахъ даже члены одной семьи не могутъ являться на судѣ повѣренными другъ за друга, хотя бы и были уполномочены на то довѣренностями, и къ разбору дѣлъ требуются непремѣнно сами тяжущіеся, обязанные являться на судъ лично, въ другихъ же судахъ члены одной семьи могутъ являться на судъ другъ за друга даже безъ всякой довѣренности.

Сельскія общества ведутъ свои дѣла черезъ избранныхъ изъ своей среды уполномоченныхъ.

Вообще же волостные суды стараются какъ можно болѣе затруднить веденіе дѣлъ черезъ повѣренныхъ, и изъ отзывовъ крестьянъ Владимірской и Московской губерній видно ихъ крайне неблагосклонное отношеніе къ „адвокатамъ“. Только въ одной волости Московской губерніи (Бородинской) крестьяне заявили, что, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы допускать повѣренныхъ, такъ какъ многіе крестьяне и на волостномъ судѣ не въ

состояніи объяснить толково двухъ словъ, въ большей же части волостей получались крайне неблагопріятные для сельскихъ адвокатовъ отзывы, изъ которыхъ нѣкоторые на столько любопытны, что я считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ:

„Въ селѣ завелись даже адвокаты, которые клаузничаютъ и заводятъ ябеды, споры и ссоры ради своей наживы; отъ нихъ бѣда, и судьи стараются ихъ устранять". (Мстерская волость стр. 46).

«Въ послѣднѣе время стали появляться адвокаты и защитники обвиняемыхъ, но крестьяне находятъ, что отъ участія сихъ людей въ дѣлахъ крестьянскихъ одинъ только вредъ происходитъ: они путаютъ самыя простыя дѣла, а потому для разъясненія приходится вызывать самихъ тяжущихся.» (Буньковская волость стр. 141).

«Повѣренныхъ ни въ какомъ случаѣ допускать не слѣдуетъ, ибо они сбивали бы только крестьянъ съ толку, пользуясь ихъ невѣденьемъ». (Глазовская вол. стр. 227).

Какъ видно изъ приведенныхъ заявленій (подобныя заявленія были сдѣланы крестьянами и во многихъ другихъ волостяхъ), сельскіе адвокаты стяжали себѣ у крестьянъ весьма печальную репутацію и крестьяне стараются обходиться безъ ихъ помощи, такъ какъ они «только сбиваютъ съ толку судей и тяжущихся».

Сельскіе адвокаты по большей части чиновники, исключенные изъ службы или оставшіеся за штатомъ, народъ нетрезвый и крайне ненадежный; въ одной волости (Мстерской), они приносили сенатору словесную жалобу на то, что ихъ стѣсняютъ и отстраняютъ отъ защиты дѣлъ. (стр. 46).

III. ЮРИДИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

Послѣ изложеннаго краткаго очерка занятій населенія въ посѣщенныхъ коммисіею волостяхъ Владимірской и Московской губерній, я приступлю къ изложенію того, какія наказанія примѣняются волостными судами и какіе проступки чаще всего подлежатъ разсмотрѣнію этихъ судовъ.

Наказанія, примѣняемыя волостными судами.

Волостные суды примѣняютъ слѣдующія исправительныя мѣры:

1) оставленіе въ подозрѣніи; 2) оставленіе на замѣчаніи общества; 3) отдача подъ поручительство; 4) выговоры, замѣчанія и внушенія; 5) удаленіе со схода на срокъ; 6) назначеніе на общественныя работы; 7) отдача на заработки къ потерпѣвшему лицу; 8) штрафъ; 9) арестъ; 10) розги, иногда сопровождающіяся запиской въ штрафную книгу.

Оставленіе въ подозрѣніи.

1) *Оставленіе въ подозрѣніи* встрѣчается очень рѣдко. Изъ всѣхъ рѣшеній волостныхъ судовъ Владимірской и Московской губерній, пересчитанныхъ мною, случаи оставленія въ подозрѣніи встрѣтились только четыре раза.

По жалобѣ крестьянина К. на Д., что онъ зарѣзалъ его гуся и сварилъ на мельницѣ, волостной судъ опредѣлилъ: хотя нѣтъ ясныхъ доказательствъ къ обвиненію Д., но все-таки есть нѣсколько признаковъ къ этому прикосновенныхъ и потому слѣдуетъ Д. на первый разъ оставить въ подозрѣніи. (32—50).

По жалобѣ крестьянки Н. С. на мужа и деверя за нанесеніе побоевъ, которые засвидѣтельствовалъ староста, заявившій при томъ, что Н. С. три раза просила на мужа своего и два раза на деверя въ нанесеніи ей побоевъ, волостной судъ, разобравъ дѣло, причемъ мужъ сознался, что онъ дѣйствительно побилъ жену свою, какъ ему угодно было, а деверь въ нанесеніи побоевъ не сознался, рѣшилъ: подвергнуть мужа Н. С. за нанесеніе ей побоевъ, 10ти ударамъ розогъ, самую Н. С., за грубость противъ мужа 3хъ дневному аресту, а деверя оставить въ сильномъ подозрѣніи въ побояхъ снохѣ. (2—108).

Крестьянинъ П. жаловался на крестьянина К., у сарая котораго онъ нашелъ свою моченую пеньку; съ этимъ согласился и отвѣтчикъ К., но заявилъ, что кто пеньку поставилъ, онъ не знаетъ; тоже показалъ и выставленный жалобщикомъ свидѣтель. Судъ опредѣлилъ: «на основаніи свода законовъ XII т. (изд. 1857 г.), ч. 2, какъ К. не уличенъ въ достовѣрности дѣла, то по ст. 443 оставить его только въ подозрѣніи.» (18—272).

По одному рѣшенію оставленіе въ подозрѣніи употреблено какъ прибавочное къ тѣлесному наказанію: «крестьянинъ А. И. заявилъ жалобу на крестьянъ И. А., А. Т. и пастуха А. И. въ причиненіи ему, просителю, означенными лицами побоевъ въ сараѣ 25 сентября и ограбленіи денегъ 100 р. ассигнаціями. Про-

ситель объяснилъ, что онъ выбѣжалъ изъ сарая на улицу, кричалъ караулъ и на крикъ его прибѣжалъ крестьянинъ И. Е., которому объявилъ, что его въ сараѣ ограбили вышеупомянутыя лица, причемъ видѣлъ въ своемъ овинѣ огонь и для осмотра просилъ сосѣда Н. Г., но, дошедши туда, онъ видѣлъ, что вышли 4 человѣка, изъ которыхъ пойманъ И. А. На спросъ И. А. объяснилъ, что вмѣстѣ съ нимъ былъ пастухъ и крестьянинъ А. Т. котораго представили старостѣ и просили освидѣтельствовать овинъ. По освидѣтельствованіи старостою и 4 крестьянами, оказалось, что въ ономъ нашли кошелекъ. И. А. показалъ, что шелъ изъ гостей и ничего не помнитъ. Волостной судъ, на основаніи 95, 96, 101 и 102 ст. общ. полож. 1861 г. постановилъ: взыскать съ крестьянина И. А. отнятыя у И. деньги и возвратить ихъ по принадлежности И., а за таковой поступокъ И. А. судъ опредѣлилъ: наказать И. А. розгами 20 ударами и оставить его, А., въ подозрѣніи, что имъ и объявить (24—108).

Послѣднее рѣшеніе я привелъ цѣликомъ, не измѣняя въ немъ ни одного слова, такъ какъ оно представляется страннымъ какъ вообще по своей редакціи, такъ и по тому наказанію, которому былъ подвергнутъ судомъ крестьянинъ И. А. Опредѣливъ наказать его розгами и возвратить деньги, признавъ его, слѣдовательно, виновнымъ въ проступкѣ, въ которомъ онъ обвинялся, судъ оставляетъ еще его, А., въ подозрѣніи, по отношенію къ чему—неизвѣстно.

Изъ остальныхъ 3-хъ рѣшеній видно, что судъ оставлялъ въ подозрѣніи тогда, когда для обвиненія не было точныхъ и ясныхъ доказательствъ.

Оставленіе на замѣчаніи общества.

2) *Оставленіе на замѣчаніи общества* встрѣчается только одинъ разъ и примѣнено по слѣдующему дѣлу: въ Хатунскій волостной судъ было передано старостою дѣло о кражѣ капусты и бѣлья, учиненной у крестьянки Х. крестьянкою Н. Изъ дѣла оказалось, что въ ночь на 25 февраля украдена у Х. капуста, находившаяся въ погребѣ, и бѣлье, находившееся на дворѣ, всего на сумму 2 р. 50 к., и вслѣдствіе заявленнаго крестьянкою Х. на крестьянку Н. подозрѣнія, староста, отправившись съ посторонними людьми къ Н. въ домъ, нашелъ тамъ украденную капусту, принадлежащую Х. На судѣ Н. чистосердечно во всемъ

созналась и все покраденное возвратила Х., которая заявила, что она все, украденное у нее Н., получила, и съ своей стороны въ проступкѣ Н. прощаетъ. По справкѣ, сдѣланной судомъ, оказалось, что Н. имѣетъ отъ роду 41 годъ, живетъ въ домѣ одна при малолѣтнихъ дѣтяхъ, мужъ ея въ домѣ не находится, а проживаетъ по паспорту на сторонѣ, проступокъ Н. учиненъ въ первый разъ, подозрѣнія прежде на нее, Н., и подобныхъ проступковъ никакихъ не было. Въ виду всего этого волостной судъ, «находя виновною Н. въ кражѣ капусты и бѣлья у Х., за которую слѣдовало бы Н. арестовать при волостномъ правленіи на однѣ сутки, но принимая во вниманіе чистое расканіе Н. въ кражѣ и то, что проступокъ учиненъ ею въ первый разъ, напредь сего подозрѣнія за нею въ подобныхъ проступкахъ не было, и находится въ домѣ одна при малолѣтнихъ дѣткахъ,— крестьянка Х., получившая покраденое, съ своей стороны изъявила согласіе на прощеніе въ учиненномъ проступкѣ Н., и потому судъ опредѣлилъ: крестьянку Н. оставить на замѣчаніи общества. (24—200).

Отдача подъ поручительство.

3) *Отдача подъ поручительство* употребляется въ случаяхъ, указанныхъ въ 444 ст. уст. сел. судеб. для государственныхъ крестьянъ, когда противъ подсудимаго „при недостаткѣ доказательствъ, есть однакоже нѣкоторыя улики“; такъ Хатунскій волостной судъ, разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію крестьяниномъ Н. крестьянки К. въ кражѣ ею у него изъ дома денегъ 8 руб. и знака старосты, въ каковомъ проступкѣ К. не созналась, а изъ даннаго ею показанія и показанія малолѣтней дѣвицы М. есть нѣкоторыя улики, которыя впрочемъ недостаточны противъ подсудимой,—опредѣлилъ: на основаніи 444 ст. XII т. св. зак. изд. 1857 г. ч. 2 уст. сел. судеб. крестьянку А., 27½ лѣтъ, отдать подъ надежное поручительство о добромъ впредь поведеніи, но съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи времени, когда откроются противъ нея новыя улики, поручители представили ее къ суду. (67—201). Отдача подъ поручительство примѣняется очень рѣдко

Выговоры, замѣчанія и внушенія.

4) *Выговоры, замѣчанія и внушенія* примѣняются въ тѣхъ случаяхъ когда судъ, признавъ кого-либо виновнымъ въ совершеніи

извѣстнаго проступка, считаетъ возможнымъ, въ виду его чистосердечнаго раскаянія, или прощенія его потерпѣвшимъ лицомъ, не наказывать его, а ограничиться только „внушеніемъ“ или замѣчаніемъ чтобы впредь такъ не дѣлалъ, „строгимъ выговоромъ“ съ угрозою наказать, если еще хотя разъ онъ окажется виновнымъ въ содѣянномъ проступкѣ; примѣненіе къ такихъ случаяхъ „внушенія“ видно изъ рѣшенія Мстерскаго волостнаго суда, состоявшагося по дѣлу, возникшему изъ жалобы крестьянина К. на крестьянина Ч. за кражу послѣднимъ у просителя тесу, на сумму 5 р.; судъ, хотя и находилъ Ч. виновнымъ, но такъ какъ онъ изъявилъ чистосердечное раскаяніе и испросилъ у К. прощеніе, и К. его простилъ, то судъ постановилъ: внушить крестьянину Ч., чтобы онъ подобныхъ поступковъ остерегался (11—48).

„Внушеніе“ дѣлается также несправедливымъ жалобщикамъ, какъ это видно, напр., изъ одного рѣшенія Ставровскаго волостнаго суда, по которому судъ, отказавъ просительницѣ въ ея просьбѣ, опредѣлилъ внушить ей, чтобы „она подобными явно кляузными просьбами не утруждала начальство и не праздношаталась, а занималась бы своимъ хозяйствомъ, (28—58); при обоюдныхъ оскорбленіяхъ, дракахъ, внушеніе обыкновенно дѣлается обѣимъ сторонамъ, въ случаяхъ примиренія (20—584); выговоръ употребляется иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда проступокъ учиненъ въ первый только разъ (59—78). По одному дѣлу судъ опредѣлилъ сдѣлать жалобщику внушеніе, а обвиняемому строгій выговоръ: такое рѣшеніе состоялось по жалобѣ крестьянки И. на крестьянина Д. за то, что онъ, придя къ ней на квартиру, нанесъ ей въ избѣ побои, прибилъ по головѣ безъ причины, и „сколько разъ ударилъ не знаетъ, о чемъ и проситъ поступить съ нимъ по закону“. Отвѣтчикъ противъ этой жалобы показалъ, что онъ жалобщицу ничуть не билъ, а приходилъ къ ней на квартиру попенять, за чѣмъ она глухаго своего сына А., шести лѣтъ, присылала къ нему въ домъ за наперсткомъ, причемъ А. спустилъ со двора лошадей, которыхъ онъ нашелъ въ деревнѣ С., она же И. за его пени „начала поносить его разными скаредными словами, называя его жуликомъ, за что онъ и выставилъ у ней раму, зная что судомъ, за непредставленіемъ ею съ своимъ мужемъ паспорта на прожитіе, приказано имъ было изъ деревни К. съ квартиры выбираться, но они не выѣзжаютъ. Волостной судъ сдѣлалъ Д. строгій выговоръ за выстав-

леніе рамы, а за непредставленіемъ мѣщанкою И. свидѣтелей въ нанесеніи ей Д. побой въ жалобѣ отказать и внушить что безъ письменнаго вида проживать не должны". (27—263).

Кромѣ того внушеніе употребляется очень часто при другихъ наказаніяхъ; такъ изъ одного рѣшенія Мстерскаго волостнаго суда видно, что волостное правленіе предложило суду опредѣлить крестьянину Т. мѣру наказанія по законамъ, такъ какъ по дошедшимъ до волостнаго правленія свѣдѣніямъ оказалось, что „крестьянинъ Т. произносилъ въ разныхъ враждебныхъ партіяхъ слова: чтобы оброкъ помѣщику никто не платилъ такъ равно и казенныя подати, а изъ доходовъ должно; кромѣ того ругаетъ волостныхъ судей, говоря, что штрафныя деньги ими пропиваются. Судъ присудилъ съ крестьянина Т. 3 руб. и опредѣлилъ сдѣлать ему внушеніе.

По другимъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ крестьянинъ Х. за напрасное обличеніе двухъ другихъ крестьянъ въ кражѣ у него шерсти, былъ подвергнутъ штрафу въ 3 руб. въ пользу штрафныхъ экономическихъ суммъ со внушеніемъ, чтобы на будущее время такихъ словъ не произносилъ (93—245), за драку крестьянинъ А. былъ оштрафованъ 3 руб. и кромѣ того судъ опредѣлилъ дать ему строгій выговоръ, чтобы на будущее время избѣгалъ подобныхъ проступковъ, а иначе съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ (10—433); за произнесеніе ругательныхъ словъ и пьянство одному изъ обвиняемыхъ, какъ подвергшемуся обвиненію въ первый разъ, судъ опредѣлилъ сдѣлать строгое внушеніе не пьянствовать, а съ другаго взыскать 1 руб. штрафа въ мірскую сумму и обоимъ объявить со внушеніемъ, что въ случаѣ проступка не минуютъ подвергнуться болѣе строгому наказанію (22—596). Подобныхъ приведенныхъ рѣшеній встрѣчается много и наказаніе штрафомъ часто сопровождается внушеніями и строгими выговорами; въ особенности же часто внушеніе дѣлается при наказаніи розгами неисправныхъ плательщиковъ податей, за пьянство, праздношатательство и т. под.

Удаленіе изъ схода на срокъ.

5) *Удаленіе со схода на срокъ* примѣняется, какъ видно, очень рѣдко, такъ какъ изъ всѣхъ рѣшеній, помѣщенныхъ во 2 томѣ трудовъ коммисіи, оно встрѣчается только два раза: по жалобѣ

крестьянки П. на крестьянина И. въ томъ, что И. шедши по улицѣ въ 10 часовъ вечера, въ нетрезвомъ видѣ, подошелъ къ П. и другой сидѣвшей съ ней женщинѣ и началъ поступать съ ними безчинно, т. е. мять, ломать, несмотря на ихъ сопротивленіе, причемъ И. вырвалъ у П. холстъ, мѣрою 33 аршина и съ онымъ удалился, волостной судъ постановилъ: взыскать съ И. за вырванный у П. и потерянный имъ холстъ 5 руб. и за учиненное имъ безобразіе и безчиніе удалить его какъ съ волостныхъ, такъ и сельскихъ сходовъ на 2 года (13—436); по заявленію волостнаго правленія суду, что Б. и К. занимались пьянствомъ и въ такомъ видѣ заводили драки и били стекла, волостной судъ приговорилъ обоихъ крестьянъ наказать 15 ударами розогъ каждаго, и не допускать ихъ на мірскіе сходы (6—50). Впрочемъ въ послѣднемъ рѣшеніи удаленіе со схода является уже не самостоятельнымъ, а прибавочнымъ къ розгамъ наказаніемъ.

Общественныя работы.

6) *Назначеніе на общественныя работы* примѣняется вообще рѣдко, и во многихъ (22) волостяхъ совсѣмъ не употребляется, такъ какъ, по заявленію крестьянъ, „насильно не принудишь къ работѣ“; кромѣ того во многихъ волостяхъ крестьяне говорили, что общественныхъ работъ нѣтъ, такъ какъ при нихъ нужно ставить особаго человѣка для понужденія и наблюденія за приговоренными къ работѣ: „хлопотъ и заботъ много, а толку мало; прежде присуждали улицу мести, но это пустое дѣло“. (Боголюбовская волость Влад. губ.). Какъ на одно изъ неудобствъ, соединенныхъ съ назначеніемъ на общественныя работы, указывали на то, что „съ буйнымъ и непослушнымъ, приговореннымъ къ общественнымъ работамъ, ничего и не подѣлаешь“ (Всеюдичевская вол. Влад. губ.). Въ Зюзинской волости Московской губерніи также говорили, что для надзора за приговореннымъ къ общественнымъ работамъ надо нанять особаго сторожа, а иначе „уйдетъ и не станетъ работать.»

Чаще всего приговариваютъ къ общественнымъ работамъ женщинъ, преимущественно за безнравственное поведеніе; присужденныхъ къ этому наказанію обыкновенно заставляютъ мыть полы въ волостномъ правленіи и мести улицы, „все это для острастки посрамленіемъ“, какъ говорили въ Ставровской воло-

сти Владимірской губерніи. Только въ очень немногихъ волостяхъ наказаніе виновныхъ назначеніемъ на общественныя работы имѣетъ болѣе обширное примѣненіе: такъ въ Гжельской волости крестьяне, говоря о томъ, что неплательщики податей къ суду не привлекаются, а привлекаются только тѣ изъ нихъ, которые пьянствуютъ и безобразничаютъ, прибавили, что „однако судьи не сѣкутъ и этихъ, а заставляютъ работать на общественныя нужды, напр. рыть канавы, чинить домъ волостнаго правленія". Въ Ульянинской и Сандыревской волостяхъ присужденныхъ къ общественнымъ работамъ посылаютъ „дороги даромъ править", чинить канавы, домъ волостнаго правленія, а въ Станковской волости, кромѣ того, еще ставить осенью вехи, мести улицы.

Общественныя работы, какъ наказаніе, назначаются за пьянство, безнравственное поведеніе, неплатежъ податей, ослушаніе начальства, неявку на судъ, нерадѣніе къ домохозяйству *).

Кромѣ назначенія на общественныя работы, какъ самостоятельнаго наказанія, оно примѣняется еще и какъ добавочное къ другому, болѣе строгому; имъ сопровождается иногда арестъ; какъ видно изъ одного рѣшенія волостнаго суда работникъ, за нетрезвую жизнь и грубости хозяину, былъ приговоренъ, на основаніи 488 ст. т. XII ч. 2 св. зак., къ 5ти дневному аресту при волостномъ правленіи, съ употребленіемъ его, въ теченіи того времени, на общественныя работы (36—200); по другому рѣшенію двѣ женщины были приговорены за драку, къ аресту съ мытьемъ половъ волостнаго правленія. (17 249).

Отдача на заработки.

7) *Отдача на заработки* употребляется еще рѣже, чѣмъ предыдущая мѣра; только въ немногихъ волостяхъ крестьяне говорили, что суды примѣняютъ это наказаніе. Обыкновенно въ заработки отдаютъ только неисправныхъ плательщиковъ податей съ тѣмъ чтобы заработанныя деньги поступали на пополненіе недоимокъ. Бываютъ случаи отдачи на заработки къ потерпѣвшему лицу: такъ двухъ женщинъ, признанныхъ виновными въ

*) См. рѣшенія волостныхъ судовъ: 38—289, 78—302, 96—305, 145—311, 10—582.

самовольномъ собираніи ягодъ въ чужой лѣсной дачѣ, Судниковскій волостной судъ приговорилъ къ отдачѣ владѣльцу этой дачи на работу, какая имъ будетъ указана каждая на два дня (42—358).

Вообще отдачу на заработки крестьяне считаютъ мѣрою неудобною, по тѣмъ же почти причинамъ, какъ и назначеніе на общественныя работы; такъ крестьяне Давыдковской волости говоря, что въ заработки недоимщиковъ никогда не отдаютъ, объясняли это тѣмъ, что «никому не интересно такихъ людей брать». Въ другихъ волостяхъ говорили, что въ заработки совсѣмъ не отдаютъ, потому что «трудно отдать, не возьмутъ плохаго», «дурнаго человѣка, да и противъ его воли, никто въ работу не возьметъ».

Штрафъ.

8) *Штрафъ*. Это наказаніе представляется въ двухъ видахъ: 1) назначенный съ обвиненнаго штрафъ поступаетъ или въ мірской капиталъ, или же употребляется на другія потребности общественнаго характера, какъ напр. продовольствіе арестуемыхъ, и 2) поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго лица. Собственно говоря, только первое назначеніе штрафныхъ денегъ соотвѣтствуетъ понятію штрафа, какъ наказанія, второе же имѣетъ характеръ возмѣщенія убытковъ, вознагражденія за безчестіе, но такъ какъ во взглядахъ крестьянъ на штрафъ оба эти вида денежныхъ взысканій смѣшиваются и между ними не проводится яснаго различія, то я считаю болѣе удобнымъ разсмотрѣть здѣсь оба эти вида совмѣстно.

Въ большинствѣ волостей штрафъ примѣняется очень рѣдко, и вообще крестьяне находятъ это наказаніе непрактичнымъ: «начнешь штрафовать», говорили въ Зюзинской волости «такъ потомъ съ штрафованныхъ податей не соберешь, за нихъ сами будемъ платить». Въ другихъ волостяхъ крестьяне говорили, что «крестьянамъ и безъ штрафовъ нечѣмъ уже податей платить», что «съ крестьянъ бѣдныхъ, которыхъ большинство, безъ продажи имущества взыскать штрафъ нельзя, а имущество не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянина», что «денежный штрафъ назначается въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ часто съ виноватаго нечего взять, потому что у него нѣтъ ничего».

Такимъ образомъ причина рѣдкаго назначенія штрафовъ чисто

экономическая: штрафовъ, въ большинствѣ случаевъ, крестьянамъ нечѣмъ платить: вслѣдствіе этаго въ нѣкоторыхъ волостяхъ назначаютъ штрафы только съ богатыхъ крестьянъ, а бѣдныхъ за тѣ же самые проступки, подвергаютъ другимъ наказаніямъ; въ Курьяновской волости крестьяне говорили, что денежными штрафами наказываютъ только богатыхъ, во Всеюдичевской—что денежный штрафъ назначается съ порядочнаго человѣка, а сѣкутъ и подвергаютъ аресту людей самыхъ негодныхъ съ которыхъ нечего взять. Только въ 2-хъ волостяхъ, крестьяне заявили, что штрафъ принадлежитъ къ самымъ употребительнымъ наказаніямъ: въ Морозовской волости, гдѣ штрафъ, послѣ розогъ, самое употребительное наказаніе, и Гжельской, гдѣ штрафомъ наказываютъ даже чаще, чѣмъ розгами.

По заявленіямъ крестьянъ, штрафъ назначается преимущественно за неявку въ судъ, а также со старпковъ и женщинъ, какъ освобожденныхъ отъ тѣлеснаго наказанія; кромѣ того, какъ видно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, штрафомъ наказываютъ также за кражу, побои, самоуправство, драки, пьянство потраву, обиды, нарушеніе общественной тишины.

Какъ сказано было выше штрафъ назначается или въ пользу мірскихъ суммъ и т. п. или же въ пользу потерпѣвшаго лица; послѣднее назначеніе штрафа особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ о побояхъ, кражахъ, потравахъ; иногда часть присужденнаго штрафа обращается въ пользу волостныхъ суммъ, а часть въ пользу потерпѣвшаго лица. (рѣш. вол. судовъ 35—418, 75—421, 125—427, 127—427).

Штрафъ примѣняется еще иногда въ качествѣ прибавочнаго наказанія; такъ крестьянинъ А. за самовольный выгонъ скота, за грубости старостѣ и за ослушаніе его приказаніямъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ штрафу въ 3 руб. и аресту при волостномъ правленіи на 7 дней (10—326).

Арестъ.

9) *Арестъ* примѣняется преимущественно къ женщинамъ, старикамъ и прочимъ лицамъ, освобожденнымъ отъ тѣлеснаго наказанія. Вообще же арестъ считается наказаніемъ неудобнымъ; въ такомъ смыслѣ высказались крестьяне большей части посѣщенныхъ членами коммиссіи волостей Владимірской и Московской губ. Въ доказательство неудобствъ, сопряженныхъ съ при-

мѣненіемъ ареста, крестьяне приводили такія соображенія, что арестъ не имѣетъ никакого вліянія на дурнаго человѣка и лишаетъ его только возможности заработка на нѣсколько дней, что обществу приходится кормить арестованнаго, что онъ теряетъ время, а иногда мѣсто на фабрикѣ; особенно неудобнымъ находятъ арестъ крестьяне тѣхъ мѣстностей, гдѣ занятіе большинства населенія составляетъ работа на фабрикахъ: такъ крестьяне Сергѣевской волости Владимірской губерніи указывая на неудобства ареста, говорили, что онъ влечетъ для арестованнаго и для общества слѣдующія послѣдствія: хозяинъ совсѣмъ разсчитаетъ и сдѣлаетъ вычетъ, а пока крестьянинъ пріищетъ другое мѣсто, онъ совсѣмъ обнищаетъ и сдѣлается неисправнымъ въ податяхъ, тогда обществу придется за него отвѣчать. Вѣроятно въ силу соображеній, подобныхъ изложеннымъ, арестъ почти повсемѣстно менѣе употребителенъ, чѣмъ тѣлесное наказаніе; только въ немногихъ волостяхъ (Талицкой, Богородской Курьяновской и Зименковской Влад. г. Зюзинской, Троицко-Голенищевской и Буньковской Моск. г.) крестьяне говорили, что арестомъ наказываютъ чаще, чѣмъ розгами, которыя примѣняются только въ исключительныхъ случаяхъ.

Приговоренныхъ къ аресту сажаютъ обыкновенно въ особую комнату, арестантскую, находящуюся при волостномъ правленіи. Въ большей части волостей для арестантскихъ отведены теплыя, свѣтлыя комнаты, въ которыхъ можетъ помѣститься до 10 человѣкъ; въ нѣкоторыхъ впрочемъ волостяхъ (семи), арестантскія комнаты темныя, въ трехъ волостяхъ устроены по двѣ арестантскія: темная и свѣтлая; въ темную сажаютъ только пьяныхъ для вытрезвленія, въ свѣтлую—остальныхъ арестуемыхъ. Въ 5 волостяхъ особыхъ комнатъ для помѣщенія арестуемыхъ нѣтъ и ихъ сажаютъ или въ темномъ чуланѣ, или въ сѣняхъ волостнаго правленія, гдѣ помѣщаются разсыльные. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ помѣщенія для арестуемыхъ устроены крайне неудовлетворительно: такъ въ Зюзинской волости Моск. губ. арестантская—грязное и тѣсное помѣщеніе при волостномъ правленіи.

Только въ одной волости, Всеюдичевской, (Влад. г.) есть отдѣльное помѣщеніе для женщинъ; въ остальныхъ для мужчинъ и для женщинъ существуетъ одна общая арестантская

По большей части волостей нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ устроенъ надзоръ за арестуемыми, только въ немногихъ волостяхъ при арестантскихъ есть особые сторожа, обязанные наблюдать

чтобы арестованные не пьянствовали; въ Глазовской волости крестьяне говорили, что арестъ вообще соблюдается не строго.

Въ большинствѣ волостей арестованнымъ не отпускается пища, и они должны сами себя продовольствовать; пищу доставляютъ имъ обыкновенно ихъ домашніе, при чемъ случается, какъ говорили въ Ставровской волости Владимірской губерніи, что «вмѣстѣ съ пищею приносятъ и водку, такъ что самое наказаніе служитъ поводомъ къ пьянству. Въ Сергѣевской волости Владимірской губерніи арестованнымъ отпускается отъ волости хлѣбъ и вода, но роднымъ не воспрещается приносить имъ пищу. Въ Зюзинской волости Московской губерніи если домашніе не позаботятся принести пищу, то волостной старшина кормитъ арестованныхъ на свой счетъ.

Къ аресту на хлѣбѣ и водѣ приговариваютъ очень рѣдко.

Изъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что арестомъ наказываютъ за слѣдующіе проступки: за обиды, за кражу, за побои, за самоуправство, за пьянство, за неявку на судъ, за неповиновеніе начальству, за ослушаніе родителямъ, за напрасныя жалобы, за буйство и драку, за неправильныя показанія на судѣ, за дерзкіе поступки на судѣ, за праздную жизнь и отлучки изъ дома отъ мужа, за самовольные уходы работниковъ, за кулачный бой. *).

Арестомъ сопровождаются иногда и другія наказанія: изъ одного рѣшенія Зюзинскаго волостнаго суда видно, что по обвиненію крестьянина И. въ буйствѣ и сорваніи медали со старосты, судъ постановилъ: выдержать крестьянина И. подъ арестомъ двое сутокъ и сверхъ того наказать его 20 ударами розогъ, для примѣра прочимъ (4—69). Выше мы видѣли, что арестъ сопровождается иногда еще и назначеніемъ штрафа.

Розги.

10) *Тѣлесное наказаніе розгами.* Наиболѣе употребляемое волостными судами наказаніе—розги; въ заявленіяхъ крестьянъ,

---

*) См. рѣшенія волостныхъ судовъ: 7—55, 8—55, 8—62, 3—57, 39—76, 43—159, 15—97, 21—56, 3—69, 11—73, 38—76, 38—100, 40—76, 64—79, 10—97, 81—303, 102—105, 99—105, 18—116, 57—400, 124—427, 40—137, 90—138, 19—334, 5—354, 55—400, 17—165, 22—233, 32—361, 7—393, 11—466, 20—467, 33—540, 34—567, 10—606, 14—607, 40—613, 41—613; 9—614.

помѣщенныхъ во 2 т. трудовъ коммисіи, розгамъ отдается предпочтеніе передъ всѣми другими наказаніями; по мнѣнію крестьянъ Сергѣевской волости Владимірской губерніи «самое лучшее наказаніе, въ смыслѣ удобства для крестьянъ—розги: ихъ боятся, мужика они не разоряютъ и обществу отъ нихъ нѣтъ убытка.» (стр. 32). Въ Боголюбовской волости Владимірской губерніи крестьяне говорили, что розги считаются болѣе строгимъ наказаніемъ, но не позорнымъ; послѣ розогъ иной говоритъ: *благодарю покорно что меня поучили* (стр. 60). Въ Пехорской волости Московской губерніи розги составляютъ почти единственное наказаніе къ которому приговариваетъ волостной судъ такъ какъ, по словамъ судей, «народъ у насъ фабричный, нетрезвый, взять съ него нечего, а подъ арестъ посадить—мѣсто лишится, недоимку еще накопитъ, и подъ арестомъ будетъ пьянствовать и безчинствовать.» (стр. 128).

Во многихъ волостяхъ крестьяне говорили, «что безъ розогъ никакъ нельзя обойтись, причемъ подтверждали это свое мнѣніе тѣмъ, что розги «самое вразумительное и полезное наказаніе» (Мизинская волость Московской губерніи стр. 501), что «это цѣлебный пластырь для нашего брата» (Давыдковская волость стр. 553), что «безъ розогъ житья не будетъ и всякій страхъ пропадетъ: крестьянину безъ розогъ нельзя быть какъ безъ каши.» (Соголевская волость стр. 587).

Въ Селинской волости крестьяне считаютъ розги самымъ полезнымъ наказаніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: «пьяницу, который и податей не платитъ, штрафовать нельзя, подвергать аресту тоже неудобно—только лишать его возможности работать: онъ себѣ выспится въ арестантской, а общество за него подати плати; кромѣ того въ лѣтнее время, въ рабочую пору,—никакъ арестовать нельзя, тогда каждый часъ мужику дорогъ (стр. 602).

Почти во всѣхъ волостяхъ наказаніе розгами является преобладающимъ передъ всѣми другими родами наказаній и только въ очень немногихъ волостяхъ розги составляютъ сравнительно рѣдкое наказаніе. Выше были перечислены волости, въ которыхъ, по заявленіямъ крестьянъ, наказываютъ чаще арестомъ и гдѣ розги употребляются рѣдко. Къ числу такихъ волостей, гдѣ розги не составляютъ господствующаго рода наказаній, слѣдуетъ прибавить еще волости Вохринскую (Московской губерніи), въ которой крестьяне говорили, что прежде наказывали розгами,

теперь же стали наказывать больше арестомъ, и Ивановскую (Владимірской губерніи) гдѣ, по словамъ крестьянъ, розги составляютъ самое осрамительное, но сравнительно рѣдкое наказаніе. Мѣсто же, занимаемое розгами въ ряду другихъ наказаній, приблизительно вѣрно опредѣляется показаніемъ крестьянъ Давыдковской и Соголевской волости которые говорили, что къ аресту и штрафу обращаются втрое рѣже, чѣмъ къ розгамъ.

Число ударовъ розгами, которое волостные суды имѣютъ право назначать присужденнымъ къ тѣлесному наказанію, не должно, согласно 102 ст. общаго положенія, превышать 20, но на практикѣ это постановленіе не всегда соблюдается, и иногда волостные суды назначаютъ и большее число розогъ; такъ въ Шаловской волости крестьянинъ Т. за нанесеніе побоевъ матери, былъ приговоренъ къ наказанію 50 ударами розогъ. Въ рѣшеніяхъ, помѣщенныхъ во 2 т. трудовъ коммисіи, встрѣчается только одинъ этотъ случай наказанія розгами въ большемъ противу установленнаго законамъ размѣрѣ, но надо имѣть въ виду, что не всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ мы это видѣли выше, вносятся въ книги рѣшеній, и между не записанными въ книги есть, по всей вѣроятности довольно такихъ, по которымъ называли розгами въ большемъ противъ установленнаго закономъ количествѣ; такое предположеніе подтверждается заявленіемъ однаго изъ судей Буньковскаго волостнаго суда, который предложилъ отцу, жаловавшемуся на своего сына и просившаго о томъ, чтобы его наказали посильнѣе розгами, что можно дать и 50 ударовъ розогъ, да только безъ постановленія, и на возраженіе отца, желавшаго чтобы наказаніе было непремѣнно внесено въ книгу, судья сказалъ что въ такомъ случаѣ болѣе 20 ударовъ судъ не можетъ назначить (см. засѣданіе Буньговскаго волостнаго суда 20 сентября 1872 г. стр. 146).

Если въ одно засѣданіе суда виновный приговаривается къ розгамъ и приговоръ остается неисполненнымъ, а въ другое засѣданіе, за другой проступокъ, будетъ присужденъ также къ розгамъ, то обвиненнаго спрашиваютъ, желаетъ ли онъ получить присужденное за оба проступка число ударовъ въ одинъ разъ, или въ два раза.

Во многихъ волостяхъ крестьяне выражали сожалѣніе, что волостные суды не могутъ назначать болѣе 20 ударовъ розогъ: «иного 20 ударами розогъ и непроймешь», говорили въ Сергѣевской волости Владимірской губерніи; при этомъ крестьяне вы-

сказывали такое мнѣніе, что слѣдовало бы дозволить волостнымъ судамъ присуждать къ 50 ударамъ и болѣе. Такое желаніе высказывалось крестьянами Глазовской, Бородинской, Бухоловской, Судниковской, Хотебцовской, Добрзинской и Дубровицкой волостяхъ Московской губерніи.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ 2 т. трудовъ коммисіи, чаще назначенія всѣхъ другихъ наказаній встрѣчается назначеніе розогъ, которыя примѣняются какъ видно изъ заявленій крестьянъ и рѣшеній судовъ, за самые разнообразные проступки, преимущественно за неплатежъ податей, пьянство, (2—589), нерадѣніе къ хозяйству, (23—358 28—585, 36—612), непослушаніе властямъ, непочтеніе къ родителямъ, «слабое поведеніе», буйство (16—593), безпутство, развратъ, кражу, драки побои, обиды (13—56), а также за уклоненіе отъ явки на судъ, за оскорбленіе должностныхъ лицъ (54—121, 48—77, 61—421, 99—81, 25—98, 41—108), за самовольныя отлучки рабочихъ съ заводовъ (97—104), за неявку въ судъ и неуваженіе къ суду (33—250, 104—306, 25—309, 44—338, 119—426, 8—442, 51—447, 103—309), за явку въ пьяномъ видѣ въ волостное правленіе и въ волостной судъ, (84—137), за оскорбленіе дѣйствіемъ (16—355).

Кромѣ того во 2 т. трудовъ коммисіи встрѣчаются еще наказанія розгами за такіе проступки, какъ «неоднократное зажиганіе скоропалительныхъ спичекъ», *) за игру въ орлянку (86—137), за похищеніе бумагъ изъ волостнаго правленія (88—159), за безпечную жизнь, **) за пѣніе неприличныхъ пѣсенъ, (46—399), за вызовъ на кулачный бой, (50—447), за ругань во время сельскаго схода (26—610), за жалобы на незаконныя дѣйствія старшины, ***) за самовольную продажу заложеннаго въ

---

*) Волостной судъ оштрафовалъ крестьянъ В. и Г. за то, что они, проходя по берегу рѣки, неоднократно зажигали огнескоропалительныя спички для куренія табаку, за что были приговорены къ 18 ударамъ розогъ (2—57).

**) Судъ выслушалъ жалобу старосты на крестьянина И. что онъ податей не платитъ и ведетъ нетрезвую жизнь: судъ на осн. 101 и 102 ст. пол. о кр. постановилъ: наказать И. за безпечную жизнь 20 ударами розогъ (26—117).

***) Въ Ногатинской волости Московской губерніи за жалобы на волостнаго старшину волостной судъ, по заявленію старшины, приговариваетъ жалобщика къ тѣлесному наказанію признавая также дѣйствіе оскорбленіемъ начальства. Такъ одного крестьянина, подавшаго 3 жалобы на дѣйствія волостнаго старшины, волостной судъ приговорилъ, какъ оскорбителя власти, къ

сельскій банкъ амбара *) за злоумышленныя показанія на судѣ, **) за поруганіе женщины ***), *за невыполненіе договоровъ*, ****) за неосторожность въ обращеніи съ огнемъ и за охальство, †) *за*

---

20 ударамъ розогъ, и накопившееся число ударовъ по приговорамъ суда (60 розогъ предлагалъ осужденному получить заразъ или въ три пріема. (стр. 124).

*) Крестьянинъ Ч. продалъ амбаръ, заложенный въ сельскомъ банкѣ, другому крестьянину за 7 руб. сказавъ, что онъ деньги получилъ не подъ залогъ амбара, а подъ поручительство; волостной судъ, разобравъ дѣло, постановилъ проданный амбаръ долженъ оставаться въ залогѣ по сельскому банку, а уплаченныя за амбаръ деньги взыскать съ Ч. и удовлетворить ими покупщика, за самовольную же продажу заложеннаго въ банкѣ амбара, наказать Ч. розгами 15 ударами (10—73).

**) По дѣлу о взысканіи старостою съ крестьянина М. 20 р. волостной судъ, на основаніи свидѣтельскаго показанія, нашелъ что крестьянинъ М. показалъ ложно, что 20 руб. заплатилъ старостѣ, а потому, на основаніи 96 и 102 ст. общ. пол. и 519 ст. сельск. судеб. уст. постановилъ взыскать съ М. 20 р. въ общественную пользу, а за злоумышленное показаніе подвергнуть наказанію 20 ударами розогъ (20—166).

***) Крестьянка М. принесла жалобу на крестьянина Л. за то, что онъ, подойдя къ ней, М. сидѣвшей на улицѣ, у воротъ крестьянки В., началъ ругать ее матерными словами, потомъ, обратясь къ лицу М. вытащилъ изъ портовъ стволъ и началъ имъ мотать, пригонаривая скверныя матерныя слова, за каковой позоръ просила взыскать съ него по закону. Такъ какъ жалоба М. подтвердилась свидѣтельскими показаніями, то волостной. судъ опредѣлилъ за поруганіе М. крестьянина Л. на осн. 101 102 ст. общ. пол. наказать розгами 20 ударами (18—209).

****) Крестьянинъ С. жаловался на крестьянина Я. который, бывши съ нимъ въ трактирномъ заведеніи, промѣнялъ ему сѣрой масти лошадь на принадлежавшую ему лошадь карей масти, съ придачею Я. 15 руб. и по настоящее время лошадь ему не возвращаетъ и лошади и денегъ по неизвѣстной причинѣ отъ него не принимаетъ. Выставленные С. свидѣтели подтвердили все имъ сказанное, а отвѣтчикъ Я. объяснилъ, что дѣйствительно онъ С. лошадь промѣнивалъ, а потомъ раздумалъ, и потому лошади съ деньгами отъ него не принимаетъ и своей не возвращаетъ. Судъ, имѣя въ виду что Я. вполнѣ въ промѣнѣ своей лошади сознался, „но какъ сдѣлка была въ трактирномъ заведеніи, а потому судъ, на основаніи существующихъ узаконеній, постановилъ: искъ С. оставить безъ послѣдствій, на осн. 102 ст. пол. о кр. за невыполненіе совершившагося между собою договора, притомъ же въ трактирномъ заведеніи, опредѣлилъ: Я. наказать при волостномъ правленіи 16 ударами розогъ". (6—354).

†) Волостной судъ слушалъ заявленіе нѣсколько крестьянъ о томъ, что въ домѣ крестьянина Г. былъ усмотрѣнъ днемъ дымъ, и когда они прибѣжали къ нему въ домъ, то оказалась, что дымъ произошелъ отъ поставленнаго для кипяченія воды на чворѣ самовара, видя явную неосторожность Г. они начали

неуплату дома и неосновательныя отговорки, *) за драку и безчувственное пьянство **).

Кромѣ того часто наказываютъ розгами дѣтей по просьбѣ ихъ родителей, когда, напр., отецъ проситъ наказать сына за дурное поведеніе и неповиновеніе, и тогда наказываютъ уже «по его отцовской волѣ, сколько укажетъ».

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, по которымъ виновные приговариваются къ наказанію розгами, обыкновенно опредѣляется число ударовъ, къ которому виновный присужденъ, и которое, по большей части, колеблется между 10 и 20 ударами розогъ, (меньше 10 ударовъ назначаютъ рѣдко), но встрѣчаются и такія рѣшенія, въ которыхъ число розогъ, назначенныхъ обвиненному, не обозначено: такъ Глазовскій волостной судъ постановилъ наказать розгами, не опредѣляя числа ударовъ, крестьянину Т. за то что онъ, будучи вызванъ на судъ по одному дѣлу, воротился съ дороги домой и на судъ не явился (33—250).

Какъ мы видѣли уже выше, очень часто случается что розги сопровождаются еще и другимъ наказаніемъ: изъ рѣшеній Во-

---

его увѣщавать, а онъ, вмѣсто того чтобы испросить у нихъ извиненіе, началъ ихъ всячески ругать. Крестьянинъ Г. объяснилъ, что самоваръ хотя и былъ поставленъ на дворѣ, но не имъ, а его женою, а противъ обвиненія въ ругательствѣ доказательствъ никакихъ въ оправданіе себя не представилъ. Посему, въ отвращеніе подобныхъ неосторожностей въ обращеніи съ огнемъ и за охальство, волостной судъ приговорилъ: крестьянина Г. наказать розгами 20 ударами (68—421).

*) Судъ слушалъ жалобу П. который объяснилъ, что по данной росписке въ прошлое засѣданіе суда мѣщанкѣ А. И. по первому сроку должныя деньги 6 р. т. е. 11 октября, не уплатилъ, по случаю не нахожденія ея въ городѣ В. гдѣ она проживаетъ; крестьянинъ П. дѣлалъ при томъ разныя неосновательныя отговорки; волостной судъ, принимая во вниманіе, что П. неплатежъ денегъ И—ой продолжаетъ уже нѣсколько времени и затѣмъ даже по данной росписке въ присутствіи суда, не оправдалъ въ срокъ платежъ, за что, а тѣмъ болѣе за неправильныя и неосновательныя отговорки постановилъ: крестьянина П. подвергнуть наказанію розгами, до 20 ударовъ (89—447).

**) Волостной судъ слушалъ словесную жалобу крестьянина Г. на 3 крестьянъ, которые въ пятницу на святой недѣлѣ были въ пьяномъ и безчувственномъ видѣ, какъ онъ самъ Г. такъ равно оба А. и Е. при чемъ выражали другъ другу разныя неприличности и учинили азартную драку, отчего и сдѣлали ему, Г. на обоихъ глазахъ боевые знаки, каковой ихъ бунтъ видѣлъ староста. Судьи, не усматривая, кто изъ нихъ началъ эту драку и кто въ томъ болѣе виновенъ опредѣлили: означенныхъ крестьянъ Г. А—выхъ и Е—ва, въ примѣръ прочимъ, за драку и безчувственное пьянство наказать розгами каждаго по 20 ударовъ (33—418).

локоламскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ видно, что Аннен-скій волостной судъ опредѣлилъ: «крестьянина Н. за толкнутіе два раза дѣвки В. въ чемъ онъ самъ сознался, наказать его, Н. розгами 20 ударами и взыскать съ него за безчестіе вчетверо годоваго оклада податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ повинностей, платимаго отцемъ просительницы, и окладъ въ деревнѣ Шишкиной на душу 8 р. 79 к.—34 р. 83 к. это взысканіе опредѣляется на основаніи 470 ст. сел. суд. устава». (11—649).

Наказаніе розгами женщинъ.

Женщины, согласно Высочайшему указу 23 апрѣля 1863 г. освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, вслѣдствіе чего розги обыкновенно замѣняются для нихъ арестомъ, рѣдко штрафомъ еще рѣже—назначеніемъ на общественныя работы. Впрочемъ, несмотря на запрещеніе сѣчь женщинъ, практика волостныхъ судовъ Московской и Владимірской губерніи представляетъ нѣсколько случаевъ примѣненія тѣлеснаго наказанія къ женщинамъ, и во 2 т. трудовъ коммисіи есть довольно рѣшеній волостныхъ судовъ, по которымъ женщины были подвергаемы тѣлесному наказанію: такъ по рѣшеніямъ Сергѣевскаго волостнаго суда (Владимірской губерніи), состоявшимися въ 1863 г. наказаны розгами по 20 ударовъ: крестьянка, дѣвица О. по заявленіи старосты объ ослушаніи и безпорядкахъ съ ея стороны (1—36), крестьянка А. за нетрезвую жизнь и дурное поведеніе (2—36), и крестьянка Е. за оклеветаніе крестьянина А. въ кражѣ у нея 7 руб. изъ рѣшеній волостнаго суда не видно, къ какому мѣсяцу 1863 г. они относятся, такъ что остается неизвѣстнымъ, состоялись ли они до или послѣ изданія указа 23 апрѣля; по рѣшенію Вохринскаго волостнаго суда (1869 г). крестьянская жена В. была наказана 10 ударами розогъ за сдѣланый ею обманъ о деньгахъ, 9 р. 85 к. присланныхъ ей изъ Московскаго Воспитательнаго дома въ пособіе на воспитаніе младенца, которыя она обѣщала помѣстить въ уплату податныхъ и другаго рода недоимокъ, состоящихъ за мужемъ ея, а между тѣмъ затратила для себя (4—411); по рѣшенію Михалевскаго волостнаго суда (1866 г.) крестьянка М. за буйство, дурное и нетрезвое поведеніе была наказана 10 ударами розогъ (2—456); по рѣшенію Сергіевскаго волостнаго суда (Московской

губерніи), состоявшемуся въ 1865 г. крестьянка М. В—а наказана 10 ударами розогъ за воровство (6—586); по рѣшенію Губинскаго волостнаго суда (1867 г.) крестьяка А. наказана 15 ударами розогъ за ложное показаніе на сельскаго старосту и учиненіе ему «личнаго оскорбленія въ разныхъ предметахъ» (7—642), по рѣшенію Сергѣевскаго волостнаго суда Владимірской губерніи (1868 г.), крестьянка Е. была наказана 20 ударами розогъ за пріемъ ночью неблагонадежныхъ людей, пѣнье ночью и пьянство (1—35), по рѣшенію Подчерковскаго волостнаго суда (1868 г.) крестьянская жена Н. С. была наказана 20 ударами розогъ, посажена подъ арестъ на три дня, и затѣмъ водворена для совмѣстнаго съ мужемъ жительства, по жалобѣ мужа на то, что она три раза отъ него бѣгала и оставляла его въ необходимое для крестьянина время безъ работницы (стр. 511). По рѣшеніямъ Знменковскаго волостнаго суда были наказаны розгами, въ числѣ 20 ударовъ: крестьянка Е. за самовольный уходъ отъ мужа (р. 1868 г. 7—68), крестьянка И. за любовную связь съ крестьяниномъ М. и мать этаго крестьянина, за то что она не предупреждала своего сына и не удерживала его отъ порочныхъ наклонностей *) (р. 1867 г. 1—68); крестьянка П. по слѣдующему дѣлу: сельскій староста передалъ на обсужденіе волостнаго суда, по приговору сельскаго схода, дѣло о покражѣ имущества у крестьянъ И. и Н. Подозрѣніе заявлено было на крестянку П. которая, сверхъ того, обругала на сходкѣ сельскаго старосту. Волостной судъ постановилъ: «отвѣтчица въ кражѣ не созналась, а равно поличнаго ничего въ виду не имѣлось и посторонними свидѣтелями никѣмъ удостовѣрено не было, почему за таковой поступокъ и за дерзкія слова старостѣ, наказать ее 20 ударами розогъ, для примѣра прочимъ, а не за кражу.» (р. 1865 г. 1—68).

На приведенныя рѣшенія, по которымъ жещины были, въ противность закону, подвергаемы тѣлесному наказанію, никакихъ жалобъ не было приносимо, и только на одно изъ этихъ рѣшеній, именно на рѣшеніе Подчерковскаго волостнаго суда, которымъ крестьянка Н. С. за самовольный уходъ отъ мужа, была посажена подъ арестъ и наказана розгами, послѣдовала жалоба со стороны отца потерпѣвшей, вслѣдствіе которой судьи,

*) Крестьянинъ М. былъ подвергнутъ тому же наказанію.

постановившіе приговоръ, были привлечены, за противузаконность его, къ отвѣтственности.

Въ Станковской волости Владимірской губерніи крестьяне говорили членамъ коммисіи что въ ихъ волости съ 1862 по 1872 г. былъ только одинъ случай наказанія розгами женщины за воровство и безпутство. Въ Митинской волости Московской губерніи также былъ одинъ такой случай въ 1868 году, но по жалобѣ наказанной было произведено слѣдствіе, и 3 судей, подписавшихъ рѣшеніе, а также волостной старшина, приводившій его въ исполненіе, были преданы суду по обвинительному акту Московской судебной палаты.

Во многихъ волостяхъ крестьяне, выражая сожалѣніе, что теперь запрещено сѣчь женщинъ, заявляли членамъ коммисіи, что женщинъ непремѣнно слѣдовало бы сѣчь, а то «женщинъ не сѣкутъ только потому, что это воспрещено закономъ, оттого онѣ никого не боятся, занимаются безпутствомъ и пьянствуютъ, фабричная жизнь совсѣмъ перепортила женщинъ, жены отбиваются отъ мужей, дома у нея мужъ, а на фабрикѣ любовникъ, ареста женщины не боятся, была бы большая милость если бы испросили разрѣшенія сѣчь женщинъ, за безпутство надо ихъ срамить передъ обществомъ» (Сергѣевская волость Владимірской губерніи стр. 32). «Непремѣнно слѣдуетъ сѣчь женщинъ» говорили въ Бородинской волости Московской губерніи «многія изъ нихъ дошли до такого безстыдства, что на нихъ арестъ не дѣйствуетъ: онѣ совершенно отбились отъ рукъ, занимаются развратомъ, возмущаютъ мужей противъ родителей, родителей противъ дѣтей, онѣ, въ большинствѣ случаевъ, причина раздѣловъ, которые окончательно разорили крестьянъ и привели ихъ въ самое бѣдственное положеніе» (стр. 283).

Высылка изъ селенія для водворенія на мѣсто жительства.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь наказаній, былъ еще случай примѣненія наказанія, указаннаго въ сельскомъ судебномъ уставѣ—высылки изъ селенія для водворенія на мѣсто жительства. Наказаніе это было примѣнено по слѣдующему случаю: довѣренные отъ крестьянъ деревни Поповки представили волостному суду приговоръ общества объ удаленіи изъ ихъ селенія проживающей въ питейномъ домѣ крестьянской дѣвицы А. для

водворенія въ мѣсто жительства, такъ какъ А. дѣлаетъ ругательства женщинамъ ихъ селенія, и волостной судъ постановилъ: согласно приговору общества крестьянъ деревни Поповокъ, выслать изъ ихъ селенія крестьянскую дѣвицу А. для водворенія въ мѣсто жительства.

Угощеніе водкою сельскаго общества.

Въ Озерецкой волости Московской губерніи установилось обычаемъ совершенно своеобразное наказаніе, примѣняемое, впрочемъ, не волостнымъ судомъ, а сельскими сходами: если крестьянинъ не городитъ свою изгородь, не смотря на данное ему приказаніе, или не выходитъ на работу для исправленія натуральныхъ повинностей, то сельскій сходъ, въ видѣ наказанія приговариваетъ его поставить извѣстное количество водки, когда же такихъ виновныхъ соберется человѣкъ 6 или 7, то выставленная ими водка выпивается всѣмъ обществомъ (стр. 534).

Разсматривая наказанія употребляемыя волостными судами, мы находимъ что нѣкоторыя изъ нихъ общественныя работы, штрафъ до 3 руб. арестъ до 7 дней, розги до 20 ударовъ, назначаются на основаніи 102 ст. общ. пол. о кр. остальныя же оставленіе въ подозрѣніи и на замѣчаніи общества, отдача на поручительство, отдача въ заработки къ частнымъ лицамъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава (ст. 443, 444, 402), въ большей части волостей крестьяне заявляли, что судомъ назначаются только наказанія, указанныя въ законѣ, а въ нѣкоторыхъ двѣнадцати волостяхъ—только наказанія, указанныя въ положеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ronard de Card. L'arbitrage international dans le passé, le présent et l'avenir. 1877.

Сочиненіе г. Руаръ де Каръ—о международномъ третейскомъ судѣ—вышло недавно въ Парижѣ и заслуживаетъ, какъ по своему предмету, такъ и по самому содержанію, полнаго вниманія нашихъ юристовъ. Судя по предисловію это есть первое произведеніе автора, что конечно дѣлаетъ ему еще больше чести. Юридическій факультетъ въ Парижѣ удостоилъ его премін (prix Sturdy) 1 августа 1876 г. *)

Прежде всего выборъ темы этого сочиненія очень удаченъ. Третейское разбирательство (arbitrage) спорныхъ между государствами дѣлъ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе просвѣщенныхъ людей Америки и Европы, а между тѣмъ до сихъ поръ о немъ почти не существуетъ обще-доступныхъ сочиненій. Г. Руаръ де Каръ хорошо восполняетъ этотъ важный пробѣлъ. Онъ изучаетъ избранный имъ вопросъ съ разныхъ сторонъ и даетъ намъ на немногихъ страницахъ (въ книгѣ всего 146 стр.) интересную, весьма отчетливо составленную картину постепеннаго развитія и расширенія третейскаго разбирательства въ практикѣ государствъ.

Но мы должны воздать не меньшую похвалу и его изложенію. Оно всюду отличается большою объективностію; авторъ

---

*) Коммиссія, разсматривавшая это сочиненіе, состояла изъ гг. Giraud, Colmet-Daage, Gide, Renault и Lyon-Caen, докладчика. Извлеченіе изъ отзыва послѣдняго напечатано въ видѣ предисловія къ книгѣ.

чуждъ всякихъ декламацій и увлеченій, хотя бы и самыхъ заманчивыхъ. Горячій поборникъ мира онъ ни минуту не оставляетъ строго научной почвы и книга его въ равной степени привлекаетъ читателя какъ своею ясностію, такъ и серьезностію. «Бэконъ, говоритъ онъ, совѣтуетъ каждому, желающему изучать физическій или нравственный міръ, прикрѣплять къ ногамъ свинцовыя подошвы. Въ этомъ скрывается, въ причудливой формѣ, глубокая истина. Особенно же тѣ, которые трудятся надъ опредѣленіемъ отношеній между людьми, или еще болѣе между народами, должны противостоять увлеченіямъ своей фантазіи и капризамъ своихъ личныхъ вкусовъ. Очень легко, даже для посредственнаго ума, высказывать остроумныя и блестящія теоріи; но какую пользу извлечетъ человѣчество изъ подобныхъ системъ, предлагаемыхъ безъ размышленія и не могущихъ выдержать ни малѣйшаго соприкосновенія съ дѣйствительностію».

Въ этомъ духѣ и написана вся книга. Вполнѣ одобряя ее въ цѣломъ, мы не вездѣ однако согласны съ авторомъ въ частностяхъ. Намъ кажется общая система его сочиненія не совершенно удачною. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній, онъ приступаетъ къ изложенію третейскаго разбирательства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Подобное дѣленіе предмета, основанное на *времени* представляется намъ довольно шаткимъ и не научнымъ. Отсюда у него выходитъ то, что къ настоящему онъ относитъ Священный Союзъ (давно уже исчезнувшій) и случаи принадлежащіе къ началу нашего столѣтія. Напротивъ, событія чисто современныя (запросы въ палатахъ о введеніи третейскихъ судовъ, брюссельская конференція 1874 г. и т. д.), у него разсматриваются въ главѣ, посвященной будущему. Правда онъ говоритъ, что въ этой главѣ излагаетъ «тѣ блестящія теоріи, которыя, до сихъ поръ не найдя никакого осуществленія, призваны установить миръ между народами лишь въ болѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ». Но указанныя нами событія суть не теоріи только, а факты и притомъ факты крайне важные для современнаго правосознанія. Переходя къ содержанію книги г. Руаръ де Каръ, мы замѣчаемъ, что въ ней историческій элементъ значительно преобладаетъ надъ теоретическимъ. Начиная съ классической древности авторъ упоминаетъ въ немногихъ словахъ объ амфиктіоніи и феціалахъ, а относительно среднихъ вѣковъ говоритъ о папствѣ и имперіи. Но едва ли въ этихъ учрежденіяхъ можно

отыскивать даже зародыши третейскихъ судовъ въ современномъ смыслѣ. Лишь переходя къ новому времени, онъ установляетъ различіе между посредничествомъ (médiation) и третейскимъ разбирательствомъ (arbitrage), при чемъ видимо однако не пользовался статьями Бульмеринка о томъ же предметѣ *). Онъ подробно говоритъ о происхожденіи знаменитаго 23 протокола парижскаго конгресса (отъ 16 апрѣля 1856 г.) относительно посредничества и показываетъ его практическое значеніе среди послѣдовавшихъ за нимъ событій до франко-прусской войны включительно, но собственно на историческихъ примѣрахъ третейскаго разбирательства останавливается, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало. Онъ приводитъ всего 8 примѣровъ такого разбирательства и даже по Алабамскому дѣлу не указываетъ богатой, относящейся сюда, литературы. Этотъ пробѣлъ впрочемъ замѣтенъ во всей его книгѣ. Хотя литература по избранному имъ вопросу, вообще говоря, не велика, но все-таки есть сочиненія, на которыхъ можно и должно остановиться. Г. Руаръ де Каръ вѣроятно предполагаетъ въ своихъ читателяхъ знакомство съ этими сочиненіями, такъ какъ многія изъ нихъ написаны по французски. Но на нашъ взглядъ это можетъ служить ему извиненіемъ лишь отчасти. Есть хорошія изслѣдованія о международныхъ третейскихъ судахъ въ итальянской, англійской и германской литературѣ, да и кромѣ того книга г. Руаръ де Каръ, по своимъ многочисленнымъ достоинствамъ, призвана популяризировать проводимую ею идею. А поэтому даже французскія монографіи по этой части получили бы лишь новое и большее распространеніе, если бы подверглись обсужденію въ книгѣ г. Руаръ де Каръ.

Но лучшій и интереснѣйшій отдѣлъ мы находимъ въ послѣдней главѣ, посвященной будущему. Отправляясь отъ знаменитаго воззрѣнія Савиньи на международное право **), авторъ весьма дѣльно и обстоятельно разбираетъ *три главныя рефор-*

---

*) Въ Rechtslexikon изд. Гольцендорфомъ.

**) Международное право, говоритъ Савиньи, хотя и есть право положительное, но несовершенное какъ по *неопредѣленности его началъ*, такъ и по отсутствію въ немъ того, на чемъ собственно основывается положительное право каждаго отдѣльнаго народа, именно *общей верховной власти* и *сановниковъ* призванныхъ прилагать право (System des heutigen römischen Rechts. B. I, cap. II, § 6.)

мы требуемыя въ международной жизни многими писателями и учеными нашего времени. Эти реформы суть: кодификація международнаго права, учрежденіе постояннаго международнаго суда и установленіе надъ государствами общей верховной власти, въ родѣ федеративной власти, возвышающейся надъ отдѣльными штатами въ Сѣверной Америкѣ.

1. Вопросъ о *кодификаціи международнаго права* получилъ съ парижскаго конгресса большое значеніе въ теоріи и практикѣ. Г. Руаръ де Каръ останавливается особенно на научныхъ опытахъ этого рода. Онъ говоритъ о книгѣ Фильда (котораго, не знаемъ почему считаетъ англичаниномъ) слишкомъ мало, но съ любовію разбираетъ сочиненіе Блюнчли, въ которомъ видитъ рѣдкое соединеніе возвышенныхъ философскихъ идей съ практическими требованіями современнаго права. «Широко и весьма мудро сочетая теорію съ практикою, оно можетъ, говоритъ онъ, оказать большое вліяніе на развитіе международнаго права, указывая народамъ на то, что сдѣлано и чего еще не достаетъ» *). Но особенно онъ хвалитъ Блюнчли за то, что послѣдняя франко-германская война не лишила его «безпристрастія достойнаго благороднаго сердца и великаго ума». «Нѣмецъ и патріотъ», продолжаетъ онъ, «Блюнчли однако не побоялся предать осужденію варварскую практику германскаго войска въ 1870 г. и энергично возстаетъ противъ бомбардированія открытыхъ городовъ и знаменитой теоріи психологическаго давленія на населеніе осажденныхъ мѣстностей. По истинѣ достоинъ удивленія тотъ, кто, среди общаго энтузіазма побѣдоноснаго народа, мужественно возвышаетъ свой голосъ въ пользу разума и справедливости».

Менѣе, къ сожалѣнію, говоритъ г. Руаръ де Каръ о стремленіи самихъ государствъ кодифицировать военное право. Въ этомъ скрывается важное знаменіе времени. Онъ какъ бы мимоходомъ только касается примѣчательной инструкціи Либера и брюссельской декларація; но видимо одобряетъ самую идею военнаго права. «Напрасно думаетъ Ларрокъ, замѣчаетъ онъ, что цивилизовать войну также трудно, какъ пріучить тигра жить съ дикой козой». Онъ приводитъ мѣткое замѣчаніе по этому

*) Какъ извѣстно эта книга Блюнчли „Современное международное право“ вышла недавно и въ русскомъ переводѣ двухъ московскихъ кандидатовъ г.г. Ульяницкаго и Лодыженскаго. (1877 г.).

поводу Ролена-Жекмена. «Не имѣя возможности избѣгнуть совершенно случайностей войны, мы поставлены предъ выборомъ одного изъ двухъ путей: или продолжать держаться прежняго шаткаго и неопредѣленнаго права, неизбѣжно вызывающаго, среди ужасовъ войны, цѣлый рядъ безплодныхъ обвиненій и пререканій, ведущихъ лишь къ усиленію и продолженію безъ конца возбужденныхъ страстей и ненависти между народами, или же регламентировать, облечь въ юридическія нормы, отношенія, которыя, не смотря на всю свою насильственность, не могутъ избѣгнуть опредѣленій права» *).

Всѣ эти попытки кодификаціи, сдѣланныя государствами до сихъ поръ, заслуживаютъ, при всей ихъ неполнотѣ и отрывочности, серьезнаго вниманія: онѣ получили, на этихъ дняхъ, новое, торжественное подтвержденіе со стороны нашего правительства, въ декларации 11 мая, изданной по поводу турецкой войны **).

2. Съ кодификаціею международнаго права тѣсно соединяется и идея о *постоянномъ, международномъ судѣ*. Одна реформа не мыслима безъ другой. Въ третейскомъ разбирательствѣ, по вѣрному замѣчанію Лавеле ***), можно видѣть первую ступень къ международному суду. Для юриста поэтому крайне интересно прослѣдить за постояннымъ расширеніемъ этихъ идей въ общественномъ мнѣніи. Г. Руаръ де Каръ приводитъ постановленія тѣхъ законодательныхъ собраній, которыя до сихъ поръ высказались въ пользу третейскаго разбирательства спорныхъ между государствами дѣлъ. Это суть: англійскій парламентъ (въ 1873 г.), американскій конгрессъ (1874 г.) и палаты представителей въ Италіи (1873 г.), Голландіи (1874 г.), Швеціи (1874 г.) и Бельгіи (1875 г.). Очеркъ дебатовъ, дѣлаемый авторомъ, очень любопытенъ. Изъ него мы видимъ во первыхъ, что правительства названныхъ странъ, одобривъ самую идею третейскихъ судовъ, не дали ей по сію пору дальнѣйшаго практическаго движенія (за немногими исключеніями) и вовторыхъ, что Франція, Германія и Россія не сдѣлали этого даже въ теоріи. Тѣмъ не менѣе

*) Revue de droit international; 1875, стр. 93.

**) Моск. Вѣд. № 118.

***) Les causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage. 1873. стр. 187.

изучаемое нами явленіе очень важно и болѣе всего въ практическомъ отношеніи: оно распространяетъ идеи третейскаго суда въ народныхъ массахъ и побуждаетъ государства обращаться къ нему въ наше время все чаще и чаще.

Авторъ нашъ приводитъ главныя черты организаціи международныхъ судовъ, какъ онѣ излагаются у большинства писателей. Каждое государство, независимо отъ населенія и могущества, назначаетъ опредѣленное число судей изъ извѣстныхъ ученыхъ (правовѣдовъ) и дипломатовъ. Судъ засѣдаетъ, въ избѣжаніе національныхъ вражды и зависти, въ какой-либо нейтральной странѣ (напр. въ Швейцаріи или Бельгіи). Онъ постояненъ относительно своего состава, но засѣдаетъ лишь тогда, когда возникаютъ дѣла, поступающія на его рѣшеніе. Члены его не получаютъ ни жалованія, ни вознагражденія, но имъ выплачиваются издержки проѣзда и пребыванія, на время процесса, въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ. Полномочія суда весьма обширны: онъ разсматриваетъ всякія дѣла, рѣшаетъ ихъ окончательно, но не имѣетъ права вмѣшательства въ внутреннія дѣла государствъ.

Идея объ установленіи международнаго суда далеко не нова и столь же древни возраженія, дѣлаемыя противъ нея. Мы находимъ эти возраженія въ разбираемой нами книгѣ. Главное изъ нихъ состоитъ въ томъ вопросѣ, какъ приводить въ исполненіе рѣшенія такого суда? Надъ государствами нѣтъ высшей власти, которая охраняла бы право, вопреки ихъ волѣ. «Если подобному суду, говоритъ Роленъ-Жекменъ, предоставить такую власть, что никто даже не подумаетъ противостоять его рѣшеніямъ, то подобная власть надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ явится не гарантіею мира, а скорѣе опасностію для него. Если же наоборотъ рѣшенія суда могутъ быть оспариваемы, то въ такой же мѣрѣ, уменьшится ихъ практическое значеніе для общаго мира». Вотъ, прибавляетъ г. Руаръ де Каръ, страшная дилемма, которая останавливаетъ всѣ эти прекрасныя теоріи и на долго еще помѣшаетъ ихъ осуществленію.

Но дѣйствительно ли эта дилемма такъ безвыходна, какъ онъ думаетъ? Позволяемъ себѣ нѣсколько усомниться въ этомъ.

3. Однако теоретики и мечтатели, пораженные ею, идутъ далѣе и предлагаютъ учредить нѣчто въ родѣ *Соединенныхъ Штатовъ Европы*, т. е. такой федераціи, которая обнимала бы различныя европейскія государства, обращенныя предварительно

въ республики. Члены этого союза не утратили бы вполнѣ своей самостоятельности, но надъ ними возвышалась бы верховная власть цѣлой федераціи (законодательная, судебная и исполнительная), которая охраняла бы общую конституцію и защищала бы, даже силою оружія, общій порядокъ.

Нечего и говорить о фантастичности этого послѣдняго проекта: всѣ европейскія государства до сихъ поръ еще такъ мало пользуются внутреннимъ миромъ и между ними такъ много разногласій, что и думать нельзя объ образованіи изъ нихъ одной федераціи.

Послѣ разбора всѣхъ этихъ теорій авторъ указываетъ на великое правообразовательное значеніе брюссельской конференціи и гентскаго Института. Заключительныя слова его книги посвящены той же идеѣ, которою проникнуто и все его сочиненіе—идеѣ мира между народами. Нельзя не порадоваться этому призыву, дѣлаемому намъ изъ Франціи. Вопреки всѣмъ тревожнымъ событіямъ нашихъ дней, идеи и потребности мира быстро ростутъ въ общемъ сознаніи человѣчества и г. Руаръ де Каръ правъ, заключая свою прекрасную книгу словами Лабуле: «Наполеону подобаетъ малитися, Вашингтону рости».

Графъ Леонидъ Камаровскій.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Духовное завѣщаніе составленное лицомъ, состоящимъ подъ опекою, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, по причинѣ расточительности, дѣйствительно, и существующее въ законѣ (т. XIV уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 240) правило объ устраненіи расточителя отъ права на продажу или закладъ своего имѣнія и на заключеніе всякаго рода обязательныхъ актовъ, не распространяется на право — завѣщать это имѣніе (т. X. ч. I. зак. гражд. ст. 1017 и 1019).

1877 года января 27 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ К. П. Линдрота и Д. А. Печонтковскаго, при товарищѣ прокурора В. А. Тороповѣ, слушалъ дѣло о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія вдовы почетнаго гражданина Екатерины Ѳедоровны Малютиной. Обстоятельства дѣла: по довѣренности потомственнаго почетнаго гражданина Николая Павловича Малютина, присяжный повѣренный Лохвицкій, 29 апрѣля 1876 года, предъявилъ въ Московскомъ Окружномъ судѣ искъ о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія умершей вдовы Почетнаго гражданина Екатерины Ѳедоровны Малютиной. Въ исковомъ прошеніи Лохвицкій объяснилъ, что въ 1875 году умерла мать его довѣрителя потомственная почетная гражданка Екатерина Ѳедоровна Малютина, которая оставила нотаріальное

духовное завѣщаніе, утвержденное Московскимъ Окружнымъ судомъ къ исполненію 17 ноября 1875 года, въ порядкѣ охранительнаго производства. Основанія настоящаго иска слѣдующія. Въ 1863 году, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Московскому генералъ-губернатору главноуправляющимъ III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ семейнаго дѣла Малютиныхъ, была учреждена опека надъ личностію и имуществомъ Екатерины Ѳедоровны Малютиной въ вѣдомствѣ Московскаго сиротскаго суда, каковая опека продолжала существовать до смерти Малютиной. Такимъ образомъ, опека учрежденная надъ личностью и имуществомъ Малютиной, не была опекой, налагаемой въ установленномъ общемъ порядкѣ на имущество за роскошь и мотовство (ст. 236—240 уст. пред. прест. XIV т.), а таковаго, о которой говорится въ 296 ст. X т. 1 ч. По силѣ сей статьи, а равно по соображенію со статьями 17—21 уст. гражд. суд. на опеки учреждаемыя по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ распространяются всѣ постановленія законовъ гражданскихъ объ опекѣ и попечительствѣ надъ малолѣтними, за исключеніемъ тѣхъ изъятій, которыя именно установлены въ Высочайшемъ повелѣніи. Очевидно, что если опекунамъ въ опекахъ по Высочайшимъ повелѣніямъ даны права присвоенныя вообще опекунамъ надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними, то и совершеннолѣтніе, надъ личностію и имуществомъ которыхъ учреждены таковыя опеки, подпадаютъ въ отношеніи своей гражданской правоспособности въ положеніе несовершеннолѣтнихъ. На основаніи 1018 ст. X т. признаются дѣйствительными лишь духовныя завѣщанія лицъ имѣющихъ по закону право отчуждать свое имущество; въ ст. 1019 признаются недѣйствительными завѣщанія несовершеннолѣтнихъ; въ ст. 1021 и 1022 того же тома право распоряженія имуществомъ чрезъ завѣщаніе разрѣшено лишь тѣмъ, изъ совершеннолѣтнихъ подопечныхъ, надъ которыми учреждена опека лишь за долги или за злоупотребленіе помѣщичьей властью, и не учинено, какъ въ сихъ статьяхъ, такъ и въ другихъ какихъ-либо статьяхъ свода законовъ таковаго же изъятія въ пользу состоящихъ подъ опекою, на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній. По силѣ вышеизложенныхъ законовъ Екатерина Малютина, надъ личностію и имуществомъ которой была учреждена по Высочайшему повелѣнію опека, безъ какихъ-либо изъятій въ ея пользу относительно права

распоряженія имуществомъ по завѣщанію и даже съ лишеніемъ ея права распоряжаться воспитаніемъ дѣтей, не имѣла права распоряжаться своимъ имуществомъ ни при жизни, ни на случай смерти, духовнымъ завѣщаніемъ. На основаніи изложеннаго Лохвицкій просилъ судъ духовное завѣщаніе Малютиной признать недѣйствительнымъ, утвердить его довѣрителя въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Малютиной и въ обезпеченіе иска наложить запрещеніе на оставшееся послѣ смерти Малютиной имущество, находящееся въ вѣдѣніи Московскаго Сиротскаго суда. Цѣна иска объявлена 207000 руб. По вопросу объ обезпеченіи иска, дѣло это слушалось 20 мая 1876 года, и судомъ между прочимъ было постановлено: дать дѣлу ходъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства, завѣщанное Малютиною имѣніе и имущество взять въ опекунское управленіе, о чемъ и сообщить Сиротскому суду, и вызвать отвѣтчиковъ къ суду, согласно 303 ст. уст. гражд. суд. къ 20 ноября 1876 г. Въ засѣданіи 20 мая, Лохвицкій представилъ: а) копію опредѣленія суда объ утвержденіи завѣщанія Малютиной; б) свидѣтельство Сиротскаго суда о томъ, что опека существуетъ и по настоящее время и е) копію указа Московскаго губернскаго правленія Сиротскому суду, изъ котораго видно: Его Императорское Величество во вниманіе къ особенностямъ этого дѣла Высочайше соизволилъ ему, Московскому генералъ-губернатору, распорядиться учрежденіемъ надъ вдовою Екатериною Малютиною опеки въ видахъ предохраненія ея имущества отъ растраты, съ устраненіемъ при томъ ея, Малютиной, отъ распоряженій по воспитанію ея малолѣтнихъ дѣтей, которыя отнынѣ должны оставаться на обязанности прочихъ душеприкащиковъ покойнаго Павла Малютина. Изъ числа 37 отвѣтчиковъ по настоящему дѣлу подали только два отвѣта: присяжный повѣренный Харитоновъ по довѣренностямъ Евдокіи Васильевны Фуксъ, урожденной Зубовой и Владиміра Зубова. Въ отвѣтахъ этихъ Харитоновъ объясняетъ, что Лохвицкій не дѣлаетъ никакого различія между опеками учреждаемыми въ порядкѣ семейственномъ и опеками во всѣхъ другихъ случаяхъ учреждаемыми внѣ порядка семейственнаго: за долги, за расточительность и за злоупотребленіе помѣщичьей властью и всѣ эти виды опекъ безъ различія потому только, что они учреждены по Высочайшему повелѣнію, приравниваетъ къ опекамъ надъ малолѣтними, между тѣмъ какъ предѣлы гражданской правоспособности тѣхъ и другихъ подопечныхъ весь-

ма различны и опредѣляются различными законоположеніями. Опека надъ Екатериной Малютиною, хотя и съ Высочайшаго соизволенія учрежденная, есть въ существѣ своемъ опека за расточительность, для предохраненія ея имущества отъ растраты, какъ это выражено въ указѣ Московскаго губернскаго правленія Сиротскому суду. По 240 ст. уст. о пред. и прес. прест. т. XIV владѣлецъ имѣнія, находящагося подъ опекой за расточительность, устраняется лишь отъ права на продажу или закладъ своего имѣнія и на заключеніе всякаго рода обязательныхъ актовъ, но онъ не лишенъ права распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти, духовнымъ завѣщаніемъ. По закону недѣйствительны духовныя завѣщанія: безумныхъ, сумасшедшихъ, умалишенныхъ, самоубійцъ, несовершеннолѣтнихъ, людей лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ. Эти узаконенія, какъ спеціальныя, не допускаютъ никакого распространительнаго толкованія. Такимъ образомъ нигдѣ, ни въ законахъ гражданскихъ ни въ XIV т., ни въ какихъ-либо иныхъ узаконеніяхъ не встрѣчается запрещенія лицамъ, находящимся подъ опекой за расточительность, распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти, духовнымъ завѣщаніемъ. 296 ст. X т. 1 ч. не имѣетъ того распространительнаго значенія, какое придаетъ ей Лохвицкій, и даже къ настоящему случаю вовсе не относится. Эта статья не приравниваетъ всѣ возможные виды опекъ къ опекамъ надъ малолѣтними, она трактуетъ лишь объ опекахъ надъ малолѣтними по Высочайшему повелѣнію учрежденныхъ и относится только къ порядку управленія имуществомъ малолѣтнихъ; всѣ же другіе виды опекъ, хотя и по Высочайшему повелѣнію учрежденныхъ, опредѣляются спеціальными къ тѣмъ видамъ опекъ законами относящимися, а также и Высочайшими указами объ учрежденіи тѣхъ опекъ. Такимъ образомъ признавая, что опека надъ Екатериною Малютиной учрежденная, есть опека за расточительность, что характеръ и существо этой опеки нисколько не измѣняется отъ того что она учреждена по Высочайшему повелѣнію, что лицамъ находящимся подъ опекой за расточительность не запрещено распорядиться своимъ имуществомъ духовнымъ завѣщаніемъ, Харитоновъ проспалъ судъ въ искѣ Малютину отказать, взыскавъ съ него въ пользу его довѣрителей судебныя и за веденіе дѣла издержки. Прошеніемъ, поданнымъ въ судъ 18 января 1877 года, присяжный повѣренный Плевако, по довѣрен-

ностямъ отъ 28 отвѣтчиковъ, просилъ судъ о назначеніи дѣла къ слушанію. Въ засѣданіе суда по сему дѣлу явились повѣренные истца: присяжный повѣренный Лохвицкій и отвѣтчиковъ: присяжные повѣренные Плевако и Харитоновъ, объясненія которыхъ подробно записаны въ протоколѣ. Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, Окружный судъ находитъ что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ: можетъ ли лицо, состоящее въ опекѣ по Высочайшему повелѣнію, составить духовное завѣщаніе? По закону (ст. 1018 т. X. ч. I зак.), всѣ духовныя завѣщанія только тогда могутъ быть дѣйствительны, когда они составлены лицами имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество. Въ этой статьѣ законъ очевидно говоритъ только о личной, субъективной способности завѣщателя, т. е. о той способности, которую имѣютъ всѣ лица, обладающіе полнотою гражданскихъ правъ; говорится о правѣ отчуждать имущество вообще, а не о правѣ отчуждать то или другое имущество. Это ясно изъ сопоставленія приведеннаго закона съ 1019 ст.; изъ того что заложенное имѣніе отчуждать нельзя, а завѣщать можно. По этому приведенная 1018 ст. закона имѣетъ прямо въ виду разрѣшить вопросъ не о томъ, можетъ ли быть отчуждаемо, то или другое имущество, а о томъ, въ правѣ ли то или другое лицо отчуждать свое имущество вообще. Приведенныя соображенія приводятъ, повидимому, къ тому выводу, что такъ какъ лице, состоящее въ опекѣ, по какому бы то ни было случаю, лишается права отчуждать свое имущество, то и не можетъ составить духовнаго завѣщанія. Но этотъ выводъ не будетъ вполнѣ правиленъ, потому что 1018 ст. взята и разъяснена въ отдѣльности, тогда какъ 1019 ст. составляетъ очевидное продолженіе этой статьи и по этому толкованіе 1018 ст., безъ соображенія ея съ слѣдующею статьею невозможно. Ст. 1019 говоритъ: по сему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ и 2) людей лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія когда приговоръ имъ объявленъ. Повѣренный истца Лохвицкій говоритъ, что ст. 1018 обнимаетъ собою общій предметъ личной правоспособности завѣщателя, а 1019 ст. составляетъ только указаніе примѣровъ, подобно тому какъ ст. 1016 излагаетъ общее правило, а въ ст. 1017 указано только примѣрно два случая наиболѣе выдающіеся; тогда какъ понятно что во всѣхъ случаяхъ, когда будетъ доказано отсутствіе здраваго ума и твердой па-

мяти завѣщателя, составленное имъ духовное завѣщаніе будетъ признано ничтожнымъ. Кромѣ того, если бы 1019 ст. исчерпывала всѣ случаи личной неправоспособности, то не было бы надобности въ изданіи 1021 и 1022 ст. т. X ч. I. зак. гражд. Этотъ поставленный Лохвицкимъ вопросъ не разрѣшается тѣми статьями закона, на которыя онъ ссылается. Въ ст. 1016 и 1017 говорится всѣ духовныя завѣщанія какъ крѣпостныя такъ и домашнія должны быть составляемы въ здравомъ умѣ и твердой памяти. По сему недѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ когда они составлены ими во время помѣшательства; 2) самоубійцъ. Выраженіе приведеннаго закона (какъ совершенно справедливо говоритъ Мейеръ въ своемъ сочиненіи: «Русское гражданское право») *здравый умъ* конечно указываетъ на нормальное состояніе умственныхъ способностей; а твердая память есть не болѣе какъ привѣсокъ, самъ по себѣ не имѣющій значенія; ибо бываетъ, конечно состояніе безпамятства, но оно въ тоже время есть отрицаніе и здраваго ума, поэтому достаточно было бы сказать только, что завѣщатель, при составленіи завѣщанія, долженъ быть въ здравомъ умѣ, такъ какъ помѣшанные не считаются способными къ гражданской дѣятельности. Посему слѣдуетъ признать что ст. 1017 указываетъ всѣ тѣ случаи, которые вытекаютъ изъ общаго правила, выраженнаго въ ст. 1016, ибо и Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Карасевыхъ, призналъ, что законъ вовсе не требуетъ формальнаго признанія лица умопомѣшаннымъ, для того чтобы доказать страданіе умственнымъ разстройствомъ завѣщателя. А отсюда ясно, что какъ постоянное, такъ и временное разстройство умственныхъ способностей, дѣлая завѣщателя въ то время безумнымъ, уничтожаетъ силу духовнаго его завѣщанія по 1 п. 1017 ст. Такимъ образомъ сопоставленіе 1016 и 1017 ст. съ ст. 1018 и 1019 скорѣе приводитъ къ выводу обратному выводамъ Лохвицкаго. Что же касается до ст. 1021 и 1022, то они совершенно не разрѣшаютъ настоящаго вопроса. 1021 ст. не даетъ правъ подопечному должнику, она очевидно имѣетъ цѣлію гарантировать интересы наслѣдниковъ по завѣщанію, которые безъ этой статьи закона, по 1259 ст. X ч. I зак. гражд., могли быть поставлены въ необходимость платить долги завѣщателя, а такихъ долговъ въ виду уже учрежденія опеки, могло быть болѣе того, что они могли получить. Ст. 1022 возникла по частному

вопросу о томъ что лице, взятое въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами, можетъ передать свое имѣніе, путемъ завѣщанія, такому лицу, которое единомышленно съ нимъ относительно власти помѣщичьей (Полн. Соб. Зак. 1853 г. февраля 24 ст. 27046), и такъ какъ въ Россіи не гражданское уложеніе, а сводъ, добавляемый въ продолженіяхъ по каждому возникающему на практикѣ юридическому вопросу, то хотя статья эта и попала въ сводъ изданія 1857 г. но очевидно, какъ статья единичная и возникшая по частному вопросу, не можетъ служить разъясненіемъ прочихъ статей свода, а должна быть принимаема какъ дополненіе ихъ. Кромѣ того Лохвицкій, ссылаясь на примѣчаніе къ 212 ст. т. X ч. I зак. граж. по прод. 1868 г., указываетъ на то, что опеки по Высочайшему повелѣнію приравниваютъ подопечныхъ къ малолѣтнимъ и лишаютъ ихъ тѣмъ и въ силу пун. 1 ст. 1019 права, права составить завѣщаніе. Но этотъ выводъ не представляется основательнымъ, потому что приведенное примѣчаніе къ 212 ст. и Высочайше преподаваемыя на каждый случай правила, касаются только имущественной правоспособности подопечнаго и указываютъ способъ управленія его имѣніемъ, не касаясь никогда личныхъ правъ его, и поэтому не могутъ дѣлать изъ подопечнаго совершеннолѣтняго—малолѣтняго. Съ своей стороны, повѣренные отвѣтчиковъ, ссылаясь на то, что опека надъ Малютиной, судя по буквальному смыслу Высочайшаго повелѣнія, учреждена за расточительность, (ст. 236—240 т. XIV о предуп. и прес. прест.) находятъ, что, по закону, расточители не лишены права завѣщать, причемъ они примѣняютъ ст. 1021 т. X ч. I зак. гражд. Но въ приведенныхъ статьяхъ т. XIV о расточителяхъ о правѣ ихъ составлять завѣщанія ничего не говорится; а 1021 ст. примѣнить нельзя, ибо понятіе неоплатнаго должника и расточителя разныя, расточать свое состояніе можно и не дѣлая долговъ, и такъ какъ 1021 ст. есть ст. частная, а не общая то ей не можетъ быть дано распространительнаго толкованія. Изъ сего слѣдуетъ что законы наши и приведенныя сторонами соображенія не могутъ привести къ окончательному выводу о томъ исчерпываетъ ли 1019 ст. всѣ частные случаи, предусмотрѣнные общею 1018 ст., и не могутъ разрѣшить возбужденнаго судомъ вопроса о томъ: дѣйствительно ли завѣщаніе, составленное лицемъ, надъ которымъ учреждена опека по Высочайшему повелѣнію. По теоріи права, право дѣлать завѣщаніе (testamenti fa-

ctio activa) принадлежитъ всякому, кто пользуется полнотою правъ гражданскихъ и соединенной съ нимъ власти (Rechtsfähigkeit). Между тѣмъ, признанные расточители могутъ по прусскому и австрійскому праву, завѣщать половину своего состоянія. Во французскомъ кодексѣ (904 ст.) приведенное правило выражено такъ: всякій можетъ давать и получать, какъ путемъ даренія, такъ и путемъ завѣщанія, кромѣ тѣхъ только которыхъ законъ признаетъ къ этому неспособными. Къ числу ихъ французскій кодексъ не относитъ вовсе расточителя, если только онъ не поврежденъ въ умѣ, хотя бы онъ находился подъ попечительствомъ (Conseil judiciaire). Изъ изложенныхъ соображеній оказывается: 1) что хотя по теоріи права, съ которою согласна 1018 ст. т. X ч. I зак. гражд., только тотъ можетъ завѣщать кто вполнѣ пользуется своими гражданскими правами, но европейскія законодательства не примѣняютъ этого общаго правила во всей его строгости; 2) что по французскому праву расточители даже подопечные не лишаются права завѣщать; 3) что по русскому праву сопоставленіе 1016 и 1017 ст. со ст. 1018 и 1019 т. X ч. I зак. приводитъ скорѣе къ тому выводу, что только тѣ лица, о коихъ упоминается въ 1017 и 1019 ст., завѣщать не могутъ, всѣ же прочія лица, прямо въ этихъ статьяхъ не указанныя, могутъ завѣщать; 4) что этотъ выводъ согласенъ съ общимъ понятіемъ, что все что прямо не воспрещено закономъ должно считаться дозволеннымъ; и при томъ всякое запрещеніе должно быть выражено прямо, а законы, ограничивающіе права не могутъ быть толкуемы распространительно, по сему Окружный судъ находитъ, что въ томъ случаѣ, когда Высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи опеки подопечному прямо не воспрещено составленіе завѣщанія, права этого онъ лишенъ быть не можетъ и завѣщаніе, имъ оставленное должно быть почитаемо имѣющимъ законную силу. И такъ какъ при учрежденіи опеки надъ Екатериною Малютиной, она Высочайшимъ повелѣніемъ не лишена права оставить на свое имущество духовное завѣщаніе и такъ какъ завѣщаніе ея, съ формальной стороны, судомъ утверждено къ исполненію, то искъ сына ея Николая Малютина о признаніи сего духовнаго завѣщанія ничтожнымъ не имѣетъ основанія. Принимая затѣмъ во вниманіе: 1) что по 868 ст. уст. гражд. суд. истецъ обвиненный въ искѣ обязанъ возвратить отвѣтчикамъ оправданнымъ понесенныя ими судебныя издержки и вознаградить ихъ за веденіе дѣла; 2) что отвѣтчиками понесено су-

дебныхъ издержекъ повѣреннымъ гг. Фуксъ и Зубова г. Харитоновымъ на 3 р. 20 к. и повѣреннымъ прочихъ Плевако на 1 р. 30 коп., а за веденіе дѣла по таксѣ съ цѣны иска въ 207000 руб. приходится 1766 руб. 66 коп. Окружный судъ опредѣляетъ: въ искѣ Николаю Малютину отказать и взыскать съ нихъ въ пользу отвѣтчиковъ Фуксъ и Зубова судебныхъ издержекъ 3 руб. 20 коп. и повѣреннаго Плевако судебныхъ издержекъ 1 р. 30 коп. и за веденіе дѣла въ пользу всѣхъ отвѣтчиковъ 1766 руб. 66 коп. Рѣшеніе это не подлежитъ предварительному исполненію.

II.

Протестовать векселя противу срочныхъ по онымъ поручителей не представляется надобности.

1876 года января 10 дня, Рязанскій Окружный Судъ, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, по 3 отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Д. П. Тихомирова, въ составѣ членовъ Суда М. С. Горянинова и П. И. Перепелкина и при секретарѣ В. Т. Матвѣевѣ, слушалъ доложенное предсѣдателемъ Тихомировымъ дѣло, по рапорту нотаріуса Духанина, вслѣдствіе жалобы на него мѣщанки Цѣвиной. Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ: дворянинъ Вышеславцевъ выдалъ 6 ноября 1876 года мѣщанкѣ Цѣвиной вексель въ суммѣ 1200 руб., срокомъ на 15 дней, за срочнымъ поручительствомъ на самомъ векселѣ купца Соболева. Вексель этотъ 1 декабря былъ представленъ Цѣвиной нотаріусу Духанину для протеста противъ векселедателя и поручителя. Нотаріусъ исполнилъ требованіе просительницы лишь по отношенію къ первому, отказавъ ей въ протестѣ противъ поручителя. Жалуясь на эти дѣйствія нотаріуса, Цѣвина ходатайствуетъ о признаніи ихъ неправильными. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, Окружный судъ находитъ, что по содержанію принесенной мѣщанкой Цѣвиной на нотаріуса Духанина жалобы, разрѣшенію подлежитъ вопросъ о томъ, представляются ли правильными дѣйстія нотаріуса относительно отказа Цѣ-

виной въ протестѣ противъ поручителя Соболева, сдѣлавшаго срочное поручительство на векселѣ, выданномъ ей дворяниномъ Вышеславцевымъ? Разрѣшеніе сего вопроса зависитъ главнымъ образомъ отъ опредѣленія свойства и значенія той отвѣтственности, которой долженъ подвергаться срочный по векселю поручитель при обращеніи на него взысканія, т. е. по вексельному уставу, или на основаніи гражданскихъ законовъ объ обязательствахъ вообще, ибо только въ первомъ случаѣ представляется необходимость въ протестѣ. Въ уставѣ о векселяхъ не содержится никакого постановленія о поручительствѣ на срокъ. Хотя изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы поручительство, въ такомъ смыслѣ сдѣланное на векселѣ, теряло свою обязательность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и допустить, чтобы съ принятіемъ его, поручитель становился къ кредитору въ иныя юридическія отношенія, кромѣ тѣхъ которыя положительно предусмотрѣны закономъ. Срочное поручительство, неизвѣстное вексельному уставу, установляется общими законами гражданскими, опредѣляющими и порядокъ взысканія, и послѣдствія срочныхъ за должниковъ поручителей на основ. 1560 ст. 1 ч. X. т., по которой протеста противъ срочныхъ поручителей не требуется. Распространять же на нихъ правила о протестахъ, свойственныя лишь уставу о векселяхъ, невозможно, какъ по отсутствію на сей предметъ указаній въ томъ уставѣ, такъ и по тому соображенію, что вексельный уставъ, какъ составляющій, по своей спеціальности, изъятіе изъ общихъ законовъ гражданскихъ, не долженъ подвергаться распространительному толкованію. Въ самомъ дѣлѣ: для чего нуженъ протестъ противъ срочнаго поручителя? Уставъ признаетъ протестъ безусловно необходимымъ для сохраненія за векселями силы вексельнаго права въ отношеніи векселедателей и бланконадписателей (рѣш. гражд. кассац. депар. 1868 г. № 2191). Между тѣмъ данное по векселю поручительство на срокъ (рѣш. гражд. кассац. депар. прав. сената 1872 г. № 77) имѣетъ для поручителя послѣдствія, истекающія не изъ вексельнаго права, а изъ ст. 1560 1 ч. X т., которая отвѣтственность такого поручителя обусловливаетъ лишь неучиненіемъ со стороны должника платежа въ срокъ долга и представленіемъ векселя ко взысканію въ мѣсяцъ по наступленіи срока. Другихъ условій по отношенію срочныхъ поручителей не существуетъ. Слѣдовательно, отвѣтственность срочныхъ поручителей находится внѣ всякой зависимости отъ того будетъ ли вексель проте-

стованъ или нѣтъ, потому что и въ томъ и другомъ случаѣ они являются одинаково и въ одинаковой степени отвѣтственными передъ своимъ кредиторомъ. Сей послѣдній выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что кредиторъ въ случаѣ неисправности должника въ правѣ, не обращаясь къ нему сперва съ требованіемъ, обратить взысканіе прямо и непосредственно на поручителя, такъ какъ съ момента просрочки, срочный поручитель дѣлается такимъ же отвѣтственнымъ лицомъ какъ и самъ должникъ. (Рѣш. гр. кас. департ. 1870 года № 516). Если же отвѣтственность срочнаго поручителя находилась бы кромѣ того въ зависимости отъ протеста противу него векселя, то въ такомъ случаѣ установлены были бы и подробныя правила о времени и порядкѣ подобныхъ протестовъ, чего однако въ законѣ не встрѣчается. Всѣ эти соображенія говорятъ въ пользу разрѣшенія постановленнаго выше вопроса въ смыслѣ положительномъ и признанія затѣмъ, что нотаріусъ, не протестовавъ вексель противу срочнаго поручителя, поступилъ правильно и сообразно съ существующими на сей предметъ законами. Находя по этому жалобу Цѣвиной не имѣющею правильнаго основанія, Окружный судъ опредѣляетъ: жалобу эту оставить безъ уваженія.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Новый законъ о вознагражденіи свѣдущихъ людей породилъ у врачей желаніе получать вознагражденіе за свой трудъ во всѣхъ безразлично случаяхъ, когда они вызываются слѣдователемъ или судомъ. Едвали желаніе ихъ справедливо. Въ законѣ этомъ, распубликованномъ въ Правит. Вѣст. 1877 года за № 28 «призываемые въ судебныя установленія свѣдующіе люди, не исключая и врачей, когда сіи послѣдніе приглашаются къ слѣдствію и суду въ мѣстѣ ихъ пребыванія, получаютъ вознагражденіе за ихъ трудъ по правиламъ опредѣленнымъ въ ст. 529, 530, 531, 860, 862 уст. Гр. Суд.». Быть можетъ истинный смыслъ сего узаконенія представляется внѣ всякаго сомнѣнія, но какъ въ практикѣ Рязанскаго Окружнаго Суда уже успѣло возникнуть затрудненіе по поводу вознагражденія врачей, то не будетъ лишнимъ сказать о семъ нѣсколько словъ. «Извѣстно, что врачи призываются или къ предварительному слѣдствію или въ судъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ роли ихъ различны сообразно цѣли для которой они приглашены бываютъ. Разсмотримъ всѣ эти случаи отдѣльно. Если для точнаго уразумѣнія встрѣчающихся въ дѣлѣ обстоятельствъ необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ (325 ст. уст. угол. суд.), то врачи приглашаются слѣдователемъ въ качествѣ свѣдующихъ лицъ, при чемъ безразлично состоятъ ли они на службѣ или нѣтъ, лишь бы только они совмѣщали въ себѣ всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей. Выборъ врачей въ этомъ случаѣ вполнѣ предоставляется усмотрѣнію слѣдователя. Но когда представляется необходимость производства одного изъ слѣдственныхъ дѣйствій, исчисленныхъ въ 336 ст. уст. угол. суд.,

то слѣдователь уже не вправѣ производить выбора между врачами, а обязанъ приглашать судебнаго врача. Сенатъ въ рѣшеніи своемъ по общему собранію 1875 г. № 54 говоритъ, что значеніе свѣдующихъ лицъ и судебныхъ врачей различно: хотя судебный врачъ не особая должность, тѣмъ не менѣе къ исполненію сей обязанности привлечены врачи, состоящіе на государственной службѣ и обязанность судебнаго врача входитъ въ составъ служебныхъ его обязанностей по должности, тогда какъ прибытіе лицъ къ слѣдствію въ качествѣ свѣдующаго лица составляетъ гражданскую обязанность, хотя бы то были и лица служащія или врачи, спеціальность свѣдѣній которыхъ можетъ оказаться необходимою при слѣдствіи и помимо случаевъ указанныхъ въ 336 ст. уст. угол. суд. Поэтому, заключаетъ сенатъ, было бы крайне ошибочно приравнивать званіе свѣдующихъ щихъ людей и судебныхъ врачей. Поэтому, скажемъ мы, весьма важно знать о вознагражденіи какихъ врачей говоритъ новый законъ: врачей ли экспертовъ или врачей судебныхъ?

Если, по словамъ сената, неоспоримо вѣрно, что прибытіе къ слѣдствію судебнаго врача входитъ въ составъ служебныхъ его обязанностей, то невозможно и думать, чтобы судебный врачъ могъ получать за это какое-либо особое вознагражденіе кромѣ того, которое получаетъ онъ за исполненіе всѣхъ вообще обязанностей по его должности. Въ самомъ дѣлѣ: уже изъ одного оглавленія новаго закона явствуетъ, что онъ имѣетъ въ виду назначить вознагражденіе врачамъ не судебнымъ, а только призываемымъ въ качествѣ свѣдующихъ лицъ, т. е. врачамъ исполняющимъ не какую-либо служебную, а гражданскую обязанность, общую всѣмъ лицамъ приглашаемыхъ къ слѣдствію. Къ такому заключенію приводитъ насъ и внутреннее содержаніе новаго узаконенія. Въ немъ сказано: «свѣдующіе люди, не исключая врачей, *когда сіи послѣдніе приглашаются къ слѣдствію и суду въ мѣстѣ ихъ пребыванія, получаютъ вознагражденіе* и т. д. Значитъ, законъ, говоря «не исключая врачей», разумѣетъ подъ ними людей свѣдующихъ. Итакъ, только врачи, призываемые къ слѣдствію на основаніи 325 и 326 ст. уст. угол. суд. въ качествѣ свѣдующихъ лицъ, имѣютъ право на полученіе вознагражденія за труды по экспертизѣ. Но что значитъ подчеркнутыя нами слова? Они наводятъ на мысль, что и врачи въ качествѣ свѣдующихъ людей не всѣ получаютъ вознагражденіе, а только тѣ, которые приглашаются къ слѣдствію въ мѣстѣ ихъ пребыванія.

Объяснимся примѣромъ: врачъ, имѣющій постоянное пребываніе въ городѣ, приглашается въ качествѣ свѣдующаго лица къ слѣдствію за 20 верстъ въ село. Такой врачъ едва-ли можетъ требовать вознагражденіе, на основаніи новаго закона. Если тотъ же врачъ приглашается для того же дѣла въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе, то можетъ заявить о вознагражденіи. Какъ ни странно съ перваго взгляда представляется такое узаконеніе, но оно имѣетъ свое значеніе. Врачъ, призываемый къ слѣдствію не въ мѣстѣ своего пребыванія, получаетъ по закону деньги на прогоны и содержаніе въ пути (978 ст. уст. угол. суд.). Слѣдовательно, давать ему сверхъ того еще и за экспертизу не представляется основанія. Законъ не желаетъ платить двойныхъ денегъ: и за экспертизу и за путевыя издержки. Экономія разумная. Въ другомъ совсѣмъ положеніи бываетъ врачъ, призываемый къ слѣдствію въ мѣстѣ его пребыванія: тогда онъ прогоновъ не получаетъ и получить ему ихъ не за что, а между тѣмъ призывомъ къ слѣдствію отрывается отъ своихъ обычныхъ занятій на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ виду этого, думается мнѣ, новый законъ и назначилъ такимъ врачамъ особое вознагражденіе за труды, котораго они прежде не получали. Но въ примѣненіи всѣхъ этихъ разсужденій на практикѣ можетъ встрѣтиться значительное затрудненіе, порождаемое самимъ же новымъ закономъ, а именно при исчисленіи размѣра вознагражденія въ немъ сдѣлана ссылка на 862 ст. уст. гр. суд. въ которой говорится, что свѣдующіе люди, вызываемые изъ мѣстъ ихъ жительства внѣ черты города, сверхъ вознагражденія, получаютъ за проѣздъ по десяти коп. на версту въ оба пути. Значитъ, и врачъ жительствующій въ городѣ, въ случаѣ призыва его въ село къ слѣдствію въ качествѣ свѣдущаго лица, можетъ получить вознагражденіе независимо отъ путевыхъ издержекъ. Противорѣчіе. Противорѣчіе это еще увеличится, если, признавъ за такимъ врачемъ право на полученіе вознагражденія, выдавать ему на проѣздъ только по 10 коп. на версту, какъ сказано въ 862 ст. уст. гражд. суд., а не на основаніи 978 ст. уст. угол. суд., по которой путевыя издержки врачемъ исчисляютъ въ большемъ размѣрѣ. Что вѣрнѣе скажетъ судебная практика.

До сихъ поръ говорено было о вознагражденіи врачей, призываемыхъ къ предварительному слѣдствію, но новый законъ кромѣ того назначаетъ оное и врачамъ, приглашаемымъ въ судъ.

Здѣсь также поднимается вопросъ о томъ, всѣ ли врачи приглашаемые въ судъ, получаютъ вознагражденіе за свои труды?

Врачи призываются въ судъ: или для объясненія какого-либо предмета и для повѣрки сдѣланнаго уже испытанія, или-же для освидѣтельствованія чрезъ нихъ безумныхъ и сумасшедшихъ. Въ первомъ случаѣ они даютъ свои заключенія, на основаніи 518 ст. уст. угол. суд., на судебномъ слѣдствіи, а въ послѣднемъ въ особомъ присутствіи на основаніи 355 ст. того же устава. Врачи, призываемые въ судебное засѣданіе, всегда дѣйствуютъ въ качествѣ людей свѣдущихъ, а не въ качествѣ врачей судебныхъ. Различіе тѣхъ и другихъ, усвоенное предварительнымъ слѣдствіемъ съ достаточною ясностью, неизвѣстно слѣдствію судебному. Дѣйствительно, въ IV раздѣлѣ уст. угол. суд., посвященномъ уложенію правилъ о производствѣ въ окружныхъ, судахъ, нигдѣ не говорится о приглашеніи на судъ судебнаго врача, какъ лица должностнаго, а если въ немъ иногда и представляется надобность, то онъ можетъ быть вызванъ въ качествѣ свидѣтеля. Отсюда явствуетъ, что врачи, приглашенные въ судъ, по силѣ 578 ст., имѣютъ право на вознагражденіе, какъ люди свѣдущіе, если только они призываются въ мѣсто пребыванія суда, при чемъ безразлично состоятъ ли они на службѣ, или нѣтъ, и были ли они прежде приглашаемы къ предварительному слѣдствію въ качествѣ врачей судебныхъ или врачей экспертовъ. Поэтому легко можетъ случиться, что врачъ, приглашенный къ слѣдствію въ качествѣ судебнаго, на основаніи 336 ст. не получитъ вознагражденія, на основаніи новаго закона, а будучи за тѣмъ приглашенъ въ судъ по тому же дѣлу—получитъ оное, такъ какъ на основаніи 578 ст., онъ даетъ заключеніе въ судѣ въ качествѣ свѣдущаго лица. Что касается наконецъ случаевъ приглашенія врачей по 355 ст. уст. угол. суд., для освидѣтельствованія безумныхъ, то, по мнѣнію моему, они не должны разсчитывать здѣсь ни на какое вознагражденіе за свои труды по дѣлу. Новый законъ о вознагражденіи свѣдущихъ людей сюда относиться не можетъ. Хотя освидѣтельствованіе въ умственномъ разстройствѣ обвиняемаго и составляетъ часть предварительнаго слѣдствія (1871 г. № 990), но производится оно въ окружномъ судѣ въ особомъ смѣшанномъ изъ судей и врачей присутствіи (1869 № 364). Судьи одинаково со врачами, а врачи одинаково съ судьями заявляютъ здѣсь свои мнѣнія въ качествѣ равноправныхъ членовъ одного и того же присутствія, основан-

наго на требованіи 355 ст., какъ это разъяснено сенатомъ въ рѣшеніи по общему собранію за 1873 г. № 53 по дѣлу Матвѣева. Значитъ, врачи по 355 ст. приглашаются въ судъ для составленія особаго присутствія на правахъ члена, а не въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, имѣющихъ получить вознагражденіе за свой трудъ. Поэтому и выборъ такихъ врачей не зависитъ отъ усмотрѣнія сторонъ или суда, какъ это бываетъ при вызовѣ свѣдущихъ лицъ вообще, а командируются они въ присутствіе по распоряженію своего непосредственнаго начальства. (355 ст. уст. угол. суд.).

Д. Т.

Рязань.
Апрѣля 26 дня 1877 г.

II.

Въ статьѣ „Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа", помѣщенной въ №№ 1 и 2 Юридическаго Вѣстника настоящаго года, авторъ обращаетъ вниманіе на сохранившіяся историческіе слѣды, уясняющіе характеръ отношеній половъ въ первобытномъ брачномъ союзѣ,—господство мужа и безусловную подчиненность жены. Доказательства этому авторъ видитъ какъ во многихъ существующихъ въ настоящее время свадебныхъ обрядахъ, такъ и въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. Однимъ изъ рѣзкихъ мотивовъ приводится пѣсня, въ которой поется какъ „выбралъ молодецъ себѣ по сердцу дѣвушку и чтобы слушалась его *ударилъ* ее по бѣлому лицу, по румяной по щекѣ, по жемчужной по сергѣ". Соглашаясь вполнѣ съ взглядомъ г. Смирнова, я позволю себѣ привести въ подтвержденіе его извѣстный мнѣ свадебный обычай, существующій и въ настоящее время, въ которомъ обрядъ, заключающій въ себѣ символъ превосходства мужчины надъ женщиной, составляетъ существенный моментъ заключенія брака. Правда обычай этотъ принадлежитъ финскому племени, но едва ли возможно для насъ игнорировать обычаи финовъ, когда русскій народъ занялъ и продолжаетъ заселять земли финскихъ племенъ.

Въ 1871 году мнѣ пришлось провести лѣто въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, именно въ селѣ Кленовскомъ, расположенномъ по большой Сибирской дорогѣ. Въ 17 верстахъ отъ села, въ сторонѣ отъ большой дороги, находится деревня Лупея, населенная почти исключительно черемисами-язычниками: во всей деревнѣ въ то время была одна русская семья—мельника, поселившагося тамъ болѣе 20 лѣтъ назадъ. Я остановился у мельника и потому познакомился съ маститымъ хозяиномъ.

Лупея, расположенная въ лѣсной глуши, вдали отъ городовъ, представляла для меня, пріѣхавшаго туда почти прямо изъ Москвы, такъ много своеобразнаго, что я не могъ отказать себѣ въ распросахъ хозяина относительно его двадцатилѣтняго житья между черемисами, объ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и т. п. Узнавъ изъ его разсказовъ, что умычка невѣстъ составляетъ обычную, всѣми признаваемую форму заключенія брака, я просилъ его разсказать подробно о всѣхъ входящихъ въ нее обрядахъ. Съ точностью передаю одинъ изъ его разсказовъ, поводомъ которому послужила свадьба, бывшая за нѣсколько дней до моего пріѣзда.

Одинъ черемисскій парень посватался къ молодой дѣвушкѣ, единственной дочери родителей, которые вѣроятно нуждаясь въ лишней работницѣ, отказали сватавшемуся. Тогда женихъ рѣшилъ добиться умычкой того, чего не могъ достигнуть сватовствомъ. Руководителемъ явился дядя жениха по отцу, а пособниками двое парней той-же деревни. Но намѣреніе ихъ долго не могло осуществиться при зоркости и предусмотрительности родителей невѣсты, ожидавшихъ, что женихъ захочетъ прибѣгнуть къ умычкѣ. Какъ ни выжидалъ женихъ удобнаго случая, все не могъ встрѣтить невѣсту одну. Но однажды онъ, освѣдомясь, что родители невѣсты на работѣ въ огородѣ, отправился вмѣстѣ съ товарищами и дядей къ дому невѣсты, расположенному противъ мельничнаго пруда. Дядя вошелъ въ избу одинъ, какъ бы для того, чтобы закурить трубку. Невѣста, указавъ на очагъ, хотѣла скрыться; но дядя, схвативъ ее, крикнулъ своимъ, которые вбѣжали въ избу, зажали невѣстѣ ротъ и потащили ее изъ дома въ лѣсъ прямо черезъ прудъ, который въ этомъ мѣстѣ переходимъ. Какъ ни билась дѣвушка, какъ ни кусала парней, они всетаки благополучно притащили ее въ лѣсъ, гдѣ женихъ, вырѣзавъ лозу, *три раза хлеснулъ ею невѣсту по спинѣ*. За тѣмъ товарищи оставили молодыхъ и отправились въ деревню провѣдать что тамъ дѣлается. На мой вопросъ, какъ рѣшились они оставить жениха безъ помощи, когда невѣста такъ упорно имъ всѣмъ сопротивлялась и могла теперь отъ одного легко уйдти? мельникъ отвѣчалъ, что *какъ только женихъ въ этомъ случаѣ три раза хлеснетъ невѣсту лозой, то ужъ она ему жена, хотябы и ушла по умычкѣ—все равно.* „Но онѣ“, добавилъ мельникъ, „не уходятъ, а только плачутъ“. Между тѣмъ родители невѣсты, услышавшіе крикъ, прибѣжали на берегъ пруда и увидѣвъ, что

похитители достигли лѣса, сочли преслѣдованіе безполезнымъ и отправились въ домъ отца жениха условливаться о платѣ за невѣсту. Отецъ невѣсты обыкновенно кричитъ и ссорится, но отецъ жениха не прекословитъ, а только кланяется и спрашиваетъ чего желаетъ. По истеченіи нѣкотораго времени отецъ невѣсты опредѣляетъ цѣну, а отецъ жениха даетъ свою и тутъ начинается торгъ, при которомъ присутствуютъ и принимаютъ примиряющее участіе родные обѣихъ сторонъ. Въ разсказываемомъ случаѣ отецъ невѣсты запросилъ 100 руб., отецъ жениха далъ 50 руб., сошлись на 80 руб. Въ то время когда начинается торгъ, товарищи жениха идутъ къ нему сказать о благопріятномъ направленіи дѣла и затѣмъ остаются съ молодой, когда новобрачный отправляется домой, ожидать исхода переговоровъ. Когда отцы ударятъ по рукамъ, молодой входитъ и падаетъ въ ноги отцу невѣсты, прося наказанія и прощенія. Отецъ невѣсты беретъ плеть и бьетъ молодаго три раза по спинѣ, при чемъ родственникамъ жениха дозволяется набросить на спину подушку, которая за тѣмъ и принимаетъ на себя удары. Недовольство свое полученнымъ выкупомъ за невѣсту, или вообще заключеннымъ бракомъ отецъ молодой выражаетъ тѣмъ, что сбрасываетъ съ новобрачнаго подушку и бьетъ прямо по спинѣ. За тѣмъ приводятъ молодую и начинается свадебное угощеніе.

Н. Логановъ.

20 мая 1877 г.
г. Владиславовъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

О современномъ состояніи Страсбургскаго университета.

Страсбургскій университетъ, основанный въ 1872 году, не имѣетъ за собою историческаго прошлаго и тѣхъ традицій, которыя опредѣляютъ физіономію нѣмецкихъ университетовъ и придаютъ каждому изъ нихъ свой индивидуальный отпечатокъ. Онъ есть искусственное твореніе нѣмецкой администраціи, составленъ по заранѣе опредѣленному и во всѣхъ своихъ деталяхъ разсчитанному плану. Онъ былъ „per un tratto“ и цѣликомъ вылитъ въ форму изготовленную въ Берлинѣ. И это трудное дѣло было поручено одному лицу куратору Роненбахъ, на котораго и была возложена нелегкая обязанность навербовать профессоровъ и замѣстить каѳедры отборными учеными силами. Извѣстно, что въ Германіи назначеніе профессоровъ, хотя и зависитъ отъ правительства, фактически принадлежитъ университетскому сенату. Отсюда въ университетахъ преподаютъ профессора, принадлежащіе къ различнымъ поколѣніямъ, и являющіеся представителями различныхъ научныхъ направленій. Это, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои хорошія стороны, ибо это различіе элементовъ придаетъ научной жизни университетовъ разнообразіе и многосторонность. Но съ другой стороны оно имѣетъ то невыгодное послѣдствіе что профессора не составляютъ комплектнаго однороднаго цѣлаго, а раздробляются на партіи, къ мотивамъ борьбы между которыми нерѣдко примѣшиваются личныя соображенія, какъ мы то видимъ напр. въ Гейдельбергѣ, гдѣ интриги въ профессорской коллегіи составляютъ, по сознанію самихъ Гейдель-

бергцевъ «den Krebs'chaden» университетской жизни, и были одной изъ причинъ тому, что такіе ученые, какъ Гельмгольцъ, Виндшейдъ, Кирхгофъ промѣняли Гейдельбергъ на Берлинъ и Лейпцигъ. Ничего подобнаго здѣсь въ Страсбургѣ пока развиться не могло. Всѣ читающіе въ здѣшнемъ университетѣ профессора назначены однимъ лицомъ и при томъ человѣкомъ, стоявшимъ, по отзывамъ всѣхъ знающихъ его, на высотѣ своей задачи и руководившимся при замѣщеніи каѳедры лишь ясно сознанными интересами университета. Имѣя въ виду что создаваемая имъ корпорація не должна быть только коллегіей преподавателей, но и товариществомъ людей, которые сильные своимъ единствомъ, поддерживали бы интересы нѣмецкаго просвѣщенія въ Эльзасѣ, служили бы проводниками нѣмецкой культуры во вновь присоединенныхъ областяхъ и съ своей стороны содѣйствовали бы той задачѣ, которую преслѣдуютъ нѣмецкіе администраторы въ имперскихъ земляхъ, Ропенбахъ 1) старался привлечь *молодыхъ* людей, которые благодаря гибкости свойственной молодости, скорѣе могли бы приноровиться къ новымъ условіямъ своей дѣятельности и скорѣе сродниться съ той задачей, которая выпала на ихъ долю; 2) ученыхъ, которые придерживались бы по возможности одного научнаго направленія, дабы слишкомъ рѣзкое различіе въ мнѣніяхъ не дало бы повода къ размолвкамъ и личнымъ недоразумѣніямъ и дабы научное единеніе тѣснѣе сплотило ихъ и облегчало бы имъ совмѣстную общественную дѣятельность. И Ропенбаху вполнѣ удалось разрѣшить эту задачу. Профессора Страсбургскаго университета, дѣйствительно, составляютъ товарищество людей, тѣсно между собою связанныхъ общностью научныхъ и общественныхъ интересовъ. Объ интригахъ и ссорахъ между профессорами ничего не слыхать, они всѣ находятся между собою въ дружескихъ отношеніяхъ, часто между собою сходятся и т. д. Я былъ на одномъ такомъ собраніи профессоровъ у проректора Баумгартена. Тутъ были и историки (Шеферъ-Бойхоретъ, Кауфманъ) и естественники (Кунтъ, Гоппе-Зейлеръ) и юристы и политико-экономы (Зомъ, Бремеръ, Шмоллеръ) и, судя по этому примѣру, такія собранія профессоровъ много содѣйствуютъ ихъ сближенію. Уже одно то, что почти всѣ профессора, за немногими исключеніями люди нестарые, должно тѣснѣе связывать ихъ. На университетскомъ актѣ, я замѣтилъ лишь двухъ профессоровъ, украшенныхъ сѣдинами. Одинъ изъ нихъ еще молодой человѣкъ, но утра-

тившій внѣшніе признаки молодости, другой дряхлый старецъ, остатокъ французскаго владычества, профессоръ Шюшпертъ не послѣдовавшій примѣру своихъ товарищей и оставшійся преподавателемъ и послѣ преобразованія французской академіи въ нѣмецкій университетъ.

Внѣшнія условія Страсбургской жизни также содѣйствуютъ сближенію профессоровъ. Нѣмецкое населеніе Страсбурга—торговцы гамбургскими сигарами, чиновники, изъ за высокаго оклада переселившіеся изъ своего „Faterland'a", военные—все люди, общество которыхъ не привлекаетъ здѣшнихъ профессоровъ. Отсюда послѣдніе поневолѣ вращаются въ своемъ кружкѣ и составляютъ нѣкоторымъ образомъ status in statu. Какъ высшія нѣмецкія сферы слѣдятъ за тѣмъ, чтобы единеніе между профессорами не нарушалось, видно между прочимъ изъ рѣчи императора, обращенной къ профессорамъ. Въ этой рѣчи императоръ сказалъ между прочимъ: „Я надѣюсь, господа, что Вы останетесь вѣрны Страсбургу и не послѣдуете примѣру вашихъ товарищей въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ, любящихъ вести кочевую жизнь (Wanderleben)». И отношенія между профессорами и студентами ближе, чѣмъ даже въ Гейдельбергѣ. Это объясняется во первыхъ тѣмъ, что профессоровъ не отдѣляетъ отъ студентовъ слишкомъ рѣзкая разница въ лѣтахъ, во вторыхъ тѣмъ, что всѣ нѣмецкіе элементы среди эльзасскаго населенія тѣснѣе сближаются между собою. И тутъ вечеринки у профессоровъ служатъ однимъ изъ выраженій этого сближенія. Я имѣлъ случай присутствовать на одномъ такомъ собраніи студентовъ у того же профессора Баумгартена. Насъ разсадили за чайный столъ, уставленный весьма скромными яствами, колбасою, ветчиной и, угощаясь ими, мы говорили о пріемѣ, оказанномъ Страсбургомъ императору, толковали о русско-турецкой войнѣ и разсуждали о преимуществѣ классическаго образованія надъ реальнымъ. Затѣмъ насъ повели въ кабинетъ хозяина, роздали каждому по сигарѣ въ 10 пф. и, пожелавъ намъ всѣмъ доброй ночи, отпустили по домамъ.

Я слушаю лекціи Зома по исторіи германскаго права, Шмоллера по политической экономіи. Кромѣ того посѣщаю даровыя лекціи (1 разъ въ недѣлю) Шмоллера: о методѣ и литературѣ политической экономіи, и Геффкена: исторія восточнаго вопроса. Я первоначально подписался и на лекціи Баумгартена: „исторія эпохи возрожденія и реформаціи", но прослушавши нѣсколько

лекцій убѣдился, что слушаніе этого курса никакой пользы мнѣ принести не можетъ. Баумгартенъ читаетъ лишь политическую исторію XV и XVI вв. и не обращаетъ никакого вниманія на тѣ стороны общественной жизни, которыя возбуждаютъ во мнѣ особенный интересъ. Но я бы еще помирился съ этой односторонностью чтеній Баумгартена, если бы онъ при изложеніи политической исторіи слѣдовалъ методу, который бы позволилъ ему раскрыть внутреннюю связь событій и представить слушателямъ выводимыя имъ историческія событія въ видѣ цѣлаго, отдѣльныя звенья которой были бы связаны между собою какъ причина съ слѣдствіемъ. Между тѣмъ Баумгартенъ ограничивается изложеніемъ фактовъ, ихъ констатированіемъ и не заботится объ томъ, чтобы раскрыть предъ слушателями внутреннія мотивы, вызвавшіе эти факты и тотъ процессъ, результатомъ котораго являются описываемыя имъ историческія событія. Я всего лучше охарактеризую методъ Баумгартена если скажу, что онъ (т. е. Баумгартенъ) не *объясняетъ* историческихъ явленій, а лишь констатируетъ ихъ и *описываетъ*. Онъ началъ свой курсъ не опредѣленіемъ своей задачи, не характеристикой того времени, которое онъ выбралъ предметомъ своихъ чтеній, не опредѣленіемъ значенія этого возрожденія, а прямо началъ съ характеристики лицъ и отдѣльныхъ событій, прямо ввелъ своихъ слушателей въ хаосъ итальянской политики конца XV вѣка. Онъ поразсказалъ намъ очень пикантные анекдоты изъ придворной жизни итальянскихъ тирановъ того времени, очень рѣзкими красками описалъ намъ личность Александра VI и его сына Цезаря Борджія, привелъ очень интересныя цифры, характеризующія экономическую жизнь Флоренціи. Но это были отдѣльные листки, сами по себѣ очень интересные, но именно потому и заставлявшіе жалѣть о той книгѣ изъ которой они были вырваны. Изложеніе Баумгартена это панорама красивыхъ, а подчасъ и эффектныхъ картинъ, ласкающихъ взоръ и возбуждающихъ любознательность слушателей, но неудовлетворяющихъ ее.

Вотъ почему я пересталъ посѣщать эти чтенія, что не помѣшало однако мнѣ поддерживать съ Баумгартеномъ самыя дружескія отношенія. Ему я обязанъ правомъ пользоваться библіотекой на равнѣ съ профессорами, брать книги въ неограниченномъ количествѣ, пользоваться билеточнымъ каталогомъ (другаго каталога пока еще нѣтъ), доступомъ во внутреннія залы библіотеки и т. п. Профессоръ Баумгартенъ полезенъ мнѣ и въ

томъ отношеніи, что, обладая широкими свѣдѣніями по исторіи изучаемой мной эпохи, указываетъ мнѣ источники и пособія и служитъ мнѣ, такимъ образомъ, живымъ каталогомъ.

Профессоръ Шмоллеръ читаетъ въ этомъ полугодіи общую часть политической экономіи. Онъ началъ съ опредѣленія понятія народнаго хозяйства и затѣмъ прямо перешелъ къ первой части своего курса: „Естественныя условія и вліяніе ихъ на народное хозяйство“. Онъ даетъ тутъ очень богатый статистическій матеріалъ, искусно и наглядно группированный и на основаніи его выводитъ общія положенія, въ которыхъ опредѣляетъ вліяніе климата, почвы, минеральныхъ богатствъ, растительности страны и т. д. на характеръ и степень развитія ея народнаго хозяйства. Въ настоящее время онъ перешелъ ко второй части своего курса: „Ученіе о народонаселеніи“. Онъ началъ этотъ отдѣлъ съ исторіи движенія народонаселенія въ Европѣ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Тутъ онъ объяснилъ, какъ подъ вліяніемъ расширенія народонаселенія, сталкивались отдѣльныя племена, что было первымъ толчкомъ къ развитію осѣдлости и организаціи первыхъ формъ общежитія. Перейдя къ Риму онъ подробно охарактеризовалъ его колоніальную политику, старался объяснить необыкновенный ростъ народонаселенія во время республики и отсутствіе этого роста при императорахъ. Онъ подробно остановился на первомъ столкновеніи Рима съ германскимъ міромъ и охарактеризовалъ Римъ, какъ ту плотину, которая сдержала натискъ германскихъ племенъ, заставила ихъ остаться и выработать новѣйшія формы общежитія. Когда эти формы консолидировали германскія племена и организація ихъ окрѣпла, когда сгущеніе народонаселенія заставило ихъ искать новыя жилища, тогда произошелъ второй натискъ, который на этотъ разъ прорвалъ плотину и рѣшилъ судьбу Рима. Затѣмъ онъ перешелъ къ двумъ важнѣйшимъ катастрофамъ среднихъ вѣковъ: къ крестовымъ походамъ и къ вытѣсненію славянскихъ племенъ на востокъ Европы. И то и другое онъ объяснилъ сгущеніемъ народонаселенія на западѣ. Перейдя къ новѣйшему времени, онъ изложилъ исторію движенія народонаселенія параллельно съ исторіей политико-экономическихъ теорій и старался выяснить взаимодѣйствіе науки и жизни. Его критика этихъ теорій не была критикой съ точки зрѣнія началъ, выработанныхъ современной наукой, а была всегда отвѣтомъ на вопросъ: какими условіями была вызвана данная теорія и какимъ

потребностямъ она удовлетворяла? Такимъ образомъ Шмоллеръ умѣетъ въ своихъ лекціяхъ благодаря слѣдуемому имъ методу, не только выставлять абстрактныя положенія, какъ то дѣлаютъ послѣдователи догматической школы, не только иллюстрировать ихъ примѣрами, какъ то дѣлаетъ Ромеръ, но и давать богатый историческій и статистическій матеріалъ на которомъ и покоятся его выводы.

Профессоръ Зомъ обладаетъ качествами, которыя рѣдко соединяются въ историкѣ права. Широкое и глубокое юридическое образованіе, которое всего рѣзче сказывается въ его развитомъ юридическомъ мышленіи, знакомство съ такими важными вспомогательными науками, какъ политическая экономія и философія, отличаютъ Зома отъ его сотоварищей по наукѣ. Но что дѣлаютъ его чтенія особенно привлекательными—это умѣнье сводить исторію германскаго права къ извѣстнымъ основнымъ началамъ, которыя опредѣляютъ характеръ отдѣльныхъ эпохъ и по отношенію къ которымъ отдѣльные институты и учрежденія являются лишь естественными и необходимыми послѣдствіями. Онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ распутываетъ сложный клубокъ разнообразной и многосторонней жизни германскаго народа и старается отыскать тѣ корни, которые пустили столь разнообразные ростки, представляющіеся неопытному глазу рядомъ разнородныхъ явленій, не связанныхъ общностью своего происхожденія.

А. Алексѣевъ.

Страсбургъ 13—25 мая 1877 г.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОММИССІОНЕРА

ТИПОГРАФІИ II ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ,

И. П. АНИСИМОВА.

ВЪ МОСКВѢ,
на Никольской улицѣ, въ д. Заиконоспасскаго монастыря.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекой.

Спеціальная продажа книгъ законовъ и распоряженій правительства, а равно и всѣхъ прочихъ вновь выходящихъ юридическихъ сочиненій.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ (11-е изданіе). Ц. 2 р. 75.

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ, т. X. ч. 1 изд. II СПБ. 1877 Ц. 1 р. 75 к.

ЗАКОНЫ О СУДОПРОИЗВОДСТВѢ, т. X. ч. 2 (7-е изданіе). Ц. 1 р. 50 к,

УСТАВЫ *торговый*, *фабричной и заводской* промышленности и *ремесленный*. Св. зак., т. XI. ч. 2 (6-е изданіе). Ц. 2 р.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ. Ц. 60 к.

УСТАВЪ О ПИТЕЙНОМЪ СБОРѢ (5-е изданіе). Ц. 2 р.

УСТАВЪ СТРОИТЕЛЬНЫЙ (2-е изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

УСТАВЪ О ПОШЛИНАХЪ. Ц. 1 р.

УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ (5-е изданіе). Ц. 60 к.

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ. Ц. 20 к.

по причинѣ расточительности, дѣйствительно, и существующее въ законѣ (т. XIV уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 240) правило объ устраненіи расточителя отъ права на продажу или закладъ своего имѣнія и на заключеніе всякаго рода обязательныхъ актовъ не распространяется на право завѣщать это имѣніе (т. X ч. I зак. гражд. ст. 1017 и 1019). (Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда, по V отд., о духовномъ завѣщаніи вдовы почет. гражд. Екатерины Малютиной). 109

б) Протестовать векселя противу срочныхъ по онымъ поручителей не представляется надобности. (Рѣшеніе Рязанскаго Окружнаго Суда, по 3 отдѣл., по дѣлу мѣщанки Цѣвиной.— 117

XII. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—Д. Т. и Н. Логанова.... 120

XIII. — ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.—А. Алексѣева. 128

XIV — ОБЪЯВЛЕНІЯ:

а) Объ изданіи Юридич. Вѣстника въ 1877 году..... 1

б) Отъ книжнаго магазина И. П. Анисимова..... 1

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ въ 1877 году ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ и болѣе.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

ЮФ СПбГУ